Sep 05

9 12 Сент 05.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. СЕНТЯБРЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Матеріалы для біографіи князя М. И. Голенищева-Кутузова.** К. Волховского . . . . . 283—288

II. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма И. П. Одонталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 289—293

III. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1806 г.** Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 295—300

IV. **Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 года.** Ф. В—па. . . . . 301—331

V. **Въ Румыніи передъ войной 1877 г.** Г. И. Бобрикова. . . . . 332—342

VI. **Древнія русскія монеты X—XVI в.** Н. Я. Кипріановича . . . . . 343—356

VII. **Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій.** А. В. Кубинцева. . . . 357—371

VIII. **Изъ записокъ Н. А. Скалона.** Сообщ. П. Скалонъ. 373—374

IX. **Замѣтки о поѣздкахъ по С.-В. Персіи.** П. Гладышева. . . . . 375—393

X. **Новгородское ополченіе 1812 года и памятникъ ему въ Новгородѣ.** Н. Лашкова. . . . . 394—401

XI. **Студенческіе годы.** (Воспоминанія о Варшавскомъ университетѣ). К. Н. Тура. . . . . 402—442

XII. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Замѣчательный указъ 25 января 1808 г.** Сообщ. П. В. Федоровъ. . . . 294

б) **Обмануть Наполеона.** Сообщилъ Н. Л. 372

XIII. **А. Ѳ. Кони.** На жизненномъ пути. Томъ первый. Изъ записокъ судебнаго дѣятеля.—Житейскія встрѣчи. С.-Петербургъ. 1912 г. 1

XIV. **Военная галлерея 1812 г.** . . . . . 2—3

XV. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 25 августа по 15 сентября 1911 г.** (на оберткѣ).

Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года. . . . 121—140

Приложенія: Портретъ князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова и карта войны 1812 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1912.

25374 19 т.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1912 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 25 августа по 15 сентября 1911 г.

Елизавета Грузинская. Грузинскій Вопросъ (возникшій вслѣдствіе грузино-русскаго трактата отъ 24-го іюля 1783 г. и манифестовъ Имп. Павла I и Александра I отъ 18-го января и отъ 12-го сент. 1801 г.). Спб. 1911. Тип. Т-ва „Свѣтъ“ (Невскій, 136). 4° (25×33). 7 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Жизнь и кончина Свят. Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго М. 1911. Изд. А. С. Балашова (Трубная, 13). Тип. Ломоносовъ. 18° (11×18). XVI стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 39. Спб. 1911. Тип. главн. упр. удѣловъ (Моховая, 40). 8° (21×29) 166 стр. Съ рис.+XVIII табл. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 900 экз.

Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. Вып. XXI. Изд. подъ ред. В. И. Ассонова. 1911 годъ. Калуга. 1911. Тип. Е. Г. Архангельской. 8° (16×24). 84 стр.+2 листа чертеж. Ц. 1 р. Вѣсъ 12 л. 200 экз.

Катаевъ, И. М. Смута московскаго государства и отраженіе ея въ Нижнемъ-Новгородѣ. Историческій очеркъ къ 300-лѣтію смутнаго времени. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. 2-е, нижегор. учен. арх. коммис. Тип. нижегор. печ. дѣла. 16° (12×17). 68 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Павловъ, А. Біографіи Русскихъ образцовыхъ писателей. Пособіе для городскихъ училищъ. Спб. 1911. Изд. 16-е и тип. Гутзаца (Шпалерная, 26). 8° (17×23). 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій въ двухъ частяхъ. Съ приложеніемъ пяти картъ (составленныхъ И. Н. Михайловымъ). Спб. 1911. Изд. 4-е. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×22). 492 стр. и 5 картъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 40.000 экз.

Прозрителевъ, Г. Изъ прошлаго Сѣвернаго Кавказа. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнблата. 8° (18×28). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Прозрителевъ, Г. Къ 125-лѣтію гор. Ставрополя (на Кавказѣ). Труды Ставропольской ученой архивной коммиссіи. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнблата. 8° (18×28). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 600 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія руской словесности. Ч. I. Выпускъ II. (Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в.). Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова, 5-е испр. Тип. М. Волковича (Садовая, 60) и т-ва „Трудъ“. 8° (17×24). XVI+251 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 10.000 экз.

Собріевскій, А. С. Князь Воронцовъ и наши архивы. Докладъ общему собранію членовъ Ставропольскаго губернскаго статистическаго комитета 8-го апрѣля 1905 г. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнблата. 8° (18×27) 14 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1909. Подъ ред. графини Уваровой. Томъ III. М. 1911. Изд. Археол. Общ. Тип. В. Воронова (Моховая, домъ князя Гагарина). 4° (26×35). VI + 469 + 136 стр. Съ рис. + X табл. рис. Вѣсъ 5 ф. 4 л. 625 экз.

Федоровъ, Ив. Опытъ хронологической канвы къ біографіи В. Г. Бѣлинскаго, съ приложеніемъ библіографическаго указателя 1811—1911 г. Смоленскъ. 1911. Тип. А. Н. Подземскаго. 8° (16×24). 45 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Бирюковъ, П. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. По неизданнымъ матеріаламъ (воспоминанія и письма Л. Н. Толстого). Томъ I. М. 1911. Изд. Посредника (Арбатъ, д. Тѣстова), 2-е. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (14×20). 520 стр.+ +30 лист. рис. и портр. Ц. 2 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 5.200 экз.

Бродскій, Н. Л. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Памфлеты, пѣсни, сказки, заговоры, пословицы, поговорки, драмы-комедіи, великорусскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе (Универсальная библіотека, №№ 506—7). М. 1911. Изд. Польза, В. Антикъ и К° (Казицкій, 2). Тип. Левенсонъ. 16° (9×14). 190+2 нен. стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 5.200 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Съ автографами и письмами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ темъ и вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ, съ критико-біографическимъ очеркомъ Г. В. Александровскаго. Подъ ред. Б. К. Фукса. Т. VI. Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. Б. К. Фукса. Тип. К. Круглянскаго (Спасская, 6). 8° (16×24). 374+ +104 стр. Складъ: Кн. маг. В. А. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 6.000 экз.

Исторія русской арміи и флота. Роскошно-иллюстрированное изданіе. Т. IV. М. 1911. Изд. Книгоизд. т-во „Образованіе“. Тип. „Русскаго т-ва“ (Мыльниковъ пер., св. д.) 8° (19×27). 155+II+2 нен. стр. Съ 23 рис. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 5.000 экз.

Кольцовъ, А. В. Полное Собраніе сочиненій. Спб. 1911. Изд. 3-е и тип. Академіи Наукъ и Р. Голике и А. Вильборга. 8° (17 × 23). XL + 471 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 15.000 экз.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Михаилъ Г. Кутузовъ.

Сист. 05.

Инв. № 2552.

Матеріалы для біографіи князя М. И. Голенищева-Кутузова.

Выписка изъ списка, отъ Маріупольскаго полка, доставленнаго за Генварьскую треть 1785 года. „Генералъ-маіоръ, военнаго ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса кавалеръ, Михайло Голенищевъ-Кутузовъ 37 лѣтъ [1]). Изъ Россійскихъ дворянъ, за отцемъ его во Псковскомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ мужеска полу восемьсотъ душъ, закона вѣры Греческаго исповѣданія. 759 г. октября 10-го вступилъ въ службу Артиллеріи капраломъ (2), каптенармусомъ 759 г. октября 20-го, въ Инженерный корпусъ кондукторомъ 760 г. января 1-го; прапорщикомъ 761 г. января 1-го; Его Свѣтлости г. генералъ-фельдмаршала принца Ф. Голштейнскаго флигель-адъютантомъ 1762 г. марта 1-го; а потомъ переименованъ капитаномъ 1762 августа 21-го. Оберъ-квартирмейст. премьеръ Маіорскаго чина 770 г. іюля 1-го; подполковникомъ 771 г. декабря 8-го, полковникомъ 777 г. іюня 28-го. Бригадиромъ 782 г. іюня 28-го. Ген.-маіоромъ 784 г. ноября 24. Въ походахъ и у дѣлъ противъ непріятеля былъ 764 и 765 г. Польшѣ въ минувшую войну, въ 769 г.

[1]) По справкѣ въ энциклопедическихъ словаряхъ Березина, Эфрона и другихъ, а равно въ Военномъ энциклопедическомъ лексиконѣ годъ рожденія генералъ-фельдмаршала князя Михаила Илларіоновича Кутузова, князя Смоленскаго, показанъ 1745 годъ, а въ Военномъ энц. лексиконѣ, кромѣ года 1745, обозначено 3 сентября—день рожденія. Слѣдовательно, въ 1785 году, Кутузову не могло быть 37 лѣтъ, а шелъ сороковой годъ. Относительно другихъ неточностей, встрѣчающихся въ этомъ послужномъ спискѣ, будетъ сказано въ концѣ.

въ Польшѣ; 770 г. въ Молдавіи противъ непріятеля въ сраженіяхъ: іюня, 10-го при Рябой могилѣ, въ сраженіи подъ командою господина генералъ-квартермист. Баура въ Прутѣ, іюня 5-го и 7-го на баталіи при Ларгѣ, 21 іюля въ баталіи при рѣкѣ Кагулѣ, въ 1771 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ при по Попештахъ, въ сраженіи, при разбитіи сорока тысячъ непріятеля; былъ 772, 773 г. въ Крыму. 773 г. ноября 6-го. 774 г. апрѣля по 22-ое число въ отдѣленномъ деташементѣ подъ господина генералъ-маіора Кохіуса прѣ Днѣпрѣ въ урочищѣ Алешкахъ противъ Кимбурна; въ томъ же 774 году въ Крыму на дѣйствительномъ съ непріятелемъ сраженіи при взятіи непріятельскаго укрѣпленія въ деревнѣ Шуммѣ близъ Алуштинской пристани, гдѣ и раненъ пулею навылетъ въ голову позади глазъ; 778 г. мая съ 20-го сентября по 29-ое число внутри Крыма находился. Грамотѣ читать и писать по Россійски умѣетъ, а также нѣмецкій и французскій, фортификаціи и артилдеріи знаетъ. Въ отпускахъ 765 г. сентября 1-го 786 г. мая по 1-ое того же годовъ, сент. 1-го 767 году по 16 сент. и на данные сроки при командѣ являлся. Въ штрафахъ подъ судомъ и безъ суда не былъ при отлучкахъ. Въ комплектѣ на полковничьей вакансіи, и находился въ домѣ его, состоящемъ въ Псковскомъ намѣстничествѣ, уволенъ Его Свѣтлостью ген.-фельд. княземъ Григор. Алекс. Потемкинымъ † 784 г. сентября 3-го.

Подписано Михаил. Рахманов. 6 класса. Съ подчиталъ 9 класса Глазуновъ.

Награжденъ Георгіевскими крестами: 4-ой степени, въ войнѣ съ Турками при Алуштѣ 24 іюня 1774 г. со знаменемъ въ рукахъ ворвался въ укрѣпленное селеніе „Шуммы“, раненъ въ правый глазъ. 3-ей степени—25 марта 1791 г. за взятіе Измаила.

2-ой 1791 г. за „Мачинское дѣло“, 1-ой за окончательное пораженіе и изгнаніе остатковъ арміи Наполеона изъ предѣловъ Отечества въ 1812 г.

Выписки изъ Высочайшихъ приказовъ.

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ 1793 г. сентября 12 за № 4835.

2 сентября 1793 г. за службу его жалуется въ вѣчное и потомственное владѣніе двѣ тысячи душъ.

15 сентября 1794 г. генералъ-директоромъ Императорскаго Сухопутнаго Корпуса (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ) [1]).

---

[1]) Кутузовъ въ качествѣ директора кад. корпуса обращалъ особенное вниманіе на молодыхъ людей, оказывающихъ успѣхи въ наукахъ и приглашалъ ихъ къ себѣ. Желая ознакомить ихъ съ высшею военною наукою, онъ учредилъ въ корпусѣ классъ тактики, не только для кадетъ, но и для офицеровъ, гдѣ самъ занимался преподаваніемъ, а чертить фигуры поручалъ кадетамъ—преимущественно К. Ѳ. Толю, котораго полюбилъ съ

1797 года декабря 24-го по Высочайшему повелѣнію фельдмаршалъ Графъ Каменскій, по прошенію его, по слабости здоровья отъ службы увольняется съ ношеніемъ Армейскаго мундира, а на мѣсто его назначается Инспекторомъ и Шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка Генералъ-Лейтенантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

1798 года января 4-го по Высочайшему повелѣнію Всемилостивѣйше пожалованъ въ Генералъ-отъ-Инфантеріи. 1799 года сентября 27-го назначенъ къ командованію корпусомъ въ Голландіи.

1799 года октября 26-го назначенъ Шефомъ въ Мушкетерскій полкъ, бывшій Лассія.

1801 года іюня 18-го назначенъ С.-Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ.

1801 года іюля 11-го назначенъ Инспекторомъ Финляндской Инспекціи.

1802 года августа 29-го, по прошенію его за болѣзнію уволенъ въ отпускъ на годъ.

1804 года августа 14-го Его Императорское Величество объявилъ свою совершенную благодарность, какъ за устройство произведенныхъ маневровъ, такъ и за исправность и порядокъ, соблюдаемые въ войскахъ во время оныхъ [1]).

1806 года октября 5-го поручена должность Кіевскаго Военнаго Губернатора.

1809 года іюля 3-го поручена должность Виленскаго Военнаго Губернатора.

1810 года декабря 2-го уволенъ въ отпускъ по 1-ое февраля 1811 года.

1812 года марта 16-го дня по именному Высочайшему указу, Правительствующему Сенату данному, Всемилостивѣйше утвержденъ въ званіи Главнокомандующаго Дунайскою Арміею со всѣми правами, властію и преимуществами главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею.

юныхъ его лѣтъ и который, впослѣдствіи (1812 г.) былъ при немъ генералъ-квартирмейстеромъ. (Извлечено изъ Сб. свѣд. о воен.-учеб. зав. въ Россіи. Н. Мельницкаго стр. 118).

[1]) Въ этихъ выпискахъ изъ приказовъ не приведено участіе Кутузова въ походахъ 1783, 1787, 1788, 1789, 1790 и 1791 гг.; не сказано, что при осадѣ Очакова Кутузову вторично прострѣлили голову, при чемъ лечившій его докторъ писалъ: „Надобно думать, что Провидѣніе сохраняетъ этого человѣка для чего-нибудь необыкновеннаго, потому что онъ исцѣлился отъ двухъ ранъ, изъ коихъ каждая смертельна“. Не указано, что подъ Аустерлицемъ Кутузовъ раненъ третій разъ въ лицо. Не упомянуто также, что въ 1793 году Кутузовъ былъ посломъ въ Константинополѣ, а въ 1805 году въ Австріи имѣлъ подъ начальствомъ русскія и австрійскія войска. *Ред.*

1812 года іюля 31-го въ Высочайшемъ повелѣніи, на Имя Его Свѣтлости послѣдовавшемъ, изображено „по назначеніи Васъ Главнокомандующимъ формируемаго въ С.-Петербургѣ Корпуса, нахожу нужнымъ поручить Главному Начальству Вашему всѣ войска, находящіяся въ С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ и Финляндіи, не исключая и морскихъ, дабы вы, имѣя оныя въ единственной своей командѣ, могли въ случаѣ надобности употреблять и соединять оныя, имѣя въ то же время наблюденіе; дабы распоряженія Ваши, о морскихъ войскахъ дѣлаемыя, были не иначе, какъ по сношенію съ Морскимъ Министромъ, дабы предписанія Ваши не были вопреки дѣлаемыхъ имъ распоряженій по флоту, вслѣдствіе данныхъ мною Морскому Министру предписаній".

1812 года августа 12-го за № 21011 изъ указа Правительствующаго Сената между прочимъ видно, что въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату отъ 8-го августа, изображено: „Нашему Генералу-отъ-Инфантеріи Князю Кутузову Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть Главнокомандующимъ надъ всѣми Арміями нашими, съ присвоенными къ сему званію преимуществами послѣдними узаконеніями".

(Изъ дѣла 1-го отдѣленія бывшей общей канцеляріи Военнаго Министерства).

По донесенію на Высочайшее Имя.

Августа 30-го за № 1122 Его Свѣтлость въ донесеніи къ Государю Императору 27-го августа же Всеподданнѣйше доноситъ о бывшемъ 26-го числа достопамятномъ сраженіи при селѣ Бородинѣ, на полѣ рукою Генералъ-отъ-Артилленіи графа Аракчеева написано: „Его Императорское Величество въ воздаяніе знаменитыхъ заслугъ Генералъ-отъ-Инфантеріи князя Кутузова, Всемилостивѣйше произвелъ его въ Генералъ-Фельдмаршалы и пожаловалъ ему 100.000 руб.".

1812 года октября 31-го за № 418 на таковомъ же донесеніи Его Свѣтлости отъ 7-го октября изъ д. Леташевки, объ одержанной побѣдѣ надъ французскимъ корпусомъ, бывшимъ подъ командою короля Неаполитанскаго, рукою же Графа Аракчеева написано: „Его Императорское Величество за одержанную побѣду надъ непріятелемъ, жалуетъ Генералъ-Фельдмаршалу князю Кутузову шпагу, богато украшенную алмазами, съ лавровыми вѣнками".

1812 года декабря 24-го за № 29123 изъ указа Правительствующаго Сената явствуетъ, что въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату сего декабря въ 6-й день, собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: „въ память незабвенныхъ заслугъ Нашего Генералъ-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова, довед-

шаго многочисленныя непріятельскія войска искусными движеніями своими и многократными побѣдами до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства, особливо же за нанесенное въ окрестностяхъ Смоленска сильное врагу пораженіе, за которымъ послѣдовало освобожденіе сего знаменитаго града и поспѣшное преслѣдуемыхъ непріятелей изъ Россіи удаленіе, жалуемъ Мы ему титулъ Смоленскаго, повелѣвая Правительствующему Сенату заготовить на оный Грамоту и внесть къ Нашему подписанію".

Выше означенныя выписи изъ послужнаго списка (формуляра) князя Кутузова и Высочайшихъ приказовъ доставлены [1]) директору 2-го кадетскаго корпуса и помѣщены въ приложеніяхъ къ исторіи этого корпуса, напечатанной въ текущемъ году, въ юбилейномъ изданіи, которое разошлось по подпискѣ среди бывшихъ кадетъ этого корпуса.

Вслѣдствіе этого документы о князѣ Кутузовѣ остались мало извѣстными, несмотря на ихъ цѣнность въ виду столѣтія Отечественной войны.

Кромѣ того, въ нихъ встрѣчаются неточности относительно начала службы и ученія кн. М. И. Голенищева-Кутузова, такъ, напримѣръ, въ формулярѣ говорится, что Кутузовъ вступилъ въ службу 10-го октября капраломъ. Между тѣмъ, историкъ 2-го кадетскаго корпуса Ломинъ [2]), на стр. 102 говоря объ артиллерійской и инженерной школѣ, въ которой обучался Кутузовъ, указываетъ, что „при школѣ получили образованіе многіе молодые люди, прославившіеся впослѣдствіи на поприщѣ государственной службы, и между прочимъ герой 1812 г. Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ".

Еще находясь въ школѣ, Кутузовъ обращалъ на себя вниманіе, какъ замѣчательными способностями, такъ и прилежаніемъ. Въ спискахъ за 1759 годъ, онъ показанъ артиллеріи фурьеромъ и 28 октября того же 1759 года произведенъ за прилежаніе къ наукамъ въ артиллеріи каптенармусы; „слѣдовательно, Кутузовъ не могъ вступить въ службу 20 октября, такъ какъ въ это время онъ еще учился въ школѣ. За тѣмъ далѣе г. Ломинъ сообщаетъ, что „29 декабря ордеромъ, даннымъ графомъ Шуваловымъ [3]), Кутузовъ произведенъ въ инженеръ-кондукторы 1-го класса, съ оставленіемъ при школѣ *къ вспоможенію офицерамъ для обученія прочихъ*. Такимъ образомъ, продолжая еще курсъ наукъ, Кутузовъ

[1]) Изъ Военнаго Министерства.

[2]) Историческое обозрѣніе 2 кадет. корпуса, изданное по случаю столѣтняго юбилея, исполнившагося въ 1862 году.

[3]) Генералъ-фельдцейхмейстеръ, въ подчиненіи котораго состояла соед. дворян. Арт. и Инж. школа.

въ то время занимался преподаваніемъ ариѳметики и геометріи въ соединенной солдатской школѣ". Въ 1761 году, по представленію Мордвинова [1]), Кутузовъ былъ произведенъ въ инженеръ-прапорщики, и затѣмъ 5 іюня того же года (а не 1 января) отчисленъ отъ школы, для опредѣленія въ дѣйствительную службу. Кромѣ знанія языковъ французскаго и нѣмецкаго, о которыхъ упоминается въ выпискѣ изъ формуляра, по школьнымъ свѣдѣніямъ Кутузовъ зналъ латинскій языкъ, т. е. „на латинскомъ разумѣлъ автора".

Въ заключеніе остается указать, что во всѣхъ энциклопедическихъ словаряхъ, не исключая военнаго, сказано, что Кутузовъ воспитывался въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ корпусѣ. Подобнаго наименованія того заведенія, въ которомъ обучался Кутузовъ въ 1759—1761 г.г. не было, а именовалось оно *Соединенною Артиллерійскою и Инженерною Дворянскою школою*. Ибо Артил. и Инженер. Шляхетный кадетскій корпусъ былъ учрежденъ лишь 25 октября 1762 г., а въ 1800 году былъ переименованъ во 2-ой кадетскій корпусъ.

При основаніи своемъ Артил. и Инженер. кад. корпусъ предназначался къ подготовленію свѣдущихъ офицеровъ для Артиллеріи и Инженернаго вѣдомства. Онъ замѣнилъ собою существовавшія для этой же цѣли спеціальныя школы, которымъ начало положено было еще Петромъ Великимъ. Эти школы вошли въ составъ корпуса, при его учрежденіи. Такъ что это было непереименованіемъ, даже не преобразованіемъ, а дѣйствительнымъ основаніемъ новаго военно-учебнаго заведенія по образцу—учрежденнаго Императрицею Анною Іоанновною Шляхетнаго кадетскаго корпуса (173—32 г.г.), нынѣ 1-го кадетскаго. Что касается до Петровскихъ военныхъ школъ, то свѣдѣнія о нихъ въ виду отсутствія таковыхъ весьма смутны. Архивъ 1-го кадетскаго корпуса пострадалъ отъ пожара, а 2-го кадетскаго корпуса—тоже не полонъ, такъ какъ исчезло нѣсколько дѣлъ стараго времени. Только Архивъ Морского вѣдомства довольно полонъ, что дало возможность написать генералу Веселаго довольно полную и правдивую исторію Морского корпуса, не прибѣгая къ обобщеніямъ, чтобы доказать связь съ историческимъ прошлымъ—старыхъ военно-учебныхъ заведеній XVIII-го вѣка съ таковыми XIX и XX вѣковъ.

К. Волховской.

[1]) Начальника этой школы.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одинталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

---

67 [2]).

Сентября 3. 1812 г. Вторникъ.

Мнѣ стыдно и совѣстно требовать отъ васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, за мою рѣпу ваши ананасы; но поелику они составляютъ для меня не лакомство, а душевное лекарство, то надѣюсь, что изъ свойственнаго вамъ состраданія продолжите пользовать меня вашими несравненными посланіями. Авось Провидѣніе еще будетъ ко мнѣ столь милостиво, что не совсѣмъ утомленіями отвлечетъ васъ отъ неоставленія меня. Когда не будете имѣть свободныхъ минутъ за дѣлами службы, то посылайте мнѣ по крайней мѣрѣ графскіе бюллетени.

Вашъ 28 № съ приложеніями имѣлъ утѣшеніе получить. Тургеневу ту же минуту послалъ нарочнаго, а другое письмо отнесъ самъ черезъ часъ по полученіи. Не заставъ въ городѣ В., я вручилъ его ея матери въ церкви и предложилъ мою готовность переслать отвѣтъ. Принесутъ, такъ доставлю Вамъ оный.

Государь еще здѣсь, и я не слышу болѣе о днѣ его отъѣзда къ вамъ или въ другое мѣсто. Кутузовъ Александровъ день превра-

---

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1912 г.

[2]) За сентябрь дошло только два письма—отъ 3-го и отъ 6-го числа; остальныя, если и были, очевидно, пропали вслѣдствіе занятія Москвы французами, октябрьскія письма начинаются съ 15-го числа.

тилъ сего года въ Петербургѣ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Всѣ, поздравляя другъ друга съ побѣдою, обнимались, лобызались. Не можно описать радости и восторга, которые изображались на всѣхъ лицахъ. Самые плуты французы пустились на изверга сочинять каламбуры. Voilà, disoient-ils, on savoit même en France qu'il n'aura plus de succès, assitôt qu'il aura un successeur. Погода была прекрасная. Народу по Невскому проспекту отъ самаго адмиралтейства до монастыря двигалось чрезъ цѣлый день такое множество, что англійскій посолъ сказалъ: „Ma foi! en jugeant d'après cette multitude je n'oserai prononcer, si Londres est plus peuplé que Pétersbourg“. Высочайшій Именинникъ былъ чрезвычайно веселъ. Онъ шествіе свое совершалъ взадъ и впередъ на лошади. Воздухъ наполнялся восклицаніями народа. Я самъ съ нимъ кричалъ ура! Гдѣ жъ объ этомъ упомянуто? Меня, конечно, редакторы во множествѣ отдѣльно слышать не могли, но какъ оглохли они до такой степени, чтобъ не слыхать восклицаній, отъ коихъ колебался воздухъ? Notez cela. Знайте также, что я видѣлъ несчастныхъ, которые въ радостный день стояли въ церкви, повѣся носъ, а послѣ увѣряли, что мы преждевременно радуемся. У васъ этакіе мерзавцы составляютъ невидимое ополченіе злодѣя, а у насъ они гордятся, что могутъ явно быть ему помощниками. Ихъ, къ счастью, теперь не слушаютъ, и потому-то побѣдителя сдѣлали фельдмаршаломъ, пожаловали ему 100 т. рублей, супруга его возведена въ статсъ-дамы, а племянница Яхонтова въ фрейлины. Въ тотъ же день Горголи [1]) пожалованъ генералъ-маіоромъ и утвержденъ оберъ-полиціймейстеромъ: одному полиціймейстеру дали алмазные знаки, а служащему у министра полиціи, дѣйст. ст. совѣтнику Лаврову—1-й степени Анны. Пусть за великимъ Кутузовымъ и этотъ народъ прихвостничаетъ, а я сдѣлалъ хвостъ къ скромной „Сѣв. Почтѣ“, прибавя, что молебствіе воспѣто было съ пушечными выстрѣлами для побѣды, и что въ вечеру добровольно весь городъ былъ освѣщенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ стоитъ, то не было еще толь радостнаго Александрова дня, каковъ онъ былъ въ прошедшую пятницу. О, злодѣи! и вы этого не хотите возвѣстить? Вамъ только и писать дерьмо въ ваши листы о Великихъ Лукахъ. Ростопчинъ, смотри въ Тихвинъ. Пошли туда вѣрнаго человѣка въ ризничью монастыря, но скорѣй, дабы захватить тамъ скарбъ одного изъ злодѣевъ. Раздай его по окончаніи дѣла разореннымъ смольянамъ.—Adressez

---

[1]) Горголи, Иванъ Саввичъ, род. 1770 г. † 18 марта 1862 г.; съ 25 сентября 1811 г. по 22 августа 1821 г. былъ петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ.

moi un courier, je vous dirai alors la chose plus intelligiblement. Богомъ клянусь, что я въ гробъ лѣзу, видя разные маневры внутреннихъ злодѣевъ. Одна надежда на графа и Трощинскаго, что накажутъ ихъ.

Наше ополченіе въ числѣ 12 тысячъ въ воскресенье на Исаакіевской площади получило одно знамя. Оно совсѣмъ готово и выступаетъ въ четвертокъ на Псковъ. Вѣроятно, посылаютъ его къ герою Витгенштейну, къ которому идетъ изъ Ревеля и 25-ти-тысячный корпусъ, высаженный изъ Финляндіи. Тутъ находится и 5 тысячъ шведовъ. Кажется, что ополченіемъ командовать будетъ генер.-маіоръ Бегичевъ.

Англійскій посолъ Каткартъ получилъ достовѣрное извѣстіе, что Мармонтъ умеръ. Ему оторвало ядромъ плечо. Сультъ въ безпорядкѣ ретируется, а Іосифъ Бонапарте сдался англичанамъ съ тѣмъ, чтобы его не выдавать немилосердному брату, ни гишпанцамъ. Въ воскресенье свита Каткарта представлялась двору. Вотъ ея списокъ [1]). У сего найдете и послѣднее донесеніе Эссена [2]).

Мы ждемъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ новаго фельдмаршала. Сказываютъ, что злодѣй отступилъ токмо на 15 верстъ. Ахъ! кабы подоспѣлъ Тормасовъ, такъ тотчасъ бы рѣшились напасть на голодную, но отчаянную сволочь. Ее постоянно поятъ виномъ. Медленность Кутузова основана на пощадѣ своихъ. Онъ доканаетъ Бонапарте болѣе голодомъ. Скажите! какая необходимость лѣзть на его необъятную артиллерію? Такъ, несравненный Булгаковъ! Кутузовъ побѣдитъ, Россія избавится, Европа воскреснетъ. Онъ задохнется отъ славы; онъ умретъ отъ радости. Какой блаженный конецъ! Для него нѣтъ другой награды кромѣ безсмертія.

Посылайте всѣ бюллетени ваши къ Келембету для доставленія другу моему Бабичеву въ деревню.

68.

Сентября 6. 1812 г. Пятница.

Впечатлѣнія, производимыя посланіями вашими, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, можно токмо чувствовать, а не описывать.

---

[1]) Le lord Walpole, secretaire d'Ambassade. Le General major de Dornberg. Le Comte Tyronnel, aide de camp de S. A. R. le Duc de York. M-r les Honorables: Fréderic Cathcart, premier aide de camp et secrétaire, George Cathcart, St. Macdonald, George Dawson, François Forbes, M-r Werry, Secretaire, M-r l'honorable Perceval, Gentilhomme de l'Ambassade, M-r le capitaine Bowles, capitaine de la marine de S. M. Britannique, M-r Saumarez, fils de M-r l'amiral et chevalier Jaumarez.

[2]) Донесенія не оказалось.

При чтеніи 29-го № я плакалъ и восхищался. Нельзя не быть человѣкомъ, слыша о гибели и язвахъ толикаго числа героевъ, между коими находятся еще знакомые, и друзья, и кровные. Сердце поражается, слезы текутъ ручьями, но, представляя себѣ избавленіе Отечества, забываешь всѣ чрезвычайныя жертвы, приносимыя для достиженія сей паче жизни вожделѣнной цѣли. Какъ же иначе могъ отвѣчать вамъ съ возвышенною своею душою о сю пору увѣнчанный безсмертіемъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ? Далекъ я равняться съ симъ богодареннымъ Россіи мужемъ, но увѣряю тебя, Булгаковъ, что вчерась, провожая въ изнеможеніи моемъ остальное ополченіе, плакалъ токмо отъ того, что тысяча препятствій удержали меня раздѣлить съ нимъ славу пасть или побѣдить, сражаясь за Отечество. Я не на ратномъ полѣ могу однакоже быть болѣе полезнымъ Отечеству. Мнѣ чуждо военное искусство. Послѣ сего я самый плохой офицеръ, а богатырской силы не имѣю, чтобы отличиться въ ратникахъ. Связаны руки. Что хотите, чтобы я сдѣлалъ? Схожу однако же съ ума. Надобно, дабы я на что-нибудь рѣшился, въ чемъ болѣе имѣю надежды успѣть: безъ того не могу оправиться въ моемъ здоровьѣ. Приступилъ уже къ исполненію моего намѣренія. Будетъ ли духъ въ томъ человѣкѣ, къ которому я адресовался? Увижу. Не теряю еще до сихъ поръ надежды явиться скоро туда, гдѣ находится Булгаковъ. Прошу въ случаѣ моего успѣха не дивиться появленію.

Приложенія ваши вѣрно и немедленно доставлены. Отвѣта не получилъ изъ дома Вяземской. Я все для васъ сдѣлалъ, а что тамъ чрезъ меня ни пишутъ, въ томъ я не виноватъ.

Есть отъ 1-го сентября отъ Витгенштейна реляція. Макдональдъ, оставя около Риги и Динабурга до 14-ти тысячъ войскъ, пошелъ самъ съ остальными силами чрезъ Эзеросъ, и герой нашъ догадывается, что онъ подкрѣпить намѣренъ Ренье и Шварценберга противъ Тормасова.

Вчерась при Дворѣ не было большого стола. Тезоименитство Ея Имп. Величества праздновано одною токмо иллюминаціею.

Я рвусь, Булгаковъ, видя, какъ безъ малѣйшей опасности укладываются, ѣдутъ. Вотъ чѣмъ хотятъ пособлять спасенію погибающаго отъ безсмертнаго Кутузова злодѣя! Какъ въ настоящее время года за 700 верстъ на сѣверѣ, гдѣ нѣтъ хлѣба для томимаго голодомъ врага, могутъ тревожиться благомыслящіе люди? Разрѣшите загадку?—Дѣйствуютъ и успѣваютъ внутренніе враги. Какъ же терпѣть ихъ? О бездна! изъ коей должно насъ еще графу вытащить. Зачѣмъ Чичаговъ командуетъ арміею? Ему бы надлежало быть здѣсь.

То-то наша и бѣда, что все растасовано такъ, чтобъ болѣе вредить можно было отечеству. Que veut-il faire avec son entousiasme, en commandant les troupes de terre? Pour le moment il serait l'homme le plus necéssaire près de la personne sacrée de S. M. I. Il aurait laché le vrai mot. И болѣе нѣтъ ни у кого духа настоять на удаленіи извѣстныхъ людей. Авось все поправится тѣмъ же человѣкомъ, который спасъ Москву, истребя якобинцевъ.

Объ отъѣздѣ Императора ничего болѣе не слышу, а говорятъ, что Императрица Марія Ѳеодоровна изволитъ отправиться къ В. К. Екатеринѣ Павловнѣ въ Ярославль.

Свѣтлѣйшій на маршѣ; вотъ все, что объ немъ могъ узнать. Ежели теперь не истребятъ Бонапарте, то заряжать поскорѣе пистолетъ. Онъ у насъ въ рукахъ, развѣ злодѣи помѣшаютъ Кутузову довершить безсмертное дѣло. Чего добраго! По настоящему ходу вещей, увы! все останется. Я внѣ себя. Какая же связь можетъ быть въ мысляхъ. До свиданія.

Каткартъ до пѣны у рта бѣсится. P.S. Разрѣшенъ ввозъ англійскихъ суконъ и ситцовъ. Сахаръ и кофе удивительно подешевѣли. Фунтъ сахару 80, а кофе 60 копѣекъ.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣчательный указъ 25 января 1808 г.

(М. о. А. Г. Ш. 1808 г. Оп. 56, св. 343, д. № 46).

25 генваря 1808 г. послѣдовалъ замѣчательный указъ, контрасигнированный воен. мин. Аракчеевымъ и имъ же по всей вѣроятности составленный и поднесенный на утвержденіе.

„Пріемля въ уваженіе, что мин. воен.-сух. силъ при исправленіи дѣлъ, какъ по сей его должности, такъ и прочихъ по особой довѣренности, отъ Меня возложенныхъ, *не можетъ имѣть времени* заниматься разсмотрѣніемъ всѣхъ производящихся по военной коллегіи и ея по онымъ рѣшеній, а потому *облегчая его въ трудахъ*, повелѣваю *согласно сдѣланному имъ представленію* взносить на разсмотрѣніе его тѣ только изъ нихъ, кои заслуживаютъ особенное вниманіе; по прочимъ же предметамъ во включаемой здѣсь запискѣ упомянутымъ, разсмотрѣніе и окончаніе производить имѣетъ сама коллегія".

Въ упомянутую записку внесено было 18 пунктовъ, содержащихъ въ себѣ по родамъ и количеству дѣлъ значительное „облегченіе" воен. министру гр. Аракчееву, автору ея.

До 5-го только декабря того же года пользовалась впрочемъ коллегія свободой рѣшеній и доклада. Пожалѣлъ Аракчеевъ выпущенной изъ рукъ полной власти и рѣшилъ опять взять ее въ свои руки. 5 декабря была Высоч. утвержд. новая записка, въ которой читаемъ:

„*Ваше Императорское Величество соизволили означить* въ Высоч. конфир. отъ 25 генв. сего года запискѣ *предметы*, въ какихъ случаяхъ воен. кол. можетъ производ. разсмотрѣніе и оконч. дѣлъ своихъ сама собою, безъ представл. воен. мин. на утвержд." Далѣе говорится, что впредь дѣла такого рода, которыя представляется доводить до свѣд. Гос. Имп., снова докладывать воен. мин. и только *частная переписка* остается на рукахъ самой коллегіи. Мотивъ выставленъ такой: „представляя на апробацію воен. мин., коллегія болѣе будетъ обращать тогда вниманіе на существо самаго дѣла и на свое по оному мнѣніе".

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г.[1]).

4-го декабря, вторникъ. Сегодня я получилъ отчеты мануфактуры и докладъ, въ которомъ испрашивалось 178.000 руб. Императрица разсердилась, спросила объясненій, которыхъ я дать ей не могъ, такъ какъ только что получилъ отчетъ и не имѣлъ времени провѣрить счеты. Она говорила относительно управляющаго, что Вильсонъ дѣлаетъ еще больше расходовъ, нежели Гаскоинъ, что надо лучше слѣдить за счетами и пр. и пр. все въ томъ же родѣ, что я имъ долженъ былъ сказать, объяснить, провѣрить и т. д.

Я между прочимъ сказалъ ей, что тѣ, которые тамъ находятся, не могутъ вести счетовъ иначе, и что они и впредь будутъ вести такъ; если же ихъ способъ не годится, то надо назначить другихъ, что тотъ, кто знаетъ или долженъ лучше знать, такъ это Полетика, но странно, что именно онъ говоритъ, что объ этомъ слышать даже не хочетъ.

Она возразила мнѣ, что Полетика этого дѣла не понимаетъ и онъ Вамъ это тотчасъ же самъ скажетъ. Мы говорили это всѣ, отвѣтилъ я. Волконскій сказалъ давно, что онъ ничего не понимаетъ, я никогда не имѣлъ дѣла съ мануфактурами и ничего не знаю и т. д. Вильсонъ въ жизни своей не видалъ прядильныхъ фабрикъ и знаетъ только то, чему выучился тамъ въ теченіе полутора года, что онъ тамъ. Да—сказала Она, но онъ выучился у Гаскоина, который самъ ничего не зналъ, возразилъ я, который никогда не

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1912 г.

видѣлъ фабрикъ въ этомъ родѣ, и хотя его способности дали возможность охватить цѣлое, но подробности онъ выучился въ Александровскѣ.

Возьмемъ подробный счетъ, заключающій расходы копѣйку въ копѣйку, разсмотримъ, есть ли между нами кто-нибудь, кто можетъ сказать: вотъ гдѣ лишній расходъ, здѣсь можно сбавить, тамъ уменьшить на одного человѣка — нѣтъ, никто! Наконецъ, сказала Она смягчившись, возьмите все это, призовите этихъ господъ, просмотрите все; необходимо привести все въ ясность, я хочу все видѣть ясно и потомъ мнѣ все представите, и приказала послать тотчасъ за Волконскимъ, несмотря на мое заявленіе, что невозможно въ минуту объяснить всѣ счета и пр. Часа черезъ два я къ счастью получилъ записку отъ Волконскаго, который пріѣхалъ только что изъ Александровска и посѣщалъ больного корью, а потому не смѣетъ явиться во дворецъ. Я былъ душевно радъ, потому что объясненіе счетовъ было бы плохое, такъ какъ не имѣли времени просмотрѣть ихъ, и только прибавило бы нѣсколько не вѣрныхъ взглядовъ и все кончили бы тѣмъ, что и разсердили бы еще болѣе. Она сказала мнѣ, что дастъ мнѣ послѣобѣденное время, чтобы все устроить. Я послалъ къ Вильсону и Волконскому приглашеніе пріѣхать ко мнѣ 7 — 8 часовъ вечера. Волконскій не пріѣхалъ, получивъ мою записку только въ 10 часовъ вечера.

5-го Среда. Я рѣшился сказаться больнымъ, чтобы имѣть время для работы. Вечеромъ только состоялось совѣщаніе съ Вильсономъ и Волконскимъ по отчету мануфактуры, и я составилъ вѣдомость того, что нужно для мануфактуры. Результатъ общій вышелъ 190.000 рублей.

24-го Понедѣльникъ. Получивъ приказаніе прибыть къ Императрицѣ въ 2 часа, я пріѣхалъ ранѣе и засталъ большой съѣздъ къ обѣднѣ. Я встрѣтилъ Вильсона, который сообщилъ мнѣ новость, что получено извѣстіе о побѣдѣ надъ французами. Кюльвейнъ подтвердилъ его сообщеніе, слышавъ лично о немъ отъ Императрицы.

Французы сражались подъ личнымъ предводительствомъ Бонапарта. Я надѣялся видѣть Императрицу радостной. Она была въ церкви. Когда она возвратилась, то сказала мнѣ: мы получили отличныя извѣстія изъ арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыя позорныя о фельдмаршалѣ. Это было ужасное омраченіе радости. Я Вамъ все скажу послѣ, сказала она и сѣла писать, но скоро пришелъ Государь и другія лица; прождавъ напрасно до 4-хъ часовъ, я ушелъ домой.

25-го Вторникъ. Рождество. Ко мнѣ пришелъ князь Владиміръ Волконскій и сказалъ, что узнавъ черезъ брата условія, при кото-

рыхъ хотятъ его послать въ Англію, онъ не можетъ предпринять этого путешествія (2.000 р. содержанія и 300 червонцевъ на дорогу). Я вполнѣ понялъ, что онъ не можетъ и предвидѣлъ, что его дѣло кончено. Онъ мнѣ передалъ письмо, въ которомъ пишетъ, что условія эти для него недостаточны, и просилъ покончить скорѣй съ этимъ дѣломъ, жалуясь, что его долго задержали здѣсь.

Я поѣхалъ во дворецъ, но забылъ взять его письмо, или лучше сказать хотѣлъ послать завтра, чтобы его получили не при мнѣ.

Сегодня былъ молебенъ по случаю побѣды. Говорили одни, что фельдмаршалъ Каменскій боленъ, а другіе, что онъ уже выздоровѣлъ. Петръ Дивовъ разсказывалъ, что въ день сраженія 14-го Каменскій неожиданно покинулъ армію, сказавшись больнымъ, и уѣхалъ въ Гродно, и на это обстоятельство смотрѣли, какъ на трусость или предательство. Онъ полагаетъ, что нѣтъ ли тутъ какой-либо интриги и можетъ быть ранѣе еще разными большими непріятностями заставили фельдмаршала сдѣлать этотъ неожиданный шагъ; что Буксгевденъ и Ливенъ оба лифляндцы и держатся другъ за друга. Я, сознаюсь, думалъ также, тѣмъ болѣе, когда вспомнилъ все то, о чемъ говорили прежде, что Каменскій писалъ Аракчееву, чтобы онъ пріѣхалъ въ армію позаботиться о артиллеріи, послѣ чего Аракчеевъ заболѣлъ; что потомъ онъ жаловался на князя Волконскаго касательно вещевого и провіантскаго довольства, что это никогда не доставляется своевременно къ арміи, и я полагаю, что если этотъ послѣдній здоровъ, т. е. слишкомъ прочно стоитъ, чтобы заболѣть, то слѣдственно очередь заболѣванія за фельдмаршаломъ.

Когда я вошелъ къ Императрицѣ, она сказала мнѣ: что въ день сраженія войска уже были выстроены, вдругъ Каменскій оставляетъ армію, садится при всѣхъ въ телѣгу для отъѣзда въ Гродно въ госпиталь, хотя передъ этимъ два дня подъ рядъ объѣзжалъ передовые посты *какъ казакъ*, что вовсе не подобало фельдмаршалу, а въ минуту начала боя онъ уѣхалъ и сдалъ командованіе Буксгевдену, что онъ писалъ Государю, что онъ себя болѣе не признаетъ принадлежащимъ арміи, что онъ не чувствуетъ ни бодрости, ни рѣшимости, ни терпѣнія переносить утомленіе и проситъ разрѣшеніе возвратиться къ себѣ въ имѣніе. Она прибавила, что онъ отдалъ приказъ о возвращеніи арміи въ Россію, наконецъ, что онъ сталъ отдавать послѣдовательно то приказаніе, то отмѣну его; что, по словамъ генераловъ, наши успѣхи были бы еще большіе, если бы онъ не отдалъ приказанія отступить; что Буксгевденъ находится въ большомъ затрудненіи. Я позволилъ себѣ спросить: дѣйствительно ли все это правда? Императрица отвѣтила, что она лично видѣла депешу, написанную безъ здраваго смысла; что это

истинная правда, и что Она ничего сообразить не можетъ. Она повидимому вѣрила, будто-бы Каменскій былъ заплаченъ французами, чтобы не командовалъ арміей, потому что Она поручила мнѣ справиться по вѣдомостямъ, когда онъ положилъ деньги въ московскую кассу, такъ такъ она помнила объ этомъ обстоятельствѣ. Оказалось, что положившіе деньги были: какой-то Михаилъ Сергѣевичъ и Николай Михаиловичъ Каменскіе, изъ которыхъ первый положилъ 4-го октября 60.000, а второй 10-го октября 20.000.

Выходя, я встрѣтилъ князя Дмитрія Волконскаго, который мнѣ говорилъ о предполагаемомъ бѣгствѣ фельдмаршала, и что старый графъ Татищевъ сказалъ ему утромъ: *„что Каменскій не струситъ и не продастъ, въ томъ я ручаюсь головой“*, и т. д. Я увидѣлъ изъ всего этого, что тутъ есть интрига, и зная, до какой степени Государь мало расположенъ къ Каменскому, думаю, что не трудно было уронить его во мнѣніи Государя, представляя все то, что онъ дѣлаетъ, въ томъ видѣ, какъ желательно, и отвѣчалъ на его требованія Богъ знаетъ какъ, такъ что наконецъ старикъ, видя всѣ эти происки, принялъ рѣшеніе рѣзко безъ дальнѣйшихъ объясненій, или считая объясненія ниже своего достоинства. Говорятъ, что онъ покинулъ армію въ день сраженія, другіе говорятъ, что онъ страдаетъ грыжей и усталость двухъ дней ѣзды верхомъ его привела къ изнеможенію.

Говорятъ, что онъ приказалъ арміи возвратиться въ Россію; можетъ быть онъ приказалъ отступить къ границамъ, потому что не хватало провіанта; одно можетъ быть объяснено, какъ подлость и предательство, другое какъ умная мѣра. Его осуждаютъ, что онъ скакалъ по передовымъ постамъ *какъ казакъ*, употребляя это выраженіе какъ презрительное. Если бъ онъ одержалъ большую побѣду, то говорили бы тоже въ видѣ похвалы о его неутомимой дѣятельности. Я говорилъ въ этомъ смыслѣ Крейтону, и онъ согласился, что это возможно. Желательно видѣть, какъ разрѣшится эта загадка. Я видѣлъ Императрицу утромъ слишкомъ на короткое время, чтобы высказать то, что я думаю. Я получилъ приказаніе придти послѣ обѣда.

26. Среда. Императрица, окончивъ дѣла, говорила о Каменскомъ, что онъ возвратился къ своему посту, прибавивъ къ тому, что изъ этого видно, что такъ какъ наша армія была принуждена отступать и что Каменскій въ виду предстоящаго рѣшительнаго сраженія, не желая рисковать своей военной репутаціей, удалился, но какъ дѣло вышло хорошо—онъ вернулся.

Я передалъ Императрицѣ общія разсужденія о Каменскомъ, и что полагаютъ его жертвой интриги.—Она согласилась, что въ

этомъ согласно общественное мнѣніе, но его противурѣчивые приказы по арміи доказываютъ, что онъ съ ума сошелъ. Относительно продовольствія они сказали, что жалобъ на это нѣтъ, но конечно солдаты истратили свой трехдневный запасъ въ теченіе трехъ дней сраженій, и что это она находитъ весьма естественно, но вообще въ провіантѣ не нуждаются. Что она говорила съ графомъ Кочубеемъ и фельдмаршаломъ Салтыковымъ на счетъ впечатлѣнія, произведеннаго на публику, которая вѣритъ въ интригу, но они не нашли возможности оправдывать фельдмаршала, и даже графъ Толстой, который убѣждалъ Государя назначить Каменскаго главнокомандующимъ, находилъ этотъ поступокъ возмутительнымъ; что она читала письмо, гдѣ онъ говоритъ о противурѣчіяхъ въ его распоряженіяхъ. Я ей сказалъ о замѣчаніяхъ, которыя дѣлаются, что все касающееся Каменскаго проходитъ черезъ руки лифляндцевъ: Ливена и Буксгевдена, она отвѣтила, что Буксгевденъ уже отозванъ. Между прочимъ она сказала мнѣ, что вся эта исторія крайне прискорбна для нея, такъ какъ она изъ числа другихъ наиболѣе настаивала у своего сына о назначеніи Каменскаго, считая его, желаемаго народомъ. Вы знаете, сказала она, что это было общее желаніе—конечно, отвѣтилъ я, и, продолжала она, Государь отвѣтилъ мнѣ тогда, Maman—вѣдь онъ сумасшедшій! (Maman—c'est un fou), между тѣмъ его видѣли на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, и онъ былъ военнымъ губернаторомъ.

25377

Наконецъ, дай Богъ, чтобы это не была интрига, но все-таки ужасно потерять главнокомандующаго, на котораго возлагали всѣ упованія въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Дай Богъ, чтобы это не имѣло печальныхъ послѣдствій для успѣховъ нашего оружія, и чтобы войска воспользовались выгодами, которыя имъ представляются, уже одна мысль, что чары разорваны, и Бонапартъ болѣе не непобѣдимъ.

Когда я замѣтилъ, что послѣ жалобы фельдмаршала, какъ говорили, на Аракчеева сейчасъ же заболѣлъ, а теперь выздоровѣлъ, какъ только заболѣлъ фельдмаршалъ; что жалоба на Волконскаго не произвела такого дѣйствія и, конечно, надо было заболѣть фельдмаршалу, такъ какъ Волконскій имѣлъ хорошую поддержку. Она согласилась, что всѣ кричатъ противъ Аракчеева; противъ Волконскаго тоже, возразилъ я; да, сказала она—онъ глупъ, но мнѣ кажется, что его поддерживаетъ фельдмаршалъ Салтыковъ. Я сказалъ, что всѣ стали кричать противъ него въ особенности послѣ соединенія двухъ такихъ большихъ департаментовъ (я не хотѣлъ сказать наиболѣе доходныхъ). Да, сказала она, нѣтъ такой человѣческой силы, которая могла объять все это и т. д.

Московской обл...

27. Четвергъ. Я окончилъ вечеромъ уставъ для Маріинскаго Института, равно какъ и штатъ и проектъ прихода отъ обученія питомцевъ Воспитательнаго дома.

28. Пятница. Я составилъ штатъ для Вдовьяго дома, который и расположилъ на нѣсколько лѣтъ а именно: на 1807 и 1809-й года, (годъ, когда они перейдутъ въ новый домъ), 1814, 1819 и 1823 г., въ которомъ комплектъ дойдетъ до 600.

29. Суббота. Я опять былъ дежурнымъ и показалъ проектъ штата Вдовьяго дома и проектъ устава Маріинскаго Института Императрицы.

Она осталась довольна первымъ и сдѣлала нѣсколько перемѣнъ во второмъ и подписала приходъ объ обученіи воспитанниковъ, который и послали къ г-ну Шиле.

30. Понедѣльникъ. Я составилъ штатъ для лазарета Воспитательнаго дома, штатъ для Маріинскаго Института, проектъ прихода объ обученіи дѣтей Воспитательнаго дома въ Москвѣ въ 2½ часа ночи.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. [1]).

По мѣрѣ того какъ вѣроятность разрыва между Франціею и Россіею возростала, стали появляться всякаго рода проекты и планы дѣйствій на случай войны; изъ нихъ наиболѣе выдавались и не остались безъ вліянія на послѣдовавшія событія записка Вольцогена и операціонный планъ Пфуля. Баронъ Вольцогенъ, служившій въ виртембергскихъ и прусскихъ войскахъ, поступилъ въ концѣ 1807 г. въ русскій генеральный штабъ и въ 1811 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Императора Александра, высоко цѣнившаго его умъ и основательныя познанія. Генералъ Пфуль поступилъ въ русскую службу въ началѣ 1811 г.; въ прусскомъ генеральномъ штабѣ онъ пользовался репутаціею необыкновенно даровитаго и свѣдущаго офицера. Въ Берлинѣ они оба слышали отъ министра Штейна переданныя ему Нибуромъ слова Барклая о необходимости завлечь Наполеона въ сердце Россіи для нанесенія ему смертельнаго удара; оцѣнивъ это воззрѣніе, они, и особенно Вольцогенъ, также рекомендовали дѣйствія, исключающія возможность молніеобразныхъ развязокъ; но какъ отъявленные теоретики, они стали затѣмъ обсуждать разные мудреные проекты и въ концѣ концовъ выработали такой операціонный планъ, который, если бы не былъ внезапно брошенъ Барклаемъ, повелъ бы къ катастрофѣ.

Совѣщанія о дѣйствіяхъ, которыя въ ближайшемъ будущемъ могли сдѣлаться неотложными, происходили въ кабинетѣ монарха. Пфуль, развивавшій свои теоріи съ большимъ талантомъ, сумѣлъ пріобрѣсть неограниченное довѣріе Александра; самъ же онъ былъ

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1912 г.

ученый доктринеръ, замкнутый въ тѣсной умственной сферѣ, не признавалъ военнаго генія Наполеона, твердо вѣрилъ, что подражаніе Фридриху II и неуклонное исполненіе стратегическихъ правилъ Бюлова обезпечиваютъ успѣхъ. Являясь на войну съ готовыми предположеніями, онъ терялъ всякую почву подъ собою, какъ только дѣйствительность не соотвѣтствовала его ожиданіямъ. Замѣчательно, что даже въ ноябрѣ 1812 г., когда погибель Наполеоновской арміи стала для всѣхъ очевидною, онъ съ сокрушеніемъ говорилъ: „Повѣрьте, изъ этого ничего путнаго не выйдетъ“ [1]). Къ совѣщаніямъ этимъ, имѣвшимъ сначала общій характеръ, былъ привлекаемъ и Барклай, которому однако такая сфера доктринерскихъ преній была не по нутру; принимая вынужденное участіе въ продолжительныхъ и мало полезныхъ разсужденіяхъ, онъ настаивалъ только на выдвиженіи армій впередъ, дабы выиграть просторъ и время для задуманной имъ системы отступленія. Въ этомъ духѣ была также заключена тогда военная конвенція съ Пруссіею. Когда же въ февралѣ 1812 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что послѣдняя заключила союзъ съ Франціею, пришлось отъ выдвиженія нашихъ войскъ въ восточную Пруссію и герцогство Варшавское отказаться и приготовиться къ встрѣчѣ противника въ собственныхъ предѣлахъ; тогда монархомъ было поручено Пфулю выработать вмѣстѣ съ Вольцогеномъ, безъ вѣдома Барклая [2]), соотвѣтственный операціонный планъ. Пресловутый планъ этотъ былъ разсчитанъ ими на театрѣ дѣйствій весьма ограниченныхъ размѣровъ между Нѣманомъ и Двиною; излюбленные принципы Бюлова нашли въ немъ конечно первенствующее примѣненіе, а въ особенности его изреченіе: „важные пункты обороняются лучше фланговою позиціею, нежели фронтальною“. Важнымъ пунктомъ былъ признанъ г. Вильно, а лучшею фланговою позиціею — укрѣпленный лагерь на лѣвомъ берегу Двины у Дриссы, между двумя главными путями въ Петербургъ и Москву. По предположенію Пфуля 1-я западная армія въ 120.000 ч., съ вступленіемъ противника въ наши предѣлы, сосредоточивается у Свѣнцанъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ принимаетъ тамъ сраженіе, въ противномъ случаѣ отходитъ въ Дрисскій лагерь, что ставитъ непріятеля въ крайне затруднительное положеніе: куда бы онъ ни обратился, русская армія у него на флангѣ. Если непріятель переведетъ часть силъ на правый берегъ Двины, то 1-я армія, оставивъ 50.000 ч. въ укрѣпленіяхъ, съ

---

[1]) Der Feldzug von 1812 in Russland. Gen. C. v. Clausewitz, стр. 9.

[2]) М. Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Т. I, стр. 2. Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Grafen Toll. Ч. I, стр. 259.

остальными 70.000 также переходитъ черезъ Двину и атакуетъ; если же непріятель перейдетъ Двину съ главными силами, то русская армія вся выходитъ изъ лагеря и нападаетъ на оставшихся. Между тѣмъ 2-я армія въ 80.000 ч., усиленная многочисленными казачьими полками, дѣйствуетъ въ флангъ и тылъ Наполеона. Но воображеніе Пфуля дополняло то, чего въ дѣйствительности не доставало; Динабургской крѣпости, снабжающей лагерь всѣмъ нужнымъ, не было; въ 1-й западной арміи числилось не 120.000, а 110.000 ч., въ 2-й же не 80.000, а 45.000 ч.; силы Наполеона предполагались только немногимъ превышавшими наши войска, въ дѣйствительности же были почти двойныя. Столь авторитетный критикъ, какъ Клаузевицъ, поступившій тогда въ русскую службу, пишетъ о Дрисскомъ лагерѣ, что наша армія была бы атакована въ немъ съ тыла и вынуждена къ капитуляціи. Операціонный планъ Пфуля остался тайною до прибытія монарха въ главную квартиру въ Вильно, изъ чего можно заключить, что онъ хотѣлъ принять на себя лично главное командованіе надъ всѣми войсками; къ счастію Барклай, получившій по отъѣздѣ Императора изъ Дриссы полную свободу дѣйствій, успѣлъ своевременно вывести оттуда свою армію.

Расположеніе нашихъ войскъ по западной границѣ наканунѣ войны было слѣдующее:

Первая западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли,—150 бат., 136 эск., 18 казач. пол., 49 арт. ротъ, 2 піонер., 2 понтон. роты, всего 110.000 ч. съ 558 орудіями,—занимала пространство отъ Россіены до Лиды. Главная квартира въ Вильнѣ.

I пѣх. корпусъ (дивизіи: 5 пѣх. Берга, 14 пѣх. Сазонова, 1 кав. Каховскаго) гр. Витгенштейна—28 бат., 16 эск., 3 казач. пол., 9 артил. ротъ, 2 понтон. и 1 піонер. роты, около 19.600 ч.—на правомъ флангѣ, у Кейданы; отрядъ у Россіены.

II пѣх. корпусъ (дивизіи: 4 пѣх. принца Евгенія Виртембергскаго, 17 пѣх. Олсуфьева, Елизаветградскій гусар. п.) Багговута—24 бат., 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч. у Орбритенъ.

III пѣх. корпусъ (дивизіи: 1 гренад. гр. Строганова, 3 пѣх. Коновницына, лейбъ-казаки) Тучкова—24 бат., 4 эск., 1 казач. п. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч.—у Новыхъ Трокъ.

IV пѣх. корпусъ (дивизіи: 11 пѣх. Бахметьева 2-го (потомъ Чоглокова) 23 пѣх. Бахметьева 1-го (потомъ Ланшева) Изюмскій гусар. п.) Гр. Шувалова (съ 1 іюля Остермана)—23 бат. 8 эск. и 6 артил. ротъ, около 14.500 ч.,—у Олкеникъ. Эти три корпуса имѣли центральное расположеніе.

VI пѣх. корпусъ (дивизіи: 7 пѣх. Капцевича, 24 пѣх. Лихачева, Сумскій гусар. п.) Дохтурова—24 бат., 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.000 ч.—на лѣвомъ флангѣ, у Лиды.

3-й резервный кавалерійскій корпусъ гр. Палена — 24 эск. съ 1 кон. артил. ротою, около 2.500 ч.—у Лебіоды. Затѣмъ во 2-й линіи:

V пѣх. (гвардейскій) корпусъ (гвардейская пѣх. дивизія Ермолова (съ 1 іюля Шувалова, съ 23 іюля Лаврова), гвард. экипажъ, сводная гренадер. дивизія (7 бат.), 1 кирасирская дивизія Депрерадовича) Цесаревича Константина Павловича — 26 бат., 20 эск., 5 артил. ротъ и 2 кон. батареи, около 18.000 ч.—у Свѣнцянъ.

1-й резервный кавал. корпусъ Уварова—20 эск. съ 1 кон. артил. ротою, около 2.000 ч.,—у Вилькомира.

2-й резервный кавал. корпусъ бар. Корфа — 24 эск. съ 1 артил. ротою, около 2.400 ч.,—у Сморгони.

Летучій корпусъ Платова — 14 казач. п. съ 1 донскою артил. ротою, всего около 6.000 ч., — у Гродно, въ промежуткѣ между первою и второю арміею.

Вторая западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи кн. Багратіона,—46, а съ прибытіемъ (21 іюня) 27-й пѣх. дивизіи—58 бат., 52 эск., 9 казач. полковъ, 18 артил. ротъ, 1 піонер. и 1 понтон. роты, всего 45.000 ч. съ 216 орудіями—была расположена между Нѣманомъ и Бугомъ. Главная квартира въ Волковискѣ.

VII пѣх. корпусъ (дивизіи: 26 пѣх. Паскевича, 12 пѣх. Колюбакина, Ахтырскій гусар. п.). Раевскаго — 24 бат. 8 эск. и 7 артил. ротъ, около 15.600 ч.—у Новаго-Двора.

VIII пѣх. корпусъ (дивизіи: 2 гренадерская принца Карла Мекленбургъ-Шверинскаго, сводная гренадерская гр. Воронцова (10 бат.), 2 кирасирская Кнорринга) Бороздина—22 бат., 20 эск. и 5 артил. ротъ, около 15.400 ч.—у Волковиска.

27-я пѣхот. дивизія Невѣровскаго—12 бат., около 7.500 ч. — въ слѣдованіи на Минскъ.

4-й кавалерійскій корпусъ гр. Сиверса—24 эск., 1 кон. артил., 1 понт. и 1 піонер. роты, около 2.500 ч.—у Зельвы.

Летучій казачій отрядъ Иловайскаго—9 казач. полковъ съ 1 донскою артил. ротою, около 4.000 ч.—у Бѣлостока.

Третья резервная обсерваціонная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Тормасова, — 54 бат., 76 эск., 9 казач. полковъ, 14 артил. ротъ, 1 понтон. и 1 піонер. роты, всего 46.000 ч. съ 164 орудіями, — занимала Волынь. Главная квартира въ Луцкѣ.

Корпусъ гр. Каменскаго (18 пѣх. дивизія кн. Щербатова, сводная, гренадерская бригада (6 бат.), Павлоградскій гусар. полкъ)—18 бат., 8 эск., 4 артил. роты, всего около 12.400 ч.—въ окрестностяхъ Луцка.

Корпусъ Маркова (дивизіи: 15 пѣх. Назимова, 9 пѣх. Удома, Александрійскій гусар. п.) — 24 бат., 8 эск., 7 артил. ротъ, всего около 15.800 ч.,— у Ковеля.

Корпусъ Сакена (дивизіи: 36 пѣх. Сорокина, 11-я кавалерійская, Лубенскій гусар. п.)—12 бат., 24 эск., 2 артил. роты, всего около 10.200 ч.,— у Заслова и ст. Константинова.

Кавалерійскій корпусъ гр. Дамберта — 36 эск., около 3.600 ч., — у Владиміра.

Казаки, 9 полковъ, около 4.000 ч.,—по различнымъ отрядамъ.

Каждая изъ этихъ армій имѣла своего вождя, но общаго главнокомандующаго не было, хотя двѣ арміи должны были дѣйствовать на одномъ и томъ же театрѣ войны. Полагали, что монархъ намѣ-

ренъ возложить это званіе на себя; однакожъ никакихъ распоряженій по этому предмету не было сдѣлано. Думалъ ли Императоръ Александръ своимъ присутствіемъ придать главнокомандующему 1-й арміи атрибуты генералиссимуса, которыми не рѣшался облечь кого-либо изъ своихъ генераловъ.

Старѣйшій изъ выдававшихся въ то время военачальниковъ былъ Кутузовъ. Не очень старый, но дряхлый, способный, но эгоистъ, онъ не внушалъ Императору Александру I довѣрія; и дѣйствительно, въ такую эпоху, когда всякіе личные интересы должны были исчезнуть передъ великимъ дѣломъ спасенія отечества, для полководца требовались другія качества, нежели умъ и хитрость [1]). Беннигсенъ считался искуснымъ и опытнымъ генераломъ, но онъ выказалъ въ 1807 году столько безпечности и склонности къ интригамъ, что утратилъ репутацію, пріобрѣтенную Пултускомъ и Эйлаускимъ сраженіями. Русскій баярдъ Милорадовичъ не обладалъ качествами главнокомандующаго, также какъ и храбрый его сподвижникъ Багратіонъ, который, хотя и носилъ это званіе въ 1810 г. на Дунаѣ, но не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Къ числу лучшихъ генераловъ принадлежалъ и Тормасовъ, но онъ былъ очень слабъ здоровьемъ. Оставался Барклай. Онъ не имѣлъ еще случая выказать дарованій полководца, но во всѣхъ войнахъ проявлялъ столько хладнокровія и распорядительности, что монархъ, узнавъ ближе его возвышенный характеръ, возъимѣлъ къ нему особенное уваженіе и неограниченное довѣріе. Однако, онъ былъ моложе всѣхъ. Быть можетъ, это обстоятельство было причиною, что вопросъ объ общемъ командованіи остался открытымъ, даже и по отъѣздѣ Государя изъ арміи. Александръ, вѣроятно, полагалъ, что Барклай по званію военнаго министра могъ настаивать на своихъ требованіяхъ и безъ главнаго на то условія, столь мѣтко выраженнаго Суворовымъ: „полная мочь избранному полководцу“. Рождается вопросъ: имѣло ли оставленіе столь важнаго вопроса безъ надлежащаго рѣшенія пагубныя послѣдствія или нѣтъ?

По мнѣнію Жомини, важнѣйшія качества полководца составляютъ: „великій характеръ, или нравственное мужество, ведущее къ великимъ рѣшеніямъ, и хладнокровіе, или физическое мужество, господствующее надъ опасностями. Умѣніе стоитъ на третьемъ планѣ“ [2]). Если изреченіе знаменитаго писателя и можетъ, какъ общее правило, показаться нѣсколько одностороннимъ, то при обстоятель-

[1]) Редакція „Русской Старины“ не раздѣляетъ взглядовъ автора на Кутузова, доказавшаго въ 1812 году, что онъ обладалъ всѣми качествами полководца для борьбы съ Наполеономъ.

[2]) Précis de l'art de la guerre. Ч. I, стр. 110.

ствахъ Отечественной войны оно оказывается неоспоримою истиною. Противъ тройныхъ силъ Наполеона никакое умѣніе не могло бороться, и всякій другой операціонный планъ, какъ бы онъ искусенъ ни былъ, неминуемо имѣлъ бы самыя бѣдственныя послѣдствія. Какъ только обнаружилось, что силы, съ которыми онъ вступилъ въ наши предѣлы, простирались за 600.000 ч., оставался одинъ лишь способъ дѣйствій,—тотъ, который былъ высказанъ Барклаемъ еще въ 1807 году и выполненъ въ 1812-мъ, т. е. ослаблять врага постояннымъ противодѣйствіемъ, не вдаваясь въ рѣшительный бой до уравненія силъ, хотя бы за Москвой. Но при выполненіи этого плана пришлось имѣть дѣло не съ однимъ только непріятелемъ: пришлось бороться и съ общественнымъ мнѣніемъ, видѣвшимъ въ немъ чуть ли не измѣну; пришлось также бороться съ интригами и кознями ближайшихъ сотрудниковъ и исполнителей, не постигавшихъ такой образъ дѣйствій и возненавидѣвшихъ его представителя; пришлось еще бороться съ порывами войскъ, горѣвшихъ желаніемъ помѣряться съ врагомъ; пришлось, наконецъ, бороться съ самимъ собою, съ естественнымъ стремленіемъ испытать счастье и сбросить съ себя тяжкія подозрѣнія и клевету. Былъ ли другой въ состояніи это исполнить? Для этого геніальности было мало; нуженъ былъ именно тотъ „великій характеръ“ и то „хладнокровіе“, о которыхъ говоритъ Жомини. Барклай не былъ геніальнымъ полководцемъ, но онъ неизмѣримо выдавался надъ современниками „нравственнымъ мужествомъ, ведущемъ къ великимъ рѣшеніямъ“, и „физическимъ мужествомъ, господствующимъ надъ опасностями“. Проникнутый могучимъ убѣжденіемъ, онъ безмолвно, но непреклонно до самоотверженія шелъ къ непроницаемый для другихъ, но ясной для него цѣли, презирая популярность и не заботясь объ общественномъ мнѣніи.

Силы, назначенныя Наполеономъ для вторженія въ Россію, простирались до 600.000 ч. [1]); онѣ были раздѣлены на 12 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ корпусовъ, въ которыхъ считалось 604 баталіона, 530 эскадроновъ, 1.242 орудія полевой и 130 орудій осадной артиллеріи и 180.000 лошадей. Армія громадная, хотя и не цѣльная: французскія войска составляли въ ней лишь половину; но и всѣ прочія, подъ начальствомъ маршаловъ и особенно въ присутствіи Наполеона, дрались отлично. Однако не всѣ означенныя войска могли вступить въ наши предѣлы одновременно; 150.000 ч. находились еще назади, послужили резервами и перешли границу

[1]) 472.000 ч. пѣхоты и пѣшей артиллеріи, 96.000 кавалеріи и конной артиллеріи, 20.000 ч. инженерныхъ, осадныхъ и обозныхъ войскъ.

во время войны. Такому небывалому числу войскъ соотвѣтствовали также заготовленія продовольствія и перевозныхъ средствъ, при чемъ главнымъ складочнымъ пунктомъ назначена крѣпость Данцигъ. Для перевозки провіанта за войсками было приказано собрать 5—6.000 повозокъ и до 10.000 погонщиковъ. „Съ такими средствами, писалъ Наполеонъ, мы поглотимъ всѣ препятствія“ [1]). Но тутъ рождается вопросъ: какія же чрезвычайныя причины вызвали необходимость столь громадныхъ усилій. Самъ Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: „Россія была слишкомъ сильна, чтобы войти въ передѣланную мною систему Европы: нужно было вытѣснить ее оттуда. Трудности войны не могли меня остановить. Мой геній быстро обнималъ ихъ, но въ то же время находилъ средства къ преодолѣнію препятствій“ [2]).

„Война будетъ, писалъ онъ королю Виртембергскому; она будетъ вопреки моей волѣ и вопреки волѣ Императора Александра, вопреки интересовъ Франціи и вопреки интересовъ Россіи“ [3]). Если онъ писалъ: „вопреки моей волѣ“, то былъ правъ потому, что его воля подчинялась таинственной, демонской силѣ, которую онъ самъ называлъ „своей судьбою“.

Движеніе великой арміи къ русской границѣ происходило среди увѣреній Наполеона въ дружбѣ къ русскому монарху и желаніи войти съ нимъ въ соглашеніе. Дѣлая видъ, что миру опасности не угрожаетъ, и отправивъ съ этою цѣлью гр. Нарбонна съ письмомъ къ Александру, онъ оставался въ Парижѣ до послѣдней возможности и только 9 мая (н. с.) выѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ собрались для его привѣтствованія всѣ монархи центральной Европы. Послѣ 12-дневнаго пребыванія въ саксонской столицѣ Наполеонъ поѣхалъ черезъ Познань и Торнъ въ Данцигъ, объявилъ этотъ городъ присоединеннымъ къ Франціи и прибылъ 31 мая (12 іюня), въ Кенигсбергъ. Наконецъ, 9 (21) іюня, онъ перенесъ свою главную квартиру въ Вильковишки, гдѣ уже находилась его гвардія.

Направленіе, данное Наполеономъ своимъ войскамъ, какъ только расположеніе русскихъ армій ему сдѣлалось извѣстнымъ, соотвѣтствовало образу дѣйствій, которому онъ охотно давалъ предпочтеніе—прорыву центра. Выработаннаго операціоннаго плана не было; онъ не имѣлъ привычки составлять таковые письменно, да и не нуждался въ томъ, такъ какъ командовалъ арміями самъ; онъ

---

[1]) Богдановичъ. Исторія отечеств. войны 1812 г., ч. I, стр. 52.

[2]) Napoléon au tribunal de César, etc. ч. IV, стр. 4—5; 8—9; 15—16.

[3]) Письмо отъ 2 апрѣля 1811 года. Lafrey, Histoire de Napoléon I, ч. 5, стр. 441.

усвоивалъ себѣ лишь общія идеи, предоставляя осуществленіе ихъ вдохновенію минуты. Тѣмъ не менѣе всѣ его войны обнаруживаютъ глубокій и вѣрный, предварительный разсчетъ. Такъ и въ 1812 году. Всѣ подготовительныя дѣйствія ясно указываютъ на намѣреніе сосредоточить незамѣтнымъ образомъ большія силы въ герцогствѣ Варшавскомъ, а послѣдовавшія затѣмъ распоряженія обличаютъ существованіе вполнѣ обдуманнаго плана клинообразнымъ движеніемъ на Вильно разъединить арміи Барклая и Багратіона, отбросить первую къ сѣверу, а послѣднюю въ болота Припети, и обнажить операціонный путь на Москву. Дрисскій укрѣпленный лагерь какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ этому намѣренію: отступленіе туда 1-й арміи еще болѣе отдѣляло ее отъ второй и успокаивало Наполеона относительно дошедшихъ до него свѣдѣній о намѣреніи Барклая уклоняться отъ рѣшительнаго боя и отступать въ глубь Россіи.

Согласно этому плану великая армія была двинута къ Нѣману тремя массами: главныя силы подъ непосредственнымъ начальствомъ императора—гвардія, пѣхот. корп.: Даву, Удино и Нея, и кавал. корп. Нансути и Монбрюна, всего 220.000 ч. (гвардія (старая марш. Лефебра, молодая марш. Мортье, легіонъ Вислы, к. марш. Бесьеръ): 54 б. и 35 эск., всего 47.000 ч.—1-й кор. марш. Даву: 88 б. и 16 эск.. всего 72.000 ч.—2-й к. марш. Удино: 51 бат. и 20 эск., всего 37.000 ч.—3-й кор. марш. Нея: 48 бат. и 24 эск., всего 40.000 ч.—1-й рез. кав. кор. гр. Нансути: 60 эск., 12.000 ч.—2-й рез. кав. кор. гр. Монбрюнъ: 60 эск., 10.000 ч. Итого, съ императ. конвоемъ, болѣе 220.000 ч.—къ Ковно. Вся кавалерія была еще подчинена королю Неаполитанскому Мюрату. Средняя колонна принца Евгенія вице-короля италійскаго: пѣхотн. корп. вице-короля (итал.) и Сенъ-Сира (бавар.) и кав. корп. Груши, всего 80.000 ч. (4-й кор. вице-короля: 57 бат. и 24 эск., всего 45.000 ч.—6-й кор. гр. Сенъ-Сира: 28 бат. и 16 эск., всего 25.000 ч.—3-й рез. кор. гр. Груши, 60 эск., 10.000 ч. Итого 80.000 ч.)—къ Пренамъ. Правая колонна короля Іеронима: пѣхот. кор. Понятовскаго (польск.), Рейнье (саксон.) и Жюно (вестфал.) и кав. к. Латуръ-Мобура, всего также до 80.000 ч. (5-й кор. кн. Понятовскаго: 44 бат. и 20 эск., всего 36.000 ч.—7-й кор. гр. Рейнье: 18 бат. и 16 эск.. всего 17.000 ч.—8 кор. марш. Жюно: 16 бат. и 12 эск., всего 18.000 ч.—4-й кав. кор. гр. Латуръ-Мобура: 44 эск., 8.000 ч. Итого съ войсками главной квартиры слишкомъ 80.000 ч.—къ Гродно и Бѣлостоку. Прикрытіе главной арміи съ сѣвера и юга было возложено на фланговые корпуса: лѣвый Макдональда (сводный со всѣми частями прусскаго корпуса), всего 32.500 ч. (10-й кор. марш. Макдональда: 36 бат. (въ томъ числѣ 16 непрусскихъ) и 16 эск., всего 32.500 ч.), направленный на Тильзитъ, и правый Шварценберга (австрійскій), всего 33.000 ч. (австр. кор. кн. Шварценберга: 27 бат. и 54 эск., всего 33.000 ч.)—двинутый къ Драгочину на Бугѣ. Всѣ эти войска, численностью до 450.000 ч., были сосредоточены въ половинѣ іюня у пунктовъ переправы. Для подкрѣпленія же ихъ и пополненія убыли слѣдовали еще за ними: пѣх. корпусъ Виктора 33.000 ч. 9-й кор. марш. Виктора: 54 бат. и 16 эск., всего 33.000 ч.); двѣ дивизіи резервнаго корпуса Ожеро, 27.000 ч. и около 80.000 ч. маршевыхъ частей и сформированныхъ въ Литвѣ полковъ.

Такимъ образомъ общее число непріятельскихъ войскъ, вступившихъ въ предѣлы Россіи и принявшихъ участіе въ кампаніи 1812 года, со включеніемъ артилл. парковъ, составляло 608.000 чел. [1]).

Главныя силы великой арміи, составлявшія исходящій уголъ общаго расположенія, были переправляемы черезъ Нѣманъ 12 (24) іюня; вице-королю же было предписано переправиться лишь 18 (30), а королю вестфальскому еще нѣсколькими днями позже. Это послѣднее распоряженіе очевидно имѣло цѣлью [усыпить бдительность Багратіона и удержать его на мѣстѣ до выдвиженія главныхъ силъ настолько, чтобы охватить правый флангъ нашей 2-й арміи и подготовить ей, при быстромъ затѣмъ наступленіи Іеронима, неминуемую катастрофу.

Между тѣмъ и фланговые корпуса вступили въ наши предѣлы: 12 (24) іюня Макдональдъ перешелъ Нѣманъ у Тильзита, 19 іюня (1 іюля) Шварценбергъ переправился черезъ Бугъ у Драгочина. Такимъ образомъ къ концу іюня около 450.000 ч. непріятельскихъ войскъ перешли границу, изъ которыхъ болѣе 400.000 были сосредоточены на сѣверномъ театрѣ войны; съ нашей стороны имъ могли быть противопоставлены не болѣе 155.000 ч.

Назначеніе Барклая главнокомандующимъ 1-й западной арміи съ оставленіемъ въ должности военнаго министра, состоялось 19 марта, а 23 онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Ригѣ, онъ продолжалъ путь черезъ Шавли и Ковно въ Вильно, куда прибылъ 30-го въ 8 ч. вечера. Въ письмѣ, приложенномъ къ донесенію о состояніи Риги, онъ писалъ Государю: „но главныя силы крѣпости заключаются въ личности ея коменданта. Я увѣренъ, что онъ предпочтетъ погребсти себя подъ развалины крѣпости, нежели сдать противнику, но тѣмъ не менѣе плохо ее будетъ оборонять“ [2]). Далѣе, указывая на необходимость безотлагательно открыть дѣйствія, онъ проситъ объявить военное положеніе въ Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ.

По прибытіи въ Вильно, Барклай получилъ свѣдѣнія, сильно его озаботившія: противникъ быстро приближался къ границѣ герцогства Варшавскаго, тогда какъ наши арміи оставались неподвижными. Становилось очевиднымъ, что оптимизмъ русскаго кабинета, не вѣрившаго въ разрывъ, или же нежеланіе Александра сдѣлать

---

[1]) По весьма точнымъ исчисленіямъ М. Богдановича,—Исторія отечественной войны 1812 г.

[2]) Письмо Барклая-де-Толли 28 марта 1812 г.

первый шагъ, лишали насъ всѣхъ выгодъ иниціативы. Это обстоятельство вызывало со стороны Барклая энергическія представленія; въ письмѣ отъ 9 апрѣля читаемъ: „Ваши арміи, государь, сосредоточены и готовы драться; но ихъ начальникамъ все еще неизвѣстно, гдѣ предѣлы терпимаго приближенія врага, и когда война можетъ быть признана объявленною". Затѣмъ, убѣдившись въ невозможности предупредить противника въ Варшавѣ и Кенигсбергѣ, онъ пишетъ о немедленномъ выдвиженіи иррегулярныхъ войскъ, усиленныхъ частями регулярной кавалеріи и легкой пѣхоты, и заключаетъ словами: „но безъ особаго повелѣнія никто не въ правѣ предпринять такія дѣйствія, такъ какъ они послужили бы сигналомъ войны, рѣшеніе которой не предоставлено ли единственно волѣ Вашего Величества". Однако представленія эти остались безъ послѣдствій; Императоръ Александръ, въ сущности предпочитавшій выжидательную систему Пфуля, отказался отъ какой-либо иниціативы дѣйствій.

Штабъ Барклая былъ составленъ не совсѣмъ удачно относительно двухъ важнѣйшихъ его сотрудниковъ: начальника штаба и генералъ-квартирмейстера. Первымъ былъ генералъ-лейтенантъ Лавровъ, мало соотвѣтствовавшій этой должности и при томъ на столько неподвижный, что съ трудомъ садился на лошадь [1]); послѣдній—генералъ-маіоръ Мухинъ, отличный съемщикъ и картографъ, но плохой офицеръ генеральнаго штаба. Неудивительно поэтому, что оба, вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій, были замѣнены другими лицами, а именно: Лавровъ—маркизомъ Паулуччи, а черезъ 10 дней генераломъ Ермоловымъ; Мухинъ полковникомъ Толемъ. Прочіе начальники отдѣльныхъ управленій были: дежурный генералъ—генер.-маіоръ Кикинъ, начальникъ артиллеріи—ген.-м. гр. Кутайсовъ, начальникъ инженеровъ—ген.-лейт. Трузсонъ, генералъ-интендантъ д. с. с. Канкринъ [2]). Затѣмъ къ главной квартирѣ принадлежали начальники управленій полевого штаба, офицеры генеральнаго штаба [3]), адъютанты и ординарцы [4]). Исключительное

---

[1]) Denkwürdigkeiten eines Liviänders, стр. 179.

[2]) Впослѣдствіи графъ и извѣстный министръ финансовъ. Нѣсколько позже (6 іюня) было учреждено главное управленіе по продовольствію армій, возложенное на т. с. Ланского.

[3]) Полк. Мишо, подполк. Нейдгардъ I, пор. Богдановичъ и Діестъ, подпор. Озерскій и Муравьевъ 1, прап. Муравьевъ 2, Муравьевъ 5, кн. Голицынъ 2, и колоннов. Мухинъ.

[4]) Полк. Закревскій (управляющій полевою канцеляріею военнаго министра); маіоръ Левенштернъ и Рейцъ; капит. Сеславинъ, Вельяминовъ и Краминъ; шт.-капитаны Каверъ, Клингеръ, Гурко, Нарышкинъ и Кашин-

положеніе занималъ состоявшій при главнокомандующемъ флигель-адъютантъ полковникъ Вольцогенъ; онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Государя и былъ близкимъ человѣкомъ Пфулю, а потому весьма вѣроятно, что самъ Монархъ назначилъ его какъ бы соединительнымъ звеномъ между симъ послѣднимъ и Барклаемъ. Изъ многочисленныхъ адъютантовъ, штабсъ-капитанъ Каверъ былъ особенно близокъ къ Барклаю и никогда его не покидалъ; всѣ другіе имѣли съ нимъ болѣе служебныя отношенія, хотя, конечно, въ различной степени пользовались его довѣріемъ; но всѣ они раздѣляли съ нимъ боевыя опасности, труды бивачной жизни и простой солдатскій обѣдъ. По свидѣтельству Левенштерна, Барклай обращался со своими адъютантами и ординарцами съ сердечнымъ участіемъ, но былъ требователенъ и строгъ [1]).

Въ половинѣ апрѣля, а именно 14 (26), пріѣхалъ въ Вильно Императоръ Александръ и лично вступилъ въ главное начальствованіе надъ всѣми арміями. Тогда послѣдовало распоряженіе о передвиженіи 2-й арміи къ Пружанамъ и Волковиску, а 6-го корпуса—къ Лидѣ. Тогда же операціонный планъ Пфуля былъ объявленъ къ руководству. Особеннаго военнаго управленія при Монархѣ не было; имѣя при себѣ министра, онъ повидимому признавалъ таковое ненужнымъ, хотя генералы кн. Волконскій и Пфуль состояли при немъ какъ бы въ видѣ начальника штаба и генералъ-квартирмейстера. При первомъ состоялъ тогда полковникъ Толь, а при послѣднемъ знаменитый впослѣдствіи Клаузевицъ. Впрочемъ, Волконскій, по свойственной ему скромности, уклонялся отъ всякаго вмѣшательства и ограничивался передачею Высочайшихъ повелѣній; Пфуль же, по совершенному незнанію русскаго языка, былъ неспособенъ къ какой-либо практической дѣятельности. Тѣмъ болѣе оставалось простора для вмѣшательства прочихъ лицъ, окружавшихъ Государя, изъ которыхъ, кромѣ принцевъ Георгія Ольденбургскаго и Александра Виртембергскаго, наиболѣе выдавались: генералы Беннигсенъ, Паулуччи, Аракчеевъ и гр. Армфельдъ. Лица эти не имѣли ни отвѣтственныхъ должностей, ни опредѣленныхъ занятій и потому занимались лишь критикованіемъ всѣхъ распоряженій и интригами, отчасти для достиженія личныхъ цѣлей; при этомъ критика ихъ и интриги были направлены противъ Барклая, котораго, какъ человѣка самостоятельнаго и мало доступнаго, занимавшаго

цовъ; поруч. Ламсдорфъ, Вокъ, Ростопчинъ, Барклай-де-Толли, Сиверсъ и Граббе. Затѣмъ въ видѣ ординарцевъ находились при немъ адъютанты другихъ лицъ: Бартоломей, Тимротъ и Варденбургъ, Орловъ, Петерсонъ-Чихачевъ.

[1]) Denkwürdigkeiten eines Livländers, стр. 197.

важнѣйшій въ имперіи военный постъ, они ненавидѣли. Они только и говорили объ ошибкахъ и неспособности главнокомандующаго; Беннигсенъ, не покидавшій надежды достигнуть этого званія, горячо имъ вторилъ [1]) и выставлялъ свои соображенія; Паулуччи, со свойственною ему манерою подсмѣиваться, порицалъ все въ видѣ шутокъ; Аракчеевъ, озлобленный противъ своего преемника за открытыя злоупотребленія и введенныя преобразованія, вредилъ ему сколько могъ [2]); Армфельдъ, наконецъ, видѣлъ въ интригахъ пріятное препровожденіе времени. Затѣмъ при Монархѣ находились и гражданскіе сановники: гр. Румянцевъ, гр. Кочубей, Шишковъ, гр. Толстой, извѣстный прусскій министръ Штейнъ и др.; хотя они въ военное дѣло мало вмѣшивались, но уже одно пребываніе ихъ въ главной квартирѣ характеризуетъ тогдашнее управленіе арміи. Насколько вся эта обстановка тяготила Барклая, видно изъ того, что онъ съ перваго же дня военныхъ дѣйствій отдѣлился отъ главной квартиры. „Я нахожусь при войскахъ въ виду непріятеля, пишетъ онъ женѣ 26 іюня, и въ главной квартирѣ почти не бываю, потому что это настоящій вертепъ интригъ и кабалы, дѣлающій нашего прекраснаго Монарха нерѣшительнымъ и недовѣрчивымъ [3])“. Однако жъ Барклаю не удалось совершенно предотвратить неизбѣжныя при такихъ обстоятельствахъ столкновенія и недоразумѣнія; это усматривается, между прочимъ, изъ письма къ нему Императора Александра по поводу состоявшагося помимо военнаго министра и главнокомандующаго назначенія гр. Остермана командиромъ 4-го корпуса вмѣсто графа Шувалова, и недоставленія посланныхъ ему генераломъ Эссеномъ донесеній: „Вчерашнія письма ваши, признаюсь, вызвали во мнѣ чувство огорченія. Возможно ли, что послѣ столькихъ доказательствъ уваженія, привязанности, довѣрія и, позвольте прибавить, явнаго предпочтенія даже передъ лицами моего семейства, Вы находите удовольствіе быть несправедливымъ ко мнѣ. Въ минуту отъѣзда изъ Бельмонта получаю письмо отъ гр. Шувалова, въ которомъ онъ говоритъ, что не въ состояніи командовать корпусомъ, не можетъ болѣе держаться на лошади и собрать двухъ мыслей въ головѣ,—вотъ его выраженія. Нельзя было терять времени, а въ распоряженіи моемъ былъ одинъ только Остерманъ. Подлинное письмо Шувалова я вручилъ Вольцогену съ приказаніемъ представить его Вамъ и передать отъ моего имени, что въ виду возможности атаки со стороны противника, я счелъ полезнымъ не-

---

[1]) Вольцогенъ, Клаузевицъ, Бернарди, Левенштернъ и др.

[2]) Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. Ч. I, стр. 133.

[3]) Письмо отъ 26 іюня изъ Бельмонта.

медленно отправить туда Остермана". Далѣе въ письмѣ говорится также о донесеніяхъ генерала Эссена и въ заключеніи: „Итакъ, это должно васъ убѣдить, что съ моей стороны ни малѣйшаго недовѣрія не было и что вы меня несправедливо обвиняли". Письмо великодушнаго Монарха, оправдывающагося передъ подданнымъ и успокаивающаго его, указываетъ однако жъ на существовавшій въ управленіи разладъ. Трудно допустить, чтобы Барклай сталъ заявлять въ такое серіозное время личную претензію даже по такому поводу, какъ назначеніе корпуснаго командира помимо его. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ рѣшился на этотъ шагъ лишь послѣ нѣкоторыхъ случаевъ подобнаго рода, съ цѣлью оградить столь необходимую для успѣха дѣла неприкосновенность своихъ отвѣтственныхъ правъ; а что это было нужно, усматривается между прочимъ изъ разногласія инструкцій, отправленныхъ въ то время и имъ, и Императоромъ Александромъ князю Багратіону, разногласія, имѣвшаго, какъ увидимъ, рѣшающее вліяніе на послѣдующія событія.

Поздно вечеромъ 11 (23) іюня главныя силы французской арміи, собранныя у Ковно, начали переправляться черезъ Нѣманъ. Извѣстіе о томъ пришло въ Вильно сутками позже, во время бала, устроеннаго генералъ-адъютантами въ Закретѣ, загородномъ домѣ Беннигсена. Въ ту же ночь Императоръ Александръ отдалъ повелѣніе войскамъ 1-й и 2-й армій отступать согласно принятому плану дѣйствій. Тогда же онъ подписалъ приказъ арміямъ и рескриптъ столицѣ на имя фельдмаршала гр. Салтыкова, кончающійся слсвами: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ". Въ слѣдующую ночь генералъ-адъютантъ Балашевъ былъ посланъ съ письмомъ къ Наполеону, которому Монархъ поручалъ сказать, что „если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ однимъ условіемъ, но непреложнымъ, то есть, чтобы арміи его вышли за границу". Какъ ни странно, но переправа непріятеля черезъ Нѣманъ была для многихъ неожиданна. Придворно-гражданской главной квартирѣ вообще не вѣрилось, что война сейчасъ должна начаться, что она нѣкоторымъ образомъ уже началась; полумилліонная армія Наполеона подступила къ нашимъ границамъ, а министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ не переставалъ утверждать, что все кончится демонстраціею. Непонятное выжиданіе, противъ котораго Барклай дѣлалъ столь горячія представленія еще въ началѣ апрѣля, продолжалось до послѣдней минуты и имѣло естественнымъ послѣдствіемъ, что многія, весьма нужныя распоряженія послѣдовали слишкомъ поздно. Этимъ объясняется, что лишь 3 (15) іюня было предписано корпуснымъ командиромъ принять мѣры для вывоза запасовъ или

истребленія тѣхъ, которыхъ пришлось бы оставить въ случаѣ отступленія, и что не прежде 12 (24) дано приказаніе вывести изъ Вильны казну и архивы. Многіе писатели обвиняютъ Барклая, что нѣкоторые запасы достались непріятелю; но во-первыхъ потеря эта была ничтожна, за исключеніемъ лишь колтынянскаго магазина, а во-вторыхъ распоряженія передъ войною зависѣли не отъ него. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что вѣсть изъ Ковно разразилась какъ громовой ударъ среди яснаго неба. „При общемъ смятеніи лица выражали внутреннее возбужденіе, безпокойство, озлобленіе", пишетъ очевидецъ [1]), и вся придворная квартира поспѣшила выѣхать утромъ 14 (26) іюня изъ Вильно въ Свѣнцяны. Поспѣшность эта не понравилась Барклаю [2]) уже потому, что могла быть замѣчена войсками, отступленію которыхъ онъ съ перваго же дня хотѣлъ придать совершенно другой характеръ. А потому, сдѣлавъ распоряженія о передвиженіи войскъ 1-й арміи съ цѣлью сближенія къ Свѣнцянамъ, онъ спокойно остался еще 2 дня въ Вильнѣ. Согласно этимъ распоряженіямъ войска двинулись: 1-й корпусъ къ Вилькоміру, гдѣ соединился съ 1-мъ кавалерійскимъ; 2-й корпусъ на Ширвинты; 3-й и 4-й корпуса на Вильно; 6-й пѣхотный и 3-й кавалерійскій корпуса на Ольшаны и Сморгонь; 2-й кавалерійскій корпусъ на Михалишки. Гвардія оставалась у Свѣнцянъ. Атаману Платову Барклай въ то же время предписалъ отступать на соединеніе съ 1-ю арміею, стараясь при этомъ мелкими предпріятіями тревожить противника и затруднять его движеніе. Сообщая кн. Багратіону о концентрическомъ отступленіи всѣхъ войскъ 1-й арміи и приглашая его согласовать съ этимъ свои дѣйствія, Барклай, желавшій приблизить къ себѣ 2-ю армію, писалъ: „старайтесь, чтобы непріятель не могъ отрѣзать Вамъ дороги черезъ Минскъ къ Борисову, и оберегайте свой правый флангъ". Инструкція эта, отправленная 15 (27) іюня изъ Вильны, 16-го получена Багратіономъ, который въ тотъ же день выступилъ по указанному направленію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ 27 дивизіею, шедшею изъ Москвы на усиленіе 2-й арміи. Между тѣмъ Императоромъ Александромъ 16-го числа было также послано Багратіону повелѣніе сблизиться съ 1-ю арміею, но не черезъ Минскъ и Борисовъ, а черезъ Бѣлицу или Новогрудскъ на Вилейку; а потому Багратіонъ изъ Слонима свернулъ на Новогрудскъ и, присоединивъ къ себѣ 27 дивизію на Николаевъ, гдѣ сталъ переправляться черезъ Нѣманъ. Оказалось однако жъ, что дорога въ Вилейку уже въ рукахъ непріятеля. Тогда

[1]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten eines Livländers, стр. 164.
[2]) Записки Вольцогена, стр. 99.

онъ поспѣшилъ возвратиться на прежній путь, но не успѣлъ болѣе предупредить противника въ Минскѣ и двинулся къ Бобруйску, вслѣдствіе чего желаемое соединеніе его съ 1-ю арміею отодвинулось на мѣсяцъ.

Барклай выѣхалъ изъ Вильны 16 іюня съ арріергардомъ послѣднихъ войскъ, но не верхомъ, а въ каретѣ, что всѣхъ удивило, такъ какъ онъ никогда не совершалъ ни одного перехода иначе какъ верхомъ; здѣсь же онъ хотѣлъ показать, какъ передаютъ его приближенные [1]), что отступленіе предпринято добровольно и не требуетъ спѣха. Вскорѣ французы настигли нашъ арріергардъ. У Антополя произошли схватки между ихъ конницею и казаками, при чемъ послѣдними десятокъ всадниковъ, въ томъ числѣ гр. Сегюръ, взяты въ плѣнъ. Черезъ четыре дня, 19-го (1-го іюля), главныя силы первой арміи прибыли въ Свѣнцяны. Продолжительное пребываніе въ Вильнѣ и медленное движеніе войскъ сильно волновало Пфуля, опасавшагося, что Наполеонъ предупредитъ насъ въ Дриссѣ; по этому поводу онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Барклаю своего адъютанта Клаузевица, но послѣдній, какъ онъ самъ разсказываетъ, возвращался все съ тѣмъ же извѣстіемъ, „что главнокомандующій спокоенъ и спѣшить не хочетъ“. Другой разсказъ того же Клаузевица характеризуетъ тогдашнюю обстановку. Въ Видзахъ получено было въ Императорской главной квартирѣ извѣстіе о движеніи большихъ силъ въ обходъ нашего фланга, что произвело немалую тревогу. Пфуль, Аракчеевъ и Волконскій собрались у Государя для обсужденія дѣла и принятія рѣшенія; отъ перваго, какъ стратега, всѣ ожидали совѣта, но онъ, совершенно растерявшись, повторялъ только, что все произошло отъ медленности Барклая. Тогда адъютанты генераловъ, опасаясь ежеминутнаго появленія Монарха, рѣшились предложить имъ свое мнѣніе, заключавшееся въ томъ, чтобы ничего не предпринимать, а оставить все по-прежнему. Это мнѣніе, весьма простое и удобное, было тотчасъ принято; оно оказалось и самымъ лучшимъ, такъ какъ вскорѣ обнаружилось, что извѣстіе объ обходѣ ошибочно [2]). Подобные эпизоды и недоразумѣнія не ускользали отъ проницательности Императора Александра и должны были вызвать сомнѣнія относительно достоинствъ принятаго имъ плана дѣйствій. Движенія противника съ перваго же дня обнаружили, что предположенія Пфуля не оправдывались, и что назначеніе, данное Багратіону и Платову, неисполнимо. Это не могло не поколебать и вѣру въ несокрушимость Дрисскаго лагеря, въ

[1]) Левенштернъ, Вольцогенъ.

[2]) General Carl von Clausewitz. Der Feldzug von 1812 in Russland.

особенности послѣ того, какъ возвратившійся оттуда 16-го (24-го) Клаузевицъ, вмѣсто восторженной похвалы, которую ожидали, весьма сдержано отозвался о выгодахъ осмотрѣнной имъ позиціи.

Дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ къ Дриссѣ совершилось безпрепятственно. Преслѣдованіе ихъ было возложено Наполеономъ на короля неаполитанскаго Мюрата, при чемъ происходили многочисленныя стычки, изъ которыхъ выдается лихая атака ротмистра Голева, пробившагося съ своимъ эскадрономъ при возвращеніи съ рекогносцировки черезъ три полка французской кавалеріи. Болѣе серьезное дѣло было 23-го іюня (5-го іюля) при Кочергишгахъ, гдѣ съ каждой стороны выбыло изъ строя болѣе 200 ч. и въ числѣ взятыхъ нами плѣнныхъ оказался принцъ Гогенлое. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ наша кавалерія выказала столько отваги, что Барклай упоминаетъ о ней даже въ своей замѣткѣ изъ Бельмонта: „наша кавалерія, и что всего замѣчательнѣе, польская конница дралась съ необычайною храбростью“. Отступленіе войскъ нашего праваго фланга совершилось также легко. Прибывъ 15-го (27-го) іюня въ Вилькомиръ и соединившись тамъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, Витгенштейнъ перешелъ черезъ Свенту подъ прикрѣпленіемъ арріергарда Кульнева, который 16-го (28-го) имѣлъ дѣло у Девельтово. Утромъ означеннаго числа передовыя войска корпуса Удино, отряженнаго съ кирасирскою дивизіею Дюмерка противъ Витгенштейна, показались на дорогѣ въ Вилькомиръ. Кульневъ съ двумя егерскими, Гродненскимъ гусарскимъ полками и 6 орудіями встрѣтилъ ихъ впереди Девельтово и затѣмъ продолжалъ бой на выгодной позиціи за означеннымъ пунктомъ. Далѣе гр. Витгенштейнъ, присоединивъ къ себѣ отрядъ Властова, шедшаго изъ Россіенъ, и транспорты Тельшскаго и Шавлскаго магазиновъ, продолжалъ слѣдованіе къ Друѣ и переправился тамъ на правую сторону Двины. Отступленіе лѣваго фланга Барклая и войскъ 2-й арміи встрѣтило болѣе затрудненій; для уясненія ихъ необходимо взглянуть на дѣйствія противника.

Какъ уже сказано, планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы клинообразнымъ выдвиженіемъ своихъ войскъ разъединить наши западныя арміи и при этомъ отрѣзать лѣвый флангъ 1-й арміи отъ ея главныхъ силъ. Съ этою цѣлью собранныя имъ у Ковно силы уже 13-го (25-го) іюня двинулись на Вильно, за исключеніемъ войскъ маршала Удино, высланнаго противъ Витгенштейна. По занятіи 16-го (28-го) Вильны, Мюратъ, поддержанный корпусомъ Нея, послѣдовалъ за Барклаемъ; а гр. Нансути съ двумя кавалерійскими и одною пѣхотною дивизіями отряженъ въ Михалишки на перерѣзъ

Дохтурову; въ то же время маршалъ Даву, съ 40.000 отрядомъ [1]) направленъ на Вишневъ и Воложинъ для прегражденія пути Багратіону. Между тѣмъ вице-король, переправившись 18-го (30-го) іюня черезъ Нѣманъ у Пренъ, двинулся со своимъ корпусомъ на Сморгони и направилъ корпусъ Сенъ-Сира въ Вильно, откуда сей послѣдній перешелъ вслѣдъ за французскою гвардіею въ Глубокое. Наконецъ, и король Іеронимъ выступилъ 22-го іюня (4-го іюля) со своими тремя пѣхотными и однимъ кавалерійскимъ корпусами изъ Гродно и Бѣлостока съ цѣлью атаковать Багратіона и отбросить его, при содѣйствіи маршала Даву, въ Полѣсье. Тѣмъ не менѣе превосходныя соображенія Наполеона ожидаемой пользы ему не принесли. Согласно полученнымъ отъ Барклая приказаніямъ, 6-й корпусъ Дохтурова долженъ былъ слѣдовать черезъ Сморгони на соединеніе съ главными силами арміи, а 3-й кавалерійскій корпусъ Палена получилъ назначеніе прикрывать этотъ фланговый маршъ. Дохтуровъ выступилъ 16-го (28-го) іюня по указанному направленію, избѣжавъ при этомъ столкновенія съ отрядомъ Нансути. Паленъ же выступилъ 14-го (26-го) изъ Лиды и, выдвинувъ боковой отрядъ Крейца [2]) къ Ошмяны, прикрывалъ означенное движеніе, а потомъ послѣдовалъ за 6-мъ корпусомъ. Между тѣмъ полковникъ Крейцъ, найдя Ошмяны занятыми противникомъ, ворвался 17-го (29-го) на разсвѣтѣ въ городъ и вытѣснилъ изъ него французовъ: то былъ головной отрядъ колонны Даву. Вскорѣ онъ самъ былъ атакованъ превосходными силами и сталъ отступать въ видѣ арріергарда. Затѣмъ оба корпуса, войдя въ связь съ главными силами 1-й арміи, продолжали движеніе къ Дриссѣ. Менѣе удачными оказались предпріятія Дорохова и Платова, которые, вмѣсто предписаннаго соединенія съ первою арміею, примкнули къ второй. Генералъ Дороховъ, командовавшій авангардомъ IV корпуса [3]), отошелъ согласно данной ему инструкціи 15-го (27-го) іюня къ Олькеникамъ, гдѣ однакожъ корпуса своего болѣе не засталъ. Того же 15-го числа адъютантъ Барклая, капитанъ Сеславинъ, былъ посланъ къ нему навстрѣчу съ приказаніемъ слѣдовать не на Вильно, откуда первая армія должна была на другой день выступить, а ближайшимъ путемъ на Михалишки [4]); но, по неизвѣстной причинѣ, это приказаніе получено Дороховымъ въ ночь на 17-е,

---

[1]) Пѣхотныя дивизіи: Дезе и Компанъ, кавалерійскія: Шастель, Лагуссе и бригады Пажоль и Бордусель, Валанса.

[2]) 4 эскадрона Сибирскихъ драгунъ и 2 Маріупольскихъ гусаръ.

[3]) Полки: 1-й и 18-й егерскіе, Изюмскій гусарскій, два казачьихъ и рота артиллеріи.

[4]) Исторія Отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 150.

когда назначеный ему путь не былъ болѣе свободенъ. Тогда Дороховъ свернулъ на Ольшаны, а узнавъ, что оттуда нельзя болѣе пробраться въ Михалишки, двинулся на Воложинъ на соединеніе съ второю арміею и послѣ утомительныхъ маршей вошелъ въ связь съ Платовымъ. Съ своей стороны атаманъ, отступивъ съ казачьимъ корпусомъ отъ Гродно къ Лидѣ, выступилъ оттуда 20-го іюня (2-го іюля) въ Ивіе, куда прибылъ лишь на другой день; получивъ 22-го извѣстіе о занятіи непріятелемъ Вишнева, онъ свернулъ на Бакшты для сближенія съ Дороховымъ. Такимъ образомъ, и Дороховъ, и Платовъ, первый по неполученію отправленнаго къ нему приказанія, послѣдній, вслѣдствіе медленности въ движеніяхъ, отклонились отъ предписанной имъ цѣли и присоединились 25-го іюня (7-го іюля) къ войскамъ второй арміи.

Между тѣмъ кн. Багратіонъ, возвращаясь съ Николаевской переправы, слѣдовалъ на Миръ, съ намѣреніемъ продолжать движеніе на Минскъ. Но въ Мирѣ онъ получилъ донесеніе Дорохова о появленіи у Минска французовъ. Тогда Багратіонъ, не рѣшаясь открыть себѣ дорогу силою, двинулся на Несвижъ, гдѣ 26-го (8-го) присоединилъ къ себѣ отрядъ Дорохова, а оттуда на Слуцкъ и Бобруйскъ. Прикрытіе этого движенія со стороны Новогрудска, куда въ то время уже подошли головныя войска короля Іеронима, было возложено на Платова, прибывшаго 25-го (7-го) въ Кареличи. Тамъ 26-го числа (8 іюля) между непріятельскою кавалеріею и казаками произошла схватка, послѣ которой атаманъ отошелъ къ Миру, гдѣ на слѣдующій день состоялся болѣе серьезный и весьма удачный бой: устроенная казаками засада имѣла результатомъ пораженіе трехъ полковъ уланской дивизіи Рожницкаго, потерявшихъ одними плѣнными 248 чел. [1]). На 28 (10) число можно было ожидать появленія болѣе значительныхъ силъ противника, а потому Платовъ былъ усиленъ 16-ю эскадронами генералъ-адъютанта Васильчикова. И дѣйствительно, на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходилъ бой наканунѣ, Васильчиковъ былъ атакованъ шестью полками кавалеріи. Однакожъ дѣйствія обѣихъ сторонъ оставались долго безъ послѣдствій, пока совершенно неожиданно на флангѣ непріятеля показался казачій отрядъ генералъ-маіора Кутейникова, возвращавшійся съ поисковъ; это послужило сигналомъ къ дружному удару различныхъ частей нашей конницы, кончившемуся разсѣяніемъ противника. При дальнѣйшемъ отступленіи арріергардъ 2-й арміи, усиленный еще 5-мъ егерскимъ полкомъ, имѣлъ нѣсколько стычекъ около Несвижа и 2-го (14) іюля удачное дѣло у Романова,

[1]) Исторія отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 162.

гдѣ непріятель лишился 18 офицеровъ и 360 нижнихъ чиновъ плѣнными [1]). Послѣ этого дѣла преслѣдованіе Багратіона прекратилось; войска Іеронима, поступившія подъ начальство маршала Даву, получили другое назначеніе и потянулись: 8-й корпусъ (Вестфальскій) на Минскъ-Оршу, 5-й (польскій) и кавалерійскій Латуръ-Мобура на Игуменъ-Могилевъ, а 7-й (саксонскій) назадъ къ Слониму, откуда онъ былъ направленъ противъ Тормасова. Принятое главнокомандующимъ 2-й арміи въ Мирѣ рѣшеніе уклониться отъ боя, которымъ бы онъ могъ проложить себѣ путь къ 1-й арміи, объяснялось имъ тѣмъ, что ему было предписано: „избѣгать рѣшительныхъ сраженій съ сильнѣйшимъ непріятелемъ". Что маршалъ Даву имѣлъ при себѣ лишь двѣ дивизіи, ему могло быть неизвѣстно; но онъ почему-то полагалъ, что вся армія Наполеона противъ него, и бранилъ Барклая за то, что 1-я армія не атакуетъ ее для отвлеченія хоть бы части ея силъ отъ 2-й арміи [2]). Потеря времени, причиненная разногласіемъ въ направленіи, указанномъ Барклаемъ и предписанномъ Государемъ, отчего Багратіонъ не успѣлъ предупредить противника въ Минскѣ, а затѣмъ и непонятная осторожность, побудившая его свернуть на Бобруйскъ, имѣли послѣдствіемъ, что 1-я армія должна была сообразовать свои дальнѣйшія дѣйствія съ кружными и продолжительными движеніями 2-й арміи. Но всѣ эти случайныя и непредвидѣнныя обстоятельства намъ вреда не нанесли, тогда какъ Наполеонъ долженъ былъ убѣдиться, что искусныя комбинаціи остались безъ результатовъ. Ни Дохтуровъ не былъ задержанъ, ни Дороховъ не былъ захваченъ, ни Багратіонъ не подвергся катастрофѣ. Послѣдняя неудача особенно возбудила негодованіе Императора противъ своего брата, котораго онъ обвинялъ въ медленности и несогласованіи своихъ движеній съ дѣйствіями Даву, а потому онъ подчинилъ его этому маршалу, на что Іеронимъ отвѣтилъ отъѣздомъ въ свою резиденцію Кассель. Между тѣмъ усиленные марши по дурнымъ дорогамъ чрезвычайно утомили французскія войска и до-нельзя затруднили продовольствіе. Уже 17 (29) іюня наступили проливные дожди, а затѣмъ послѣдовала невыносимая жара; обозы разстроились и до того отстали, что отрядъ короля Іеронима остался безъ хлѣба и соли; другія части, въ особенности корпусъ пр. Евгенія, потеряли множество лошадей, преимущественно артиллерійскихъ. Теперь наступило какъ бы общее временное затишье.

Между тѣмъ, 27—29 іюня (9—11 іюля) первая армія вступила

---

[1]) Тамъ же, стр. 209.

[2]) Письмо кн. Багратіона ген. Ермолову.

въ Дрисскій лагерь. Благодаря медленности отступленія Барклая, Витгенштейнъ и Дохтуровъ спокойно съ нимъ соединились. Первый переправившійся 28 іюня (10 іюля) на правую сторону Двины у Друи, гдѣ онъ былъ усиленъ резервами въ числѣ 2.200 ч. пѣхоты и 1.300 ч. кавалеріи, занялъ позицію противъ Леонполя, на продолженіи праваго фланга лагеря. Дохтуровъ расположился на продолженіи лѣваго фланга укрѣпленій. Прочія войска заняли самый лагерь въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й корпусъ на правомъ флангѣ, 3-й корпусъ въ центрѣ, 4-й корпусъ на лѣвомъ флангѣ; за ними три кавалерійскіе и гвардейскій корпуса. Высочайшимъ приказомъ отъ 27 іюня (9 іюля) августѣйшій вождь возвѣщалъ своимъ войскамъ, что они „достигли той цѣли, къ которой стремились, и соединились на мѣстѣ предназначенномъ". Да, цѣль была достигнута, та самая цѣль, которая издалека и на бумагѣ представлялась кабинетнымъ стратегамъ несокрушимою твердынею, о которую всѣ усилія врага разбивались въ прахъ. Но чѣмъ оказалась эта твердыня вблизи и въ дѣйствительности?

Укрѣпленный лагерь находился на лѣвомъ берегу Двины, образующей немного ниже Дриссы колѣно, которое огибаетъ тылъ позиціи; фронтъ сей послѣдней имѣлъ болѣе 4 в. протяженія, а глубина, у центра, до 3 в. Пространство это пересѣчено оврагами, затрудняющими сообщенія, движенія резервовъ и спуски къ рѣкѣ. Для укрѣпленія позиціи были возведены редуты и люнеты съ батареями, палисадами и засѣками: въ 1 линіи 10, во 2 лин. 6, въ 3 лин. 1, а для защиты 4 мостовъ тетъ-де-поны. Передъ фронтомъ мѣстность отчасти лѣсистая, мѣстами болотистая, а въ тылу—открытая и доступная. Такимъ образомъ, предположенное Пфулемъ выдвиженіе изъ лагеря 70.000 войскъ для атаки той или другой части непріятельской арміи, если бы даже разность въ численности сторонъ тому не препятствовала, оказалось бы затруднительнымъ, тогда какъ подступы непріятеля съ фронта прикрывались лѣсомъ, а съ тыла ничѣмъ не были обороняемы. Но въ какомъ положеніи находилась бы въ этомъ лагерѣ наша I армія, въ которой и тогда считалось около 110.000 ч., если бы она была окружена войсками Наполеона, вице-короля Италійскаго и почти всей бывшей арміи Іеронима, численность которыхъ превышала 250.000 ч. Что укрѣпленный лагерь могъ имѣть большое значеніе, признавалъ и Барклай, но только въ смыслѣ конечнаго пункта продолжительнаго упорнаго отступленія арміи, выдвинутый для встрѣчи противника за Кенигсбергъ, точно также какъ укрѣпленный лагерь у Кіева могъ служить конечнымъ опорнымъ пунктомъ отступленія II арміи отъ Варшавы. Когда же выдвиженіе армій было отклонено,

и Пфулю поручено выработать свой операціонный планъ, Дрисскій укрѣпленный лагерь могъ только вовлечь въ преждевременный бой. Неудивительно потому, что и теперь, за нѣсколько дней до вступленія арміи въ лагерь, Барклай попытался еще разъ отклонить Монарха отъ рокового рѣшенія [1]). Вслѣдствіе ли его представленія или по другой причинѣ, флигель-адъютантъ полковникъ Мишо, отличный инженеръ, перешедшій изъ сардинской службы въ русскую, былъ тотчасъ посланъ для осмотра укрѣпленнаго лагеря, и уже 27 іюня Императоръ отправился лично для его обозрѣнія. Сопровождавшій его генералъ Пфуль объяснилъ выгоды позиціи и значеніе укрѣпленій, которыя показались весьма слабыми, а потому и объясненія его повидимому никого не удовлетворили; Государь старался разгадать мысли окружавшихъ его генераловъ, но кромѣ недовѣрія на лицахъ ихъ ничего прочесть не могъ. Однакожъ ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день перемѣны въ главныхъ расположеніяхъ не послѣдовало, такъ что Барклай 28 іюня писалъ женѣ изъ Дриссы: „Я привелъ сюда армію, потому что Государь этого желалъ, и теперь ожидаю, что будетъ далѣе“ [2]). Между тѣмъ трудное положеніе Пфуля стало, послѣ состоявшагося и всѣхъ разочаровавшаго обозрѣнія лагеря, невыносимымъ; какъ честный человѣкъ, онъ не могъ не чувствовать, что нравственная отвѣтственность за очевидную опасность, въ которую вовлечена армія, падаетъ на него; а потому, и уступая убѣжденіямъ столь близкаго ему Клаузевица, онъ рѣшился испросить у Государя аудіенцію и выразить ему необходимость возложить главное и самостоятельное начальство войскъ на Барклая-де-Толли [3]). Это значило отказаться отъ своего плана и признать его несостоятельность. Императоръ Александръ принялъ Пфуля съ тою рыцарскою вѣжливостью, которая всегда его отличала, и отнесся къ его заявленію весьма благосклонно. Нѣтъ сомнѣнія, что Монархъ и самъ пришелъ къ такому же заключенію, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ выдающихся лицъ его свиты были проникнуты убѣжденіемъ, что особѣ Монарха не слѣдуетъ подвергаться какимъ бы то ни было случайностямъ войны, предвидѣть которыя невозможно, и что трое изъ нихъ: Балашевъ, Аракчеевъ и Шишковъ подали Государю убѣдительную записку въ этомъ смыслѣ [4]). Тогда, 29 іюня, Императоромъ Александромъ былъ собранъ военный совѣтъ для обсужденія и рѣшенія вопроса: оборо-

---

[1]) Представленіе Барклая-де-Толли отъ 25 іюня изъ Бельмонта.

[2]) Письмо Барклая-де-Толли къ женѣ отъ 28 іюня 1812 г.

[3]) Этотъ разсказъ столь правдиваго Клаузевица подтверждается, какъ лучшій исходъ для Пфуля изъ тяжелаго его тогда положенія.

[4]) Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Т. III, стр. 86—88.

нять ли Дрисскій лагерь или нѣтъ. Въ совѣтѣ приняли участіе: Барклай, Аракчеевъ, принцъ Ольденбургскій, Волконскій и Вольцогенъ, послѣдній какъ представитель отсутствовавшаго Пфуля. Совѣщанію предшествовалъ докладъ полковника Мишо объ осмотрѣнныхъ имъ укрѣпленіяхъ. Затѣмъ Барклай, не отрицая выгодъ укрѣпленной позиціи для всякаго отряда, вынужденнаго дать отпоръ болѣе сильному противнику, изобразилъ положеніе арміи, замкнутой въ такой позиціи и окруженной войсками, превышающими ее болѣе чѣмъ вдвое. Въ такое положеніе была бы поставлена I армія, а потому очевидный разгромъ ея, хотя бы съ равносильною потерею непріятеля, лишилъ бы насъ главной опоры для дальнѣйшаго веденія войны. Въ виду сохраненія арміи для будущихъ дѣйствій онъ настаивалъ на необходимости вывести ее изъ Дрисскаго лагеря. Съ его мнѣніемъ согласились всѣ прочія лица, не исключая даже Вольцогена, отъ котораго ожидали горячей защиты лагеря. Въ состоявшемся тогда постановленіи совѣта не было однако указано, куда направить армію. По Михайловскому-Данилевскому было опредѣлено „взять какое-нибудь другое направленіе“ [1]). Такое странное рѣшеніе можетъ быть объяснено намѣреніемъ Императора Александра предоставить главнокомандующему полную свободу дѣйствій и желаніемъ сохранить въ тайнѣ задуманный Барклаемъ и вѣроятно сообщенный имъ совѣту планъ фланговаго движенія на Витебскъ. Что онъ передъ тѣмъ уже имѣлъ такой планъ, усматривается изъ того, что на вопросъ Аракчеева относительно продовольствія арміи, Барклай отвѣтилъ, что таковое обезпечено Велижскимъ магазиномъ. Потаенныя мысли его находимъ также въ письмѣ къ женѣ отъ того же 29 іюня, въ которомъ читаемъ: „Непріятель выдвинулъ часть своихъ превосходныхъ силъ между 1-ю и 2-ю арміею съ цѣлью открыть себѣ дорогу въ сердце Россіи. Съ Божіею помощью я надѣюсь, что это будетъ предотвращено; я нахожусь теперь на скользкомъ пути, на которомъ многое зависитъ отъ счастья. Если Господь даруетъ успѣхъ предпріятію, которое я имѣю въ виду, то я заслужу справедливую благодарность отечества,—твои молитвы и наше искреннее упованіе на Бога помогутъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ“ [2]). Задуманное Барклаемъ столь смѣлое фланговое движеніе совершено имъ, какъ увидимъ, вполнѣ благополучно.

Въ числѣ лицъ, находившихся при Императорѣ Александрѣ, былъ

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны 1812 года, I, стр. 226.

[2]) Письмо Барклая-де-Толли къ женѣ, отъ 29 іюня (11 іюля) 1812 года.

также принцъ Александръ Виртембергскій, который, будучи витебскимъ генералъ-губернаторомъ, былъ посвященъ главнокомандующимъ въ его намѣренія. Принцъ хорошо зналъ окрестности своей резиденціи и могъ сообщить послѣднему, что вблизи города имѣется позиція, весьма выгодная для принятія боя. Это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало видамъ Барклая, надѣявшагося соединиться подъ Витебскомъ съ кн. Багратіономъ и дать тамъ сраженіе [1]). Въ тотъ самый день, когда состоялось рѣшеніе отказаться отъ прежняго операціоннаго плана, Императоръ Александръ оставилъ I армію и поѣхалъ на нѣсколько дней въ Полоцкъ, а затѣмъ навстрѣчу II арміи, когда же это оказалось неисполнимымъ—прямо въ Москву. Выѣзжая изъ Дриссы, Государь заѣхалъ къ Барклаю, пробылъ у него болѣе часа, крѣпко обнялъ при разставаніи и, пожимая руку, сказалъ; „прощайте и еще разъ прощайте; оставляю мою армію на Вашемъ попеченіи, не забывайте никогда, что она у меня одна“ [2]). Послѣднія распоряженія, тогда послѣдовавшія, заключались въ слѣдующемъ: Дунайской арміи Чичагова повелѣно двинуться на Волынь для соединенія съ арміею Тормасова, которому предписано дѣйствовать наступательно. Къ 12 полкамъ, вновь формируемымъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, приказано генералу Клейнмихелю образовать еще 6 полковъ изъ рекрутскихъ депо. Милорадовичу предписано сформировать изъ рекрутскихъ депо въ Калугѣ корпусъ въ 55 баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 14 ротъ артиллеріи. Объявленъ манифестъ о наборѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по 5 рекрутъ съ 500 душъ. Наконецъ, изданъ манифестъ о всеобщемъ ополченіи. По этому послѣднему поводу Государь писалъ Барклаю еще 27 іюня: „Я рѣшился призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго требуетъ самая вѣра. Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ испанцамъ“. Тогда же состоялись перемѣны въ личномъ составѣ главнаго штаба арміи, о чемъ уже было упомянуто, а именно замѣна начальника шт. Лаврова и вре-

---

[1]) М. Богдановичъ пишетъ въ своей исторіи войны 1812 г. Ч. I, стр. 172: По предложенію герцога Александра Виртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, принято направленіе къ Витебску, гдѣ I-я армія, занявъ выгодную позицію, должна была соединиться со второю. Здѣсь очевидно недоразумѣніе. Герцогъ къ совѣщанію не привлеченный, никакого предложенія сдѣлать не могъ; но ему, какъ витебскому генералъ-губернатору, принятое рѣшеніе было немедленно сообщено Барклаемъ, при чемъ онъ и рекомендовалъ позицію на знакомой ему мѣстности. Въ такомъ смыслѣ переданъ этотъ эпизодъ и въ „Запискахъ гр. Толя“ Бернарди, ч. I, стр. 301.

[2]) Denkwürdigkeiten eines Livländers W. v. Lowenstern.

менно исправлявшаго его должность Паулуччи, генераломъ Ермоловымъ и генералъ-квартирмейстера Мухина полковникомъ Толь. Мнѣніе Барклая о своемъ ближайшемъ сотрудникѣ неизвѣстно. Ермоловъ относился къ нему почтительно и дѣлалъ даже видъ, что ему преданъ, а потому благородный Барклай не могъ подозрѣвать въ немъ скрытаго врага; достовѣрно только то, что онъ ему не довѣрялъ, съ нимъ не сближался и не совѣтовался. Ермоловъ въ своихъ запискахъ говоритъ, конечно, другое; онъ много разсказываетъ о поданныхъ имъ совѣтахъ и предложенныхъ планахъ, но и тѣ и другіе остались для всѣхъ неизвѣстными. Точно также оказываются вымышленными повѣствованія его о неудовольствіи Барклая противъ Толя, „получившаго, не взирая на его, Ермолова, заступничество, приказаніе выѣхать изъ арміи и отправившагося въ Москву, гдѣ остался безъ всякой должности“ [1]). Не могъ однако жъ начальникъ штаба, Ермоловъ, не знать, что съ его ежедневнымъ сотрудникомъ, генералъ-квартирмейстеромъ Толемъ, ничего подобнаго не было.

Полковникъ Толь, получившій тогда же назначеніе и. д. генералъ-квартирмейстера, былъ отличный офицеръ генеральнаго штаба, съ выдающимися дарованіями, основательными свѣдѣніями, твердою волею и благороднымъ характеромъ. Если бы при этомъ онъ обладалъ достаточнымъ тактомъ, то вѣроятно и отношенія его къ Барклаю были бы тѣснѣе; но честный и правдивый Толь хотя не всегда взвѣшивалъ слова въ своихъ представленіяхъ главнокомандующему, не зналъ другихъ побужденій, какъ чувство долга и пользу дѣла.

„По отъѣздѣ Государя изъ арміи, Барклай, какъ разсказываетъ очевидецъ [2]), сдѣлался, если возможно, еще спокойнѣе и положительнѣе въ своихъ распоряженіяхъ. Вокругъ него все измѣнилось какъ по волшебному знаку. Пріемная, съ нѣкотораго времени опустѣвшая, снова наполнилась тѣми же лицами, которыя сейчасъ только его такъ порицали. Но онъ, холодный и спокойный, какъ всегда, не показалъ ни малѣйшей перемѣны въ обращеніи и обошелся со своими недоброжелателями столь же учтиво, какъ всегда. При всемъ своемъ спокойствіи Барклай не могъ однако не сознавать всю тяжесть своего положенія: успѣхъ задуманнаго предпріятія зависѣлъ отъ дѣйствій не одной только первой арміи, которой онъ остался полнымъ хозяиномъ, но и второй, ему не подчинен-

---

[1]) Записка А. П. Ермолова, изд. 1863 г., стр. 72.

[2]) Воспоминанія тогдашняго адъютанта Барклая, генерала Левенштерна. Denkwürdigkeiten eines W. v. Livänders. стр. 180—181.

ной. Вопросъ объ общемъ командованіи опять остался открытымъ и по отъѣздѣ Государя; этому отъѣзду старались даже придать видъ временнаго отсутствія и, какъ бы въ подтвержденіе этого, военная свита была оставлена. Такимъ образомъ, успѣхъ дѣла много зависѣлъ отъ доброй воли кн. Багратіона на котораго приходилось дѣйствовать убѣжденіями и просьбами. Честный воинъ и горячій патріотъ, Багратіонъ, не былъ, конечно, способенъ вредить дѣлу изъ-за личныхъ побужденій, но онъ не въ состояніи былъ обнять и обсудить общее положеніе. „Непріятеля войска бы шапками закидали", писалъ онъ Ермолову 3 іюля, „мы проданы, я вижу, насъ ведутъ на гибель". И даже гораздо позже, 29 іюля, когда положеніе дѣлъ вполнѣ уже выяснилось, писалъ: „не понимаю Вашихъ мудрыхъ маневровъ. Мой маневръ искать и бить". Къ тому же Багратіонъ и самъ добивался главнаго командованія; это ясно высказано въ концѣ того же письма: „Но что мнѣ еще писать Государю, самъ не вѣдаю. Я писалъ, что соединился, просилъ, чтобъ одному быть начальникомъ, а не двумъ. Если написать мнѣ прямо, чтобы далъ обѣими арміями мнѣ командовать, тогда Государь подумаетъ, что я сего ищу не по моимъ заслугамъ и талантамъ, но по единому тщеславію". На какое послѣ этого содѣйствіе могъ разсчитывать Барклай, чтобы совокупными дѣйствіями битва становилась возможною. Барклай горѣлъ желаніемъ сразиться, но не считалъ себя въ правѣ этого исполнить до наступленія возможности одержать побѣду или пріобрѣсть успѣхъ, а что для этого требовалось болѣе мужества и самоотверженія, Багратіоны того времени не постигали.

Послѣ 3-хъ дневнаго пребыванія въ Дрисскомъ лагерѣ, 2-го (14) іюля, войска I арміи незамѣтно перешли на правый берегъ Двины; на лѣвомъ берегу остались для маскированія переправы и наблюденія только 2-й и 3 кавалерійскіе корпуса. Для полученія же вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, на слѣдующій день, 3 (15) іюля авангардомъ 1-го арм. корпуса была произведена рекогносцировка за р. Друю, при чемъ казаки и гродненскіе гусары подполковника Ридигера атаковали и преслѣдовали встрѣченную ими французскую кавалерію 15 верстъ и захватили 144 ч. въ плѣнъ, въ томъ числѣ генерала Сенъ-Женье и 3 офицеровъ [1]).

Около того же времени, т. е. въ первыхъ числахъ іюля, происходили также дѣйствія у Динабурга. Заложенная тамъ крѣпость

---

[1]) Кромѣ того, непріятель лишился убитыми и ранеными около 300 чел.; съ нашей стороны выбыло изъ строя 75 чел. Исторія отеч. войны М. Богдановича, I, стр. 173.

не представляла еще какой-либо преграды, но предмѣстное укрѣпленіе уже находилось въ оборонительномъ положеніи и было занято нѣсколькими, хотя и весьма слабыми, запасными баталіонами. Этимъ-то укрѣпленіемъ французы (изъ корпуса Удино) нѣсколько разъ пытались овладѣть, но были отбиты. Въ то время больные и казенное имущество вывозились изъ Динабурга, и только 15 (27) іюля, когда передовыя войска Макдональда стали подходить изъ Курляндіи, командовавшій тамъ генералъ Гаманъ началъ медленно отступать къ Дриссѣ.

Дѣла у Дриссы и Динабурга утвердили, повидимому, противника въ мнѣніи, что мы будемъ отстаивать Дрисскій лагерь; по крайней мѣрѣ, ничего не было предпринято для затрудненія нашего движенія въ Витебскъ, что Клаузевицъ ставилъ Наполеону въ большую ошибку [1]). Послѣдній и самъ сознавалъ ее, но приписалъ это злому року: „Во всей этой войнѣ“, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]), „я находился подъ вліяніемъ дурного генія, порождавшаго въ рѣшительныя минуты препятствія, которыя не могли быть предусмотрѣны. Могъ ли я предвидѣть, что русская армія не останется болѣе 3 дней въ лагерѣ, стоившемъ нѣсколько мѣсяцевъ работы и огромныхъ суммъ“.

Оставивъ Витгенштейна у Дриссы для прикрытія путей въ Петербургъ, Барклай двинулся 4 (16) іюля съ прочими войсками къ Витебску. Въ головѣ шелъ 1 кавалерійскій корпусъ Уварова, въ хвостѣ—6-й корпусъ Дохтурова; прикрытіе движенія было возложено на 2-й и 3-й кавал. корпуса бар. Корфа и гр. Палена, перешедшіе черезъ Двину у Дриссы и Дисны 3-мя днями позже. 7-го (19) ч. 1 армія имѣла въ Полоцкѣ дневку за исключеніемъ корпуса Уварова, высланнаго впередъ для занятія и прикрытія Витебска; а 11-го (23) іюля выступили туда и главныя силы. По прибытіи въ Витебскъ армія расположилась: III, IV и V пѣхотные и I кавалерійскій корпуса—на лѣвомъ берегу Двины, по р. Лучосѣ, на рекомендованной герцогомъ А. Виртембергскимъ позиціи; II пѣхотный и II кавалерійскій—на правой сторонѣ рѣки у города; VI пѣхотный Дохтурова, слѣдовавшій за арміею въ разстояніи перехода, у стараго села на Полоцкой дорогѣ; III кавалерійскій корпусъ Палена—въ полупереходѣ отъ послѣдняго, въ видѣ арріергарда.

Въ Витебскѣ было получено извѣстіе, что передовыя войска кн. Багратіона вступили въ Могилевъ. Обрадованный Барклай считалъ соединеніе армій обезпеченнымъ и надѣялся, какъ писалъ

---

[1]) Der Feldzug von 1812 in Russland.

[2]) Vie politique et militaire de Napoléon. Ч. IV, стр. 70—71.

смоленскому губернатору, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но вскорѣ пришло другое извѣстіе, пояснявшее, что вступленіе означенныхъ войскъ въ Могилевъ еще не состоялось, а со дня на день ожидается. Тогда Барклай рѣшился движеніемъ отряда на Оршу содѣйствовать операціямъ своего товарища. Для исполненія этого намѣренія нужно было притянуть къ себѣ Дохтурова и Палена и получить достовѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Съ этою послѣднею цѣлью уже 12-го (24) ч. были высланы отряды: Тучкова 3—на Бабиновичи, Орлова-Денисова—на Сѣнно, и корпусъ гр. Остермана-Толстого, усиленный четырьмя кавалерійскими полками,—къ Островно. Отряженіе столь значительныхъ силъ къ Островно было вызвано донесеніями передовыхъ постовъ о приближеніи большихъ массъ противника къ Бѣшенковичамъ. Увѣдомляя главнокомандующаго второю арміею о своемъ намѣреніи и приглашая его къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ, Барклай счелъ нужнымъ послать къ нему флигель-адъютанта Вольцогена и просить его согласоваться съ операціями первой арміи и сообщить о своихъ дѣйствіяхъ. Опасаясь, какъ бы самолюбіе старшаго въ чинѣ не повліяло на его рѣшенія, онъ писалъ князю: „Передъ мыслью, что намъ ввѣрена защита отечества въ нынѣшнее рѣшительное время, умолкнутъ всѣ прочія разсужденія и все то, что въ обыкновенное время могло бы повліять на взаимныя отношенія: голосъ отечества призываетъ насъ къ согласію, которое есть вѣрнѣйшій залогъ нашихъ успѣховъ. Соединимся и сразимъ врага Россіи. Отечество благословитъ согласіе наше [1])“.

Между тѣмъ французская армія также двигалась къ Витебску. Мюратъ, получивъ извѣстіе объ оставленіи русскими укрѣпленнаго лагеря и отступленіи къ Полоцку, отрядилъ корпусъ Удино съ кавалерійскою дивизіею Дюмерка къ Дриссѣ и двинулся съ остальными силами—корпусъ Нея, три дивизіи корп. Даву, кавал. корпуса Нансути и Монбрюнъ—къ Диснѣ. Тамъ онъ перевелъ Монбрюна на правый берегъ Двины и самъ продолжалъ движеніе на Бѣшенковичи, куда между тѣмъ прибыли головныя войска принца Евгенія. Къ тому времени, 12 (24) іюля, подошли туда остальныя войска вице-короля, корпусъ Сенъ-Сира, старая гвардія, молодая гвардія, гвардейская кавалерія и кавал. корпусъ Груши. Вечеромъ 12 (24) іюля пріѣхалъ въ Бѣшенковичи и самъ Наполеонъ, который тотчасъ приказалъ навести мостъ черезъ Двину и произвести рекогносцировку на правомъ берегу рѣки; удостовѣрившись, что

---

[1]) Отношеніе Барклая отъ 13 (25) іюля. Записки Толя, издан. Бернарди. Ч. I, стр. 314—315.

русская армія уже у Витебска, онъ поручилъ Монбрюну дальнѣйшее наблюденіе за Паленомъ и Дохтуровымъ и сталъ готовиться къ устремленію всѣхъ собранныхъ имъ силъ на Барклая. При такихъ обстоятельствахъ предположенное движеніе нашей I арміи на Оршу для возможнаго соединенія съ II арміею сдѣлалось невыполнимымъ. Но что предпринять? Продолжать отступленіе—это значило отказаться надолго отъ содѣйствія кн. Багратіона; принять сраженіе—это значило драться одному противъ двухъ и подвергнуться вѣрному пораженію. Барклай нашелъ другой исходъ изъ этого труднаго положенія, исходъ, соотвѣтствовавшій принятому имъ общему способу дѣйствій противъ превосходныхъ силъ Наполеона: онъ сталъ дѣятельно готовиться къ битвѣ, съ твердымъ намѣреніемъ уклониться отъ рѣшительнаго боя, если къ участію въ таковомъ не прибудетъ II армія. Въ обоихъ случаяхъ, какъ пишетъ Барклай съ собственноручныхъ замѣткахъ, онъ вынуждалъ Наполеона терять время на изнурительныя передвиженія своихъ главныхъ силъ къ Витебску и привлеченіе туда отъ Могилева прочихъ войскъ Даву, что съ другой стороны облегчало кн. Багратіону переправиться черезъ Днѣпръ и спѣшить къ соединенію съ I арміею.

Въ 7 верстахъ отъ Витебска головной отрядъ гр. Остермана встрѣтился съ передовыми войсками Нансути; послѣднія повернули назадъ и, преслѣдуемыя нашею кавалеріею, отошли за Островно. Не доходя этого пункта, Остерманъ остановился и занялъ позицію по обѣ стороны дороги, примыкая флангами къ болотамъ и лѣсистой мѣстности. Отрядъ его состоялъ изъ 23 бат., 28 эскад. и 70 орудій [1]). Рано утромъ 13 (25) іюля Мюратъ выдвинулъ къ Островно всю кавалерію Нансути, которой былъ приданъ полкъ егерей; впереди шла бригада Пире. Съ нашей стороны вышли впередъ безъ всякой предосторожности два эскадрона лейбъ-гусаръ, за которыми слѣдовали 6 конныхъ орудій; какъ только французы ихъ замѣтили, они бросились въ атаку, разсѣяли гусаръ и захватили орудія. Между тѣмъ вся бригада Пире стала развертываться; она строилась еще въ боевой порядокъ, когда на правомъ ея флангѣ показался нашъ Нѣжинскій полкъ; однако два полка французской кавалеріи успѣли броситься на нашихъ драгунъ, опрокинули ихъ и взяли до 200 ч. въ плѣнъ. За то другіе два полка корпуса Нансути, вышедшіе изъ Островно и кинувшіеся на пѣхоту Остермана, были разстроены встрѣтившимъ ихъ сильнымъ огнемъ и по-

---

[1]) II-я пѣх. дивизія Бахметьева 2-го, 23-я пѣх. див. Бахметьева 1-го; Изюмскій, Сумскій и лейбъ-гусарскій, Ингерманландскій и Нѣжинскій драгунскіе полки; 6 р. пѣх. и 6 р. кон. артиллеріи.

несли большія потери. Корпусъ Остермана занималъ двѣ линіи: въ первой стояла II-я дивизія въ развернутомъ фронтѣ, во второй 23-я дивизія въ баталіонныхъ колоннахъ и кавалерія; впереди 1-й линіи расположились батареи. Противъ этихъ батарей и нашей стрѣлковой цѣпи были разсыпаны французскіе егеря. Графъ Остерманъ приказалъ тогда тремъ баталіонамъ лѣваго фланга оттѣснить ихъ, что однакожъ не удалось исполнить, такъ какъ нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, какъ только баталіоны начали движеніе, появились на ихъ флангѣ. Другія попытки Остермана противъ обоихъ фланговъ Мюрата остались безъ послѣдствій въ виду большого перевѣса послѣдняго въ кавалеріи. Впрочемъ, задача его заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы замедлять и затруднять наступленіе противника; до полудня исполнить это было нетрудно, но тогда прибыла въ Островно вся дивизія Дельзона, т. е. 19 баталіоновъ, такъ что превосходство общихъ силъ уже въ несоразмѣрной степени перешло на сторону французовъ. Тѣмъ не менѣе гр. Остерманъ, стойкость котораго составляла отличительную черту его боевыхъ качествъ, продолжалъ спокойно отстаивать свою позицію. Главнокомандующій прислалъ къ нему въ это самое время три полка кавалеріи на помощь, но они не были введены въ дѣло. Съ другой стороны и дивизія Дельзона была такъ утомлена поспѣшнымъ переходомъ, что должна была ограничиться выдвиженіемъ своей артиллеріи. Такимъ образомъ, Остерманъ, не взирая на большія потери, понесенныя нѣкоторыми полками отъ артиллерійскаго огня, продержался до ночи. Сюда относятся его изреченія, пріобрѣвшія столь большую извѣстность: на донесеніе о большомъ уронѣ отъ непріятельской картечи и вопросъ что дѣлать, онъ отвѣчалъ „ничего не дѣлать, стоять и умирать“; а на докладъ батарейнаго командира, что много убито канониров и есть подбитыя орудія, какъ графъ прикажетъ поступить, послѣдній сказалъ: „стрѣлять изъ остальныхъ“. Барклай-де-Толли, которому ходъ дѣла былъ ежечасно сообщаемъ своими адъютантами [1]), счелъ, однако жъ, нужнымъ смѣнить корпусъ Остермана другимъ отрядомъ. Въ тотъ же день 3 дивизія Коновницына, усиленная нѣсколькими кавалерійскими полками, была выслана по дорогѣ къ Островно и расположена въ 11 верстахъ отъ Витебска на хорошей позиціи, фронтъ которой былъ прикрытъ оврагомъ, правый флангъ Двиною, а лѣвый болотистымъ лѣсомъ. Коновницынъ получилъ приказаніе пропустить войска Остермана и Уварова и

[1]) Левенштернъ и Сеславинъ.

преградить непріятелю дальнѣйшее наступленіе; Остерманъ же получилъ предписаніе сняться на разсвѣтѣ съ бивака и, отойдя за позицію Коновницына, составить резервъ. Утромъ 14 (26) іюля король Неаполитанскій двинулся съ войсками Нансути и вице-короля Италійскаго по Витебской дорогѣ и въ 8 ч. подошелъ къ позиціи Коновницына. Вскорѣ по всей линіи завязался бой. Сначала непріятель попытался сильнымъ огнемъ поколебать стойкость нашихъ войскъ; затѣмъ пѣхота вице-короля двинулась въ атаку обоихъ фланговъ, при чемъ нѣсколько эскадроновъ стали обходить нашу позицію по бродамъ Двины. Атака лѣваго фланга была отбита; на правомъ же флангѣ наши баталіоны подались назадъ. Тогда Коновницынъ выдвинулъ свой резервъ, усиленный двумя полками II дивизіи, и снова оттѣснилъ противника; при этомъ одинъ изъ его баталіоновъ увлекся за оврагъ и подвергся нападенію непріятельской кавалеріи. Это послужило сигналомъ общему наступленію французовъ, принудившихъ, наконецъ, нашъ отрядъ отходить къ Витебску; дольше всѣхъ оставался на мѣстѣ центръ и не покидавшая своей позиціи артиллерія; послѣдняя подверглась даже большой опасности отъ бросившейся на нее кавалеріи, но храбрые Перновцы и Кексгольмцы отстояли ее, а Черниговцы выхватили даже изъ рукъ французовъ уже захваченныя ими три орудія. Отступленіе Коновницына послѣдовало затѣмъ въ совершенномъ порядкѣ, и Мюратъ, увидя за нимъ войска Остермана готовыми къ бою, не отважился его преслѣдовать. Съ прибытіемъ Наполеона дѣйствія возобновились, но не имѣли послѣдствій. Коновницынъ остался до 5 ч. у селенія Комары, а затѣмъ послѣдовалъ на соединеніе съ своимъ 3-имъ корпусомъ, который, какъ и войска Остермана, Уварова, Дохтурова и Палена, примкнулъ къ главнымъ силамъ арміи. Для прикрытія же послѣдней былъ назначенъ особый отрядъ изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, почти всей легкой кавалеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ подъ начальствомъ гр. Палена, который расположился на позиціи на лѣвой сторонѣ Лучесы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главныхъ силъ.

Дѣла 13 (25) и 14 (26) іюня, въ которыхъ Остерманъ и Коновницынъ отдѣльно боролись съ авангардомъ французской арміи, превосходившимъ силы каждаго изъ нихъ, вызываютъ вопросъ, почему Барклай-де-Толли не выдвинулъ противъ этого авангарда оба отряда совокупно и не усилилъ ихъ, дабы не только отбросить противника, но и преслѣдовать и разбить его. Но онъ былъ слишкомъ опытный воинъ, чтобы не предвидѣть вѣроятныя послѣдствія такого образа дѣйствій: противъ превосходныхъ силъ Мюратъ не сталъ бы держаться, а отступая на Бѣшенковичи, навелъ бы

ВИЛЬНО
ГРОДНО
МИНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
СМОЛЕНСКЪ
МОГИЛЕВЪ
МОСКВА
КАЛУГА
РЯЗАНЬ
ТВЕРЬ
КАРТА
ТЕАТРА ВОЙНЫ
1812 года.
Масштабъ
Въ Англійскомъ дюймѣ 40 верстъ.
0 5 10 20 30 40 80 120 160 200 Верстъ.

нашъ отрядъ на главныя силы Наполеона, спѣшившія со всѣхъ сторонъ къ Витебску, что легко могло бы имѣть послѣдствіемъ его уничтоженіе. Къ тому же другая еще причина побуждала Барклая держать свои войска въ сборѣ: приглашая кн. Багратіона двинуться изъ Могилева на Оршу для скорѣйшаго соединенія съ I арміею, онъ избѣгалъ всякаго выдѣленія войскъ, не вызываемаго необходимостью.

Ф. В—нъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Румыніи передъ войной 1877 г. [1]).

III.

Зима, проведенная мною въ Бухарестѣ предъ войной, заставила меня много и самостоятельно думать о такихъ предметахъ, которые при обыкновенныхъ условіяхъ, конечно, не пришли бы мнѣ въ голову. Выдвинутый впередъ предъ мобилизованной арміею, я сосредоточивался мыслями на боевыхъ потребностяхъ предстоящей войны. Но всѣ мои начинанія парализировались глубокимъ убѣжденіемъ верховъ арміи въ мирномъ разрѣшеніи крайне напряженнаго состоянія. Такое убѣжденіе являлось вовсе не логическимъ слѣдствіемъ слагавшейся обстановки. Отнюдь нѣтъ. Напротивъ, по образному выраженію политиковъ, тучи сгущались и предвѣщали скорѣе бурю, чѣмъ миръ. Но по какому-то странному сочетанію свойствъ русскаго характера, слѣдствіе не вытекало изъ явленій жизни, даже шло ему въ разрѣзъ. Мысль какъ-бы искусственно усыплялась, можетъ-быть, въ силу какого-то особаго намъ невѣдомаго закона, чтобы потомъ съ особою силою развернулась родная мощь.

Въ такія-то минуты, въ началѣ февраля, я рѣшился набросать на бумагу мои мысли, назрѣвшія гораздо ранѣе, какъ результатъ моего знакомства съ славянскими странами Балканскаго полуострова, которыя мнѣ удалось посѣтить. Занимаясь послѣдніе годы предъ войною широкою подготовкою къ войнѣ, я таилъ эти

---

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1912 г.

мысли, не находя возможнымъ на нихъ останавливаться въ такую эпоху, когда весь былъ проникнутъ боевыми интересами. Затишье вновь выдвинуло эти мысли, и я подѣлился ими съ Н. Н. Обручевымъ. Военный министръ нашелъ полезнымъ съ ними познакомить государственнаго канцлера и князя Черкасскаго.

Вотъ это письмо [1]).

---

[1]) Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ деталями и внутреннимъ смысломъ того, что въ общемъ цѣломъ называется восточнымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе прихожу къ убѣжденію, что наше участіе въ этомъ вопросѣ должно быть активнымъ исключительно въ нравственномъ отношеніи. Юго-славяне должны сливаться съ нами нравственно и съ такою же неотвратимою силою, съ какою механически притягиваются металлическія былинки къ могучему магниту. Активная дѣятельность Россіи въ судьбѣ юго-славянъ, т. е. ея матеріальная помощь, къ какимъ бы лаврамъ ни привела нашу армію, ничего другого создать не можетъ, какъ рядъ затрудненій и противодѣйствій со стороны державъ Западной Европы, а со стороны нашихъ южныхъ братій—полное отчужденіе. Нашъ мечъ долженъ быть въ готовности, но только для того, чтобы закрѣпить всемірною печатью тотъ благополучный исходъ, къ которому рано или поздно приведутъ естественныя усилія юго-славянъ въ ихъ борьбѣ съ исламомъ. Вѣрный инстинктъ славянъ въ благоразумныя минуты заставляетъ ихъ говорить, что они ничего большаго не желаютъ, какъ гарантій относительно внѣшнихъ силъ, съ внутренними же врагами, т. е. османами, они справятся сами.

Какой бы результатъ ни имѣло наше настоящее состояніе, окончилось бы оно приведеніемъ арміи на мирное положеніе, или блестящею побѣдою надъ турецкими войсками, во всякомъ случаѣ славяне еще разъ неминуемо убѣдятся, что мы не въ силахъ дать имъ того идеала, до котораго долетаетъ крылатая фантазія ихъ большинства. Времена миѳическія—возрожденія феникса изъ пепла—безвозвратно прошли. Суровая дѣйствительность вслѣдъ за порывомъ сердечныхъ увлеченій вступаетъ въ свои права и кладетъ грань нашей всеобщей любви къ братьямъ. Если простительно легко увлекающимся болгарамъ и сербамъ мечтать о великихъ царствахъ, то съ нашей стороны было бы по меньшей мѣрѣ наивно серьезно думать о томъ же въ настоящее время. Это слишкомъ очевидно, чтобы доказывать: гдѣ внутренняя интеллектуальная сила этихъ государственныхъ организмовъ. Та ли это крупица силы княжескаго правительства Сербіи, которая закрутилась въ вихрѣ національнаго движенія турецкой провинціи болѣе изъ зависти возможнаго участія Черногоріи, чѣмъ отъ сознанія зрѣлости минуты борьбы, силы правительства, не посмѣвшаго встать въ челѣ арміи, утонувшаго въ пересудахъ и не уразумѣвшаго ни собственной мощи, ни средствъ и свойствъ противника, ни общаго политическаго положенія. Или эта сила гнѣздится на Черной горѣ, стройная и удивительная, но еще слишкомъ ничтожная въ государственномъ отношеніи. Или эта сила сгруппировалась въ бухарестскомъ комитетѣ болгарскихъ патріотовъ. Нѣтъ, эту силу нужно еще вырабатывать, выращивать постепенно, начавъ съ подъема нивы народнаго развитія.

И теперь, послѣ 35 лѣтъ, я отъ тогдашнихъ мыслей своихъ не отказываюсь и ихъ не признаю отжившими свою эпоху. Форма стала неподходящею къ современной обстановкѣ, но сущность оста-

---

Программа реформъ, выработанныхъ въ Константинополѣ для Болгаріи, прекрасна, но она невозможна при условіи всесвѣтнаго оглашенія и немедленнаго примѣненія въ ея цѣломъ объемѣ. По содержанію она не оставляетъ желать ничего лучшаго, но блестящая форма губитъ дѣло. Какъ нельзя разомъ создать сильнаго государства болгарскаго, такъ точно нельзя одѣлить страну эту разомъ всѣми жизненными реформами. Нельзя потому, что конечная цѣль этихъ реформъ, созданіе сильнаго славянскаго государства, слишкомъ ясна для многочисленныхъ враговъ славянства; нельзя потому, что огульное примѣненіе самыхъ благодѣтельныхъ реформъ на практикѣ можетъ только омертвить страну. Совершенно другое бы значеніе имѣло постепенное примѣненіе этой программы, дѣйствительно замѣчательной и заслуживающей самаго глубокаго вниманія. Вотъ существеннѣйшія изъ ея началъ.

1. Введеніе организаціи общинъ съ народонаселеніемъ не свыше 10 т. человѣкъ жителей обоего пола.

2. Уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами.

3. Устройство собственныхъ судовъ.

4. Ограниченіе подати, ежегодно выплачиваемой общиной центральному правительству, извѣстной суммой или процентомъ съ общаго ея дохода.

и 5. Образованіе народной силы.

Существующая администрація турецкой провинціи по формѣ либеральна, въ сущности деспотична. Либеральна потому, что составъ меджлисовъ образуется изъ народныхъ выборныхъ; деспотична потому, что меджлисы служатъ только послушнымъ орудіемъ слѣпой воли паши. Но чѣмъ съ меньшаго участка собирались бы выборные, тѣмъ связь между ними и населеніемъ была бы крѣпче, а контроль дѣйствительнѣе. Трудно ожидать, чтобы благодѣтельные результаты введенія выборнаго управленія въ общину были бы быстры, но тѣмъ не менѣе они несомнѣнно обнаружились бы.

Дѣйствительное уравненіе правъ христіанъ съ мусульманами на первыхъ порахъ должно быть осуществлено разрѣшеніемъ христіанамъ носить оружіе открыто наравнѣ съ мусульманами. Другое равенство передъ судомъ, остающееся до сихъ поръ мертвымъ закономъ, возымѣло бы дѣйствительную силу вмѣстѣ съ прочнымъ развитіемъ общиннаго самоуправленія. Окрѣпла бы община, уравнялись бы и прочія права относительно податей и налоговъ, отбыванія государственныхъ работъ натурой и т. д.

Правильное судоустройство можетъ укрѣпиться въ странѣ лишь при условіи существованія въ ней и всѣхъ высшихъ инстанцій суда, съ аппелляціонными и кассаціонными включительно. Ибо, какъ идея о справедливости можетъ утвердиться, если высшій судъ будетъ находиться подъ постояннымъ давленіемъ администраторовъ мусульманскаго центра. Но это начало, само по себѣ несомнѣнно важное, не имѣетъ однако того характера настоятельной необходимости, какими обладаетъ организація самоуправленія общины.

лась вѣрною. И теперь признаю воспитательное начало, предложенное тогда, какъ начало организаціи славянскихъ народностей, лучшимъ средствомъ къ образованію стойкаго государственнаго орга-

---

Болгарская провинція въ дѣйствительности не бѣдна. Она могла бы даже процвѣтать, если бы всякаго рода административные поборы ограничивались бы тѣмъ размѣромъ налоговъ и податей, какой опредѣленъ закономъ. Уже одно упроченіе общины ослабитъ зло, но было бы въ высшей степени благодѣтельно для страны опредѣлить общую сумму податей, которую бы община должна была платить центральному правительству ежегодно огуломъ или по срокамъ. Размѣръ подати даже могъ бы быть допущенъ болѣе нынѣ существующаго по разсчету, ибо только осуществленіе этой мѣры далеко превзошло бы въ матеріальномъ отношеніи всякую надбавку. Какъ палліативную мѣру до осуществленія опредѣленной общей подати, можно было бы уничтожить систему откуповъ, этого дѣйствительнаго бича народнаго экономическаго благосостоянія.

Наконецъ, образованіе народныхъ милицій можно было бы примѣнить на первыхъ порахъ не въ смыслѣ народной арміи, а только въ смыслѣ мѣстной полиціи. Право общины имѣть собственную полицейскую стражу отнюдь бы не было новостью въ странѣ. Во многихъ мудирликахъ издавна уже имѣются христіанскіе пандуры, и даже кордонная линія по Дунаю на $^4/_5$ своего протяженія охраняется болгарскими стражниками. Когда страна освоилась бы съ собственными средствами и окрѣпла бы въ силахъ, народная стража для охраны внутренняго порядка сама собою бы развилась въ вооруженныя силы возродившагося народа.

Всѣ эти благодѣтельныя начала, имѣющія безспорно жизненное значеніе для Болгаріи, могутъ быть примѣнены и даже съ большимъ успѣхомъ постепенно. Не такъ важны мысли реформы въ ихъ совокупности, сколько разумное и дѣйствительное ихъ примѣненіе. А это послѣднее можетъ быть достигнуто только при условіи тщательнаго наблюденія со стороны нашихъ въ странѣ консуловъ. Собственно въ Болгаріи мы имѣемъ консульство только въ Рущукѣ, Адріанополѣ, Битолѣ и Солунѣ и вице-консульства въ Филипполѣ, Призренѣ, Тульчѣ; было бы въ высшей степени полезно имѣть еще въ Софіи, Казанлыкѣ, Сливенѣ, Виддинѣ, Тырновѣ, Силистріи и Варнѣ. Если бы содержаніе этихъ консульствъ увеличило нашъ бюджетъ на 200 т. р., то лучше примириться съ этой затратою, чѣмъ отступиться отъ разумной традиціи поддержанія славянскихъ народностей.

Въ связи съ расширеніемъ нашего консульскаго надзора находится строгое охраненіе капитуляцій и открытіе срочныхъ пароходныхъ рейсовъ по Дунаю и болгарскому побережью Чернаго моря, если бы даже только до Варны. О важности охраненія капитуляцій говорить излишне. Открытіе пароходныхъ рейсовъ настоятельно необходимо. Не говоря уже о собственномъ значеніи этой мѣры, нѣсколько разъ до очевидности разъясненной, наши пароходы на Дунаѣ уже необходимы для того, чтобы мотивировать открытіе новыхъ консульствъ.

Присутствіе нашей дѣйствующей арміи въ Бессарабіи отразилось возбужденіемъ умовъ въ Болгаріи. Тамъ, гдѣ говоритъ сердце, умъ слабѣетъ. Наше вооруженіе было для болгаръ вѣрнымъ признакомъ начала брани за

низма. Къ тому же, воспитывая другихъ, самъ воспитываешься, и кто не убѣдился въ могущественномъ средствѣ усвоенія предмета, обучая ему другихъ! Обстоятельства сложились иначе. Событія дали другую исторію, нами не только не предусмотрѣнную, но къ образованію которой мы сами не мало содѣйствовали, какъ это ни странно при первомъ съ ними знакомствѣ. Нельзя насъ укорять,

---

ихъ народность. Рьяное болгарское юношество позабыло уроки исторіи и всю систему политическаго равновѣсія Европы, поспѣшило увѣровать въ несомнѣнность нашей окупаціи ихъ отечества и опрометчиво сбросило съ себя личину преданности, которую носило до того предъ турецкою администраціею. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуетъ даже нашъ генеральный консулъ въ Рущукѣ. Въ будущемъ будетъ ли вся армія двинута за Балканы, или приведена на мирное положеніе, репрессаліи со стороны мусульманъ христіанамъ, за сочувствіе къ намъ, несомнѣнно будутъ. Остается только вопросъ объ ихъ размѣрѣ. Надѣяться на амнистію, продиктованную побѣдителемъ, трудно, а на охраненіе страны продолжительнымъ занятіемъ вооруженною силою немыслимо.

Наши враги уже теперь начинаютъ громко говорить о нашей гнилости и безсиліи что-либо сдѣлать для юго-славянъ. Англійскій консулъ изъ Рущука осенью прошлаго года прямо говорилъ болгарской сходкѣ въ Сливенѣ, что для спасенія народности болгарамъ остается одинъ путь—возложить всѣ надежды на Великобританію; но англійская нація только тогда поможетъ Болгаріи, когда она отречется отъ насъ и докажетъ свою преданность Англіи. Настроеніе умовъ въ Болгаріи находится въ напряженномъ состояніи и должно разрѣшиться по сложившимся обстоятельствамъ въ сторону, для насъ неблагопріятную. Не даромъ же англійскій консулъ открыто выступаетъ проповѣдникомъ новыхъ воззрѣній. Помышлять о возстановленіи въ странѣ нашего значенія силою оружія невозможно, не потому, чтобы побѣда была сомнительна, а потому, что арміи въ этомъ случаѣ пришлось бы создавать новый порядокъ вещей въ цѣлой Европѣ. Допуская даже успѣхъ послѣдняго, едва-ли было бы благоразумно идти путемъ меча и огня въ такомъ дѣлѣ, которое само по себѣ должно сложиться въ нашу пользу. Уясненіе нашей программы дѣйствій и твердое ея примѣненіе, по всему вѣроятію, упрочатъ нашу общеславянскую миссію и отстранятъ навсегда новыя возбужденія европейскихъ вопросовъ. Покрытіе Болгаріи консульствами съ упроченіемъ нашего пароходства на Дунаѣ и обезпеченіе самоуправленія мелкой общины съ правомъ носить раіѣ оружіе,—вотъ тѣ краеугольные камни, на которыхъ съ постепенностью должно строиться зданіе болгарской государственной самостоятельности. Взволнованные умы въ странѣ отвлекутся дѣятельностью консульствъ на строеніе болгарскихъ общинъ и новизною торговыхъ съ нами сношеній. Камень за камнемъ будутъ воздвигаться права христіанъ на твердыхъ основаніяхъ, и новое зданіе болгарскаго государства безъ порывовъ и треволненій возникнетъ, сохранивъ чувства признательности къ намъ и отстранивъ всѣ посягательства со стороны Западной Европы".

6 февраля 1877 г.

почему не достигнуты тѣ или другіе результаты; но мы отвѣтственны и повинны, если къ событіямъ относились пассивно, не проявляя ни своей энергіи, ни своей воли, лишь прислушиваясь къ голосу сильнѣйшаго и лавируя въ тихихъ водахъ.

Я уже имѣлъ случай коснуться не разъ тѣхъ, не оставлявшихъ желать ничего лучшаго, отношеній, которыя у меня установились съ предсѣдателемъ совѣта румынскихъ министровъ, Иваномъ Братіано, въ то время объединявшимъ правительство молодого государства, начало котораго нами же было положено и нами организовано. Какая же основная мысль легла въ наши къ нему отношенія? Общность цѣлей съ уваженіемъ взаимныхъ интересовъ. Не правда ли? Выраженіе мысли осуществилось въ военной съ нимъ конвенціи. Но въ воздухѣ еще носилась обида, нанесенная намъ Парижскимъ договоромъ отторженіемъ отъ государственной территоріи нижней части Бессарабіи. Понятно поэтому, что общее вниманіе было направлено въ эту сторону, и что въ строкахъ конвенціи должно было находиться предрѣшеніе этого капитальнаго вопроса. Румынскіе патріоты вздохнули свободнѣе, успокоившись въ неприкосновенности своей территоріи. Но сущность вопроса вовсе не заключалась въ ненарушимости предѣловъ Румыніи. Всѣ хорошо понимали, что такая могущественная держава, какъ Россія, не можетъ не искать возстановленія своего престижа въ полномъ объемѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Румыны легко поступились бы всѣмъ, хорошо понимая, что компенсація территоріальнымъ вознагражденіемъ превзошла бы размѣры потери; но, если мы щекотливы въ своемъ самолюбіи, то должны уважать и чувства другихъ. Требовались также и деликатность обращенія, а ихъ-то и не оказалось у тѣхъ, которые даже по роду своей службы должны ими обладать всегда и во всемъ.

Съ переходомъ арміи черезъ Дунай, я покинулъ Бухарестъ, и моя связь съ румынскимъ правительствомъ порвалась. Въ началѣ августа я былъ уполномоченъ Великимъ Княземъ главнокомандующимъ на веденіе сербской кооперації. Въ Бѣлградъ доходили слухи о все болѣе и болѣе обострявшихся отношеніяхъ къ румынскому правительству; но я далекъ былъ отъ мысли, чтобы эти отношенія могли когда-нибудь дойти до почти открытаго столкновенія. Серьезныхъ къ тому поводовъ не существовало, а злоба дня—возстановленіе нашей границы по Дунаю, по моимъ понятіямъ, могла лишь наши отношенія обострить, но никакъ не довести почти до разрыва. Черезъ годъ въ Берлинѣ, въ серединѣ іюня, все стало для меня яснымъ. Въ самый разгаръ засѣданій конгресса румынскіе делегаты были допущены къ изложенію своихъ желаній, и черезъ

нѣсколько дней я нашелъ у себя визитную карточку Ивана Братіано. Я очень былъ радъ свиданію съ другомъ, и въ тотъ же вечеръ мирно лилась наша бесѣда о событіяхъ во время нашей разлуки. По-прежнему невозмутимо спокойный Братіано скручивалъ папироску и не спѣша и сжато излагалъ факты своихъ треволненій.

„Вы помните, говорилъ онъ, какъ меня смущалъ территоріальный вопросъ, какую глубокую вызывалъ онъ во мнѣ заботу, несмотря на всеобщій оптимизмъ послѣ заключенія военной конвенціи. Найти спокойствіе въ баронѣ Стуартѣ я разсчитывать не могъ по многимъ причинамъ. Даже слова вашего государственнаго канцлера, въ это время жившаго въ дипломатическомъ агентствѣ, не могли меня успокоить.

„Я рѣшился обратиться къ источнику власти, Императору Александру II, и для этой цѣли прибылъ въ Горный Студень; но тутъ я не выдержалъ, успокаиваемый лицами ближайшей свиты Государя, и отказался отъ запроса. Мнѣ вдругъ показалось, что спрашивать о предметѣ, обусловленномъ въ конвенціи, было бы съ моей стороны въ высшей степени не деликатно. Глубоко каюсь, такъ какъ увѣренъ, судя по милостивому пріему, что тутъ же получилъ бы рѣшеніе по мучившему меня вопросу. Какъ бы то ни было, но я повернулъ весь курсъ внутренней политики сообразно обстановкѣ. Что же я могъ сдѣлать, когда мнѣ пришлось докладывать камерамъ о Вашемъ требованіи уступить отторженное. Если бы я былъ своевременно предупрежденъ, я сумѣлъ бы подготовить общественное мнѣніе и добыть рѣшеніе для общаго успокоенія. Если бы я выступилъ защитникомъ требованія, власть моя неминуемо пала бы и досталась самымъ крайнимъ элементамъ. Силою обстоятельствъ, я долженъ былъ отдаться потоку страстей, чтобы постепенно имъ овладѣть и спасти государственный порядокъ...“ Въ сильномъ волненіи Братіано всталъ и прерывистымъ голосомъ продолжалъ: „Меня обвиняютъ въ непослѣдовательности, измѣнѣ, коварствѣ. Все очень громкіе эпитеты, но справедливо ли, и не страдаетъ ли отъ всего этого хаоса дѣло? Вамъ судить, Вы теперь все знаете, и на Вашъ судъ я полагаюсь“. Послѣ возбужденія наступила реакція. Онъ опустился на кресло, и вдругъ обильныя слезы появились на его глазахъ. Все это была сущая правда, не прикрашенная и вѣрно освѣщенная. Предо мной былъ горячій патріотъ, влагавшій въ дѣло всю душу свою. Много ли у насъ такихъ!

Совершенно другимъ характеромъ отличались мои отношенія къ князю Карлу. Сохраняя свойства дома Гогенцоллерновъ, къ которому принадлежалъ, онъ всегда и во всемъ былъ въ высшей степени

корректнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ любезнымъ, даже предупредительнымъ. Интересуясь современнымъ политическимъ положеніемъ, въ особенности съ военной точки зрѣнія, онъ часто приглашалъ меня къ себѣ для бесѣдъ на боевыя темы. Развертывалась на составленныхъ вмѣстѣ двухъ столахъ карта зоны Дуная съ прилегающею мѣстностью, и по ней я излагалъ свѣдѣнія, имѣвшія значеніе для военныхъ операцій. Нужно отдать справедливость князю. Слушалъ онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Любознательности его не было конца, часто допытывался до моихъ личныхъ мнѣній и предположеній на будущее время. Крайне осторожно мнѣ приходилось ему въ этомъ отказывать, хотя въ то же время я пояснялъ его свѣтлости, что въ самомъ моемъ разсказѣ, какъ ни стараюсь я его вести безпристрастно, уже невольно выражаются мои мысли. Иногда онъ дѣлалъ весьма мѣткія замѣчанія, происходившія, однако, не столько отъ врожденнаго дарованія, сколько отъ традиціоннаго родового навыка. Относительно предстоявшихъ военныхъ операцій и участія въ нихъ румынскихъ войскъ мы строили разные планы. Онъ больше склонялся на самостоятельныя дѣйствія въ Малой Валахіи, прикрывая нашъ правый флангъ при движеніи на Дунаѣ. Я предпочиталъ имѣть молодыя румынскія войска въ резервѣ съ назначеніемъ ихъ для наблюденія за крѣпостями. Впрочемъ, эти разсужденія носили на себѣ болѣе академическій характеръ, такъ какъ штабъ арміи къ нашимъ заявленіямъ относился довольно равнодушно и не считалъ нужнымъ своевременно высказываться ни въ ту, ни въ другую сторону. Проистекало ли это равнодушіе отъ недосуга, не знаю, но скорѣе думаю, что въ мирное время этотъ вопросъ не разрабатывался, а теперь не знали, какъ къ нему приступить. Въ одномъ только отношеніи эти аудіенціи были для меня тягостны. Требовалась точность, такъ какъ ровно въ два или въ два съ половиною часа раздавался въ пріемной звонокъ—знакъ для дежурнаго приглашать меня въ княжескій кабинетъ, а я былъ такъ занятъ! Да еще необходимость каждый разъ заблаговременно облекаться въ фрачную пару, такъ какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго я носилъ въ Бухарестѣ штатское платье, чтобы не обращать на себя всеобщаго вниманія, а князь былъ неумолимо формаленъ, требуя соблюденія формы. Вотъ почему, когда по объявленіи войны главная квартира перебралась въ Плоэшти, и князь обратился ко мнѣ съ просьбою освободиться отъ прочихъ обязанностей и остаться только въ его единоличномъ распоряженіи, я предложилъ ему въ этомъ случаѣ отдать предпочтеніе

генеральнаго штаба полковнику Дохтурову, какъ георгіевскому кавалеру [1]).

Думаю, что князь остался мною доволенъ, такъ какъ къ занятіямъ выказывалъ много усердія и довольно порядочно усвоилъ общій характеръ предстоявшаго театра военныхъ дѣйствій. Онъ безошибочно говорилъ о Дунаѣ, какъ оборонительной линіи, и давалъ правильную оцѣнку турецкимъ крѣпостямъ по ихъ вліянію на ходъ военныхъ дѣйствій. Что же касается до командованія войсками, что онъ практиковалъ почти ежегодно, на маневрахъ, мы были съ нимъ старые знакомые. Впослѣдствіи во время своего пребыванія въ Петергофѣ уже королемъ, онъ очень интересовался меня видѣть, и, когда вмѣсто меня Его Величеству былъ представленъ мой братъ, онъ нашелъ во мнѣ большую перемѣну. По его словамъ, я очень пополнѣлъ.

Не могу не вспомнить съ величайшею признательностью гостепріимный кровъ нашего дипломатическаго агента барона Дмитрія Ѳедоровича Стуарта. За его радушнымъ столомъ собирались родные по крови, по службѣ и по сердцу. Несмотря на переживаемыя тяжелыя минуты, на разнаго рода административныя и хозяйственныя невзгоды, домашній барометръ здѣсь неизмѣнно показывалъ beautemps. Природный юморъ и неожиданныя, всегда остроумныя импровизаціи барона были способны согнать заботу съ самаго закоренѣлаго пессимиста. Въ особенности онъ былъ неподражаемъ, когда

---

[1]) Отзывъ барона Стуарта по случаю назначенія полковника Дохтурова состоять при князѣ Карлѣ.

— C'est en apprenant par le télégramme de Votre Excellence la nomination d'un Agent militaire ici que je me suis permis de regretter que le choix ne soit pas tombé sur le Général Georges Bobrikoff, qui dans les deux apparitions qu'il a faite ici, a sû se concilier l'attachement et l'estime de tout le monde par son caractère franc et tranquille et par la droiture et la lucidité de son jugement. Bobrikoff a assisté ici aux grandes manoeuvres, et a sû conquérir alors les sympathies du parti conservateur et du Général Floresco qui etait au pouvoir. Depuis, ayant fait les fonctions d'Agent militaire avant la guerre, il a gagné une veritable affection de la part de Bratiano, et la considération la plus sincère de tous ceux avec lesquels il s'est trouvé en relations d'affaires. Le Prince Charles le connait beaucoup et apprécie en lui, tant ses qualités de spécialiste, que d'homme du monde sachant conserver des relations agréables même dans les moments les plus difficiles. Son Altesse Royal m'a fait l'honneur de me dire qu'Elle avait espéré, que ce serait Bobrikoff qui serait designé pour l'assister au début de la guerre—poste avait été confié au Colonel Doktouroff, et je suis persuadé, que si le poste d'Agent militaire pourrait être confié au Général Bobrikoff, l'ensemble des raisons sus énoncées faciliterait beaucoup sa tâche et amènerait des résultats précieux.

громилъ Западъ и требовалъ китайской стѣны на нашей западной границѣ. Большимъ зломъ для Россіи онъ считалъ существованіе великихъ державъ, и „зачѣмъ только, говаривалъ онъ, русскіе люди повадились ѣздить за границу. Брать бы съ нихъ по-прежнему, а еще лучше вовсе туда не пускать“. При оригинальномъ его паѳосѣ трудно было разобрать, высказывалось ли это по убѣжденію, или иносказательно, образной картиной.

Если мнѣ подчасъ приходилось трудно, то ему, конечно, было въ десять разъ труднѣе. Въ эпоху предъ объявленіемъ войны и въ послѣдующее время, наше дипломатическое агентство было какимъ-то средоточіемъ самыхъ разнообразныхъ интересовъ политическихъ и военныхъ, куда обращались всѣ по всевозможнымъ предметамъ переживаемой сумятицы. Бѣдный Дмитрій Ѳедоровичъ по нѣсколько разъ въ день хватался за голову и большую часть времени проводилъ у письменнаго стола въ безконечной перепискѣ съ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. Кого, кого только не приходилось тутъ видѣть. Перебывали представители всѣхъ военныхъ отдѣловъ, уполномоченные разныхъ оттѣнковъ общественной дѣятельности, корреспонденты своихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, агенты товариществъ и торговыхъ фирмъ. Но постоянными членами нашего общества были чины дипломатическаго вѣдомства, Казариновъ, Няга и Золотаревъ, да мы съ П. Д. Паренсовымъ и инженеромъ путей сообщенія Измайловымъ. Жизнь текла усиленнымъ ходомъ, и дни быстро смѣнялись, принося калейдоскопомъ все новыя и новыя событія; но неизмѣнно патріархально оставалась семейная жизнь. По-прежнему предъ завтракомъ и обѣдомъ подходили къ образу дѣти Стуарта, Володя съ Колей, а впереди ихъ маленькая Маруся, и пѣли молитву подъ голосъ послѣдней.

Большое оживленіе вносили въ нашу жизнь пріѣзды выдающихся дѣятелей и корреспондентовъ, въ особенности Н. Н. Каразина, и совершенно измѣнилъ строй нашихъ привычекъ пріѣздъ государственнаго канцлера.

— Вы увидите, говорилъ кто-то изъ нашего общества предъ обѣдомъ, что Каразинъ былъ очевидцемъ взрыва „Луфти-джелиль“ Дубасовымъ и Шестаковымъ, и что даже онъ успѣлъ набросать нѣсколько штриховъ будущей картины. Къ общему удовольствію такое предположеніе блистательно оправдалось послѣ второго блюда. Да и стоитъ ли переносить всѣ трудности жизни корреспондента, если не видѣть всего своими собственными глазами.

Съ прибытіемъ маститаго канцлера всѣ ожидали рѣшеній самыхъ назрѣвшихъ вопросовъ, къ которымъ и прикоснуться никто

не смѣлъ. Но у всѣхъ на лицахъ вмѣсто складокъ на лбу скоро заиграли игривыя улыбки. Глава дипломатическаго вѣдомства вовсе не считалъ нужнымъ утруждать себя серьезнымъ трудомъ, ко всему относился благодушно и скоро примкнулъ къ городской уличной жизни Бухареста.

Баронъ уговаривалъ меня разрѣшить ему просить канцлера дать мнѣ вакантный постъ дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, но я не рѣшился.

Г. И. Бобриковъ.

Древнія русскія монеты X—XVI в.

I.

Въ мѣстности между Юрьевомъ и Чудскимъ озеромъ часто попадаются старинныя русскія, шведскія, польскія, ливонскія и другія европейскія монеты; изъ нихъ русскія монеты XVI и XVII вв. служатъ даже предметомъ торговли на рынкѣ за рѣчкой Эмбахомъ. На главной, Рыцарской улицѣ въ Юрьевѣ можно встрѣтить захудалаго старика-крестьянина, предлагающаго купить у него по повышенной цѣнѣ серебряныя монеты XVIII и начала XIX столѣтія; одну такую русскую монету 1801 г. пріобрѣлъ я на память о пребываніи въ г. Юрьевѣ. Она принадлежитъ къ такъ называемымъ мальтійскимъ монетамъ и имѣетъ на лицевой сторонѣ внутри квадратика надпись: „Не намъ, не намъ, а имяни твоему“; въ нижнемъ лѣвомъ углу квадратика буквы С. М., въ правомъ А. И.; на оборотѣ помѣщенъ мальтійскій крестъ съ коронами на концахъ креста, а кругомъ надпись: 1801 монета цена рубль“. Въ 1910 году въ мѣстности Карлово подъ самымъ Юрьевомъ землекопъ нашелъ глиняную кубышку съ русскими мелкими серебряными монетами XV и XVI вв. Къ сожалѣнію мнѣ сообщили объ этой находкѣ уже тогда, когда онъ успѣлъ продать на сплавъ цѣлую пригоршню монетъ еврею-ювелиру, но 12 монетъ—денегъ—я получилъ черезъ вторыя руки.

Надъ собираніемъ древнихъ монетъ особенно трудится въ г. Юрьевѣ въ теченіе многихъ лѣтъ ученое эстонское общество, имѣющее свой кабинетъ въ музеѣ отечественныхъ древностей при Юрьевскомъ университетѣ. Тамъ находится богатая коллекція монетъ ливонскихъ, древне-нѣмецкихъ XI в., найденныхъ въ Лодейномъ полѣ Олонецкой губ., древне-саксонскихъ, германскихъ, швед-

скихъ и русскихъ. Послѣднихъ немного, но онѣ заслуживаютъ вниманія любителей потому, что между ними есть одинъ экземпляръ серебряной монеты Владиміра Св. и монеты удѣльнаго періода, начиная съ половины XIV в. Значительное количество древнихъ монетъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ объясняется тѣмъ, что изъ Пскова черезъ Чудское озеро и Эмбахъ лежалъ естественный водный путь въ прибалтійскій край и западную Европу; черезъ Юрьевъ направлялись товары изъ южной части Новгородской области и Пскова въ Ревель, Перновъ или Ригу для дальнѣйшаго слѣдованія въ Готландъ и другіе ганзейскіе города. Черезъ Псковъ—Юрьевъ—Ревель обыкновенно проѣзжали посольства изъ Москвы въ западную Европу и обратно. По этому пути отправлялась въ Москву въ 1471 г. невѣста В. Кн. Ивана Васильевича, Софья Палеологъ. Хотя Юрьевъ былъ резиденціей и владѣніемъ католическаго епископа, но тамъ жили всегда въ значительномъ числѣ православные русскіе люди, что подтверждается существованіемъ въ немъ двухъ православныхъ каменныхъ церквей въ XV вѣкѣ. Въ 1435 году проѣзжалъ черезъ Юрьевъ по пути во Флоренцію извѣстный отступникъ отъ православія митрополитъ Исидоръ, который посѣтилъ обѣ церкви и пораженъ былъ ихъ хорошимъ видомъ и состояніемъ. Въ 1472 г., по сказаніямъ Печерскаго монастыря (подъ Псковомъ), въ Юрьевѣ были спущены въ прорубь на Эмбахѣ священникъ Исидоръ и 72 православныхъ за то, что вопреки запрещенію епископа совершили въ Крещеніе Господне крестный ходъ къ рѣкѣ. Другой священникъ Іоаннъ, родомъ изъ Новгородской области, шестникъ, какъ опредѣляется его происхожденіе въ сказаніи, заблаговременно удалился изъ Юрьева. Со времени Вел. Кн. Іоанна III Юрьевскій округъ, въ случаѣ войны съ ливонцами, а впослѣдствіи съ поляками или ихъ преемниками по владѣнію, шведами, всякій разъ подвергался опустошительнымъ нашествіямъ русскихъ; съ 1558 г. по 1578 Юрьевъ былъ во власти русскихъ, имѣлъ православнаго епископа и русскаго воеводу; первымъ воеводою въ г. Юрьевѣ былъ знаменитый Андрей Михайловичъ Курбскій, который послѣ одной неудачной битвы съ ливонцами бѣжалъ черезъ Вольмаръ въ Литву въ 1564 г. Продолжительное сравнительно русское управленіе г. Юрьева содѣйствовало распространенію въ этомъ округѣ русскихъ монетъ времени Грознаго, а военныя неудачи и боязнь за свои сбереженія заставили осторожныхъ людей прятать свои цѣнности въ землѣ, какъ безопасномъ и недоступномъ мѣстѣ. Благодаря этому обстоятельству рабочіе при строительныхъ и землекопныхъ работахъ наталкивались на отдѣльные экземпляры монетъ и на клады.

II.

Важнѣйшей весьма цѣнной находкой въ Юрьевскомъ уѣздѣ, какъ мы выше сказали, была серебряная монета князя Владиміра Святого, по объему равная нынѣшнему полтиннику (50 к.), по толщинѣ гораздо тоньше его; вѣсъ и проба монеты не установлены. Она довольно правильной круглой формы; на лицевой сторонѣ ея изображенъ князь, сидящій на тронѣ-креслѣ со спинкой и ручками; на головѣ князя корона изъ точекъ, увѣнчанная крестомъ, на концахъ котораго также находится по точкѣ; лицо князя съ продолговатой узкой бородой и спускающимися ниже губъ усами; отъ короны внизъ по щекамъ расположены въ линію точки, вѣроятно, обозначавшія нити, унизанныя драгоцѣнными камнями; вокругъ головы сіяніе (нимбъ) изъ точекъ, на кончикахъ ушей помѣщено по точкѣ—серьгѣ; въ правой рукѣ князя скипетръ, оканчивающійся вверху крестикомъ съ точками по концамъ. Лѣвая рука прижата къ груди, вокругъ изображенія надпись уставными буквами: *Владимиръ на столе*; за надписью, у самаго обрѣза, находится ободокъ изъ точекъ. На обратной сторонѣ (реверсѣ) монеты помѣщенъ рисунокъ, значеніе котораго объясняется различно учеными; съ правой стороны рисунка изображенъ крестъ; внизу рисунка символическіе знаки христіанства; кругомъ его надпись: *а се его сребро*. Выраженіе „на столѣ“ значитъ то же, что на престолѣ; мы теперь говоримъ—вступить на престолъ; слѣдовательно, оно составляетъ метафорическій оборотъ, означающій верховную власть князя. Описанная монета составляетъ разновидность другихъ такихъ же монетъ Владиміра, находящихся въ русскихъ нумизматическихъ кабинетахъ. Надписи на нихъ различаются очертаніемъ и формой буквъ, а рисунокъ на реверсѣ не одинаковъ по выполненію и отчетливости линій.

Болѣе тщательный рисунокъ, помѣщенный на одной изъ такихъ монетъ, можно принять за рыболовный снарядъ съ двумя крючками, обращенными остріемъ внутрь; на каждомъ остріѣ виситъ по рыбкѣ. На другихъ древнихъ монетахъ съ боку основою рисунка помѣщается звѣзда, или крестъ, или дискъ солнца. На оттискѣ одной мелкой монеты Владиміра находятся греческія буквы *IC*, т. е. *ихтіос*, греческое слово, значитъ рыба; греческое названіе рыбы употреблялось уже въ древнѣйшую пору христіанства какъ символъ его, потому что первая и послѣдняя буквы этого слова соотвѣтствуютъ первой и послѣдней буквѣ словъ *Іисус Христос*. Иногда на памятникахъ вмѣсто слова ихтіос рисовали

рыбу; слѣдовательно, рисунокъ на реверсѣ монетъ Владиміра и Ярослава былъ придуманъ греческими мастерами и служилъ символомъ князя-христіанина, а вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ, что русскія монеты, по крайней мѣрѣ извѣстныя до сихъ поръ, чеканились въ Кіевѣ уже послѣ принятія русскими христіанства, т. е. послѣ 988 г. Какое же названіе монеты, по объему равной полтиннику? какъ монету серебряную, ее называютъ сребреникомъ, но это слово не означало монеты опредѣленной цѣнности, а прилагалось къ серебрянымъ монетамъ вообще; въ этомъ смыслѣ и въ евангеліяхъ говорится о 30 сребреникахъ, т. е. серебряныхъ монетахъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть еврейскіе шекели.

На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій нумизматовъ, особенно гр. Ив. Ив. Толстого, монеты этого размѣра назывались *гривнами*. Слово гривна, первоначально употреблявшееся какъ прилагательное, обратилось впослѣдствіи въ существительное, подобно современнымъ словамъ—портной, столовая, передняя. Оно произошло отъ слова грива, что означало шею. Гривнами назывались шейныя украшенія въ формѣ медалей или луницъ (пряжекъ, напоминающихъ серпъ луны), а также въ формѣ цѣльныхъ, металлическихъ обручей съ орнаментами по концамъ. Гривенная цѣпь состояла изъ медальоновъ, соединенныхъ звеньями, и давалась высшимъ лицамъ въ государствѣ и князьямъ.

Слово гривна употреблялось такъ же, какъ единица вѣса въ Кіевской и Новгородской Руси: въ первой она соотвѣтствовала 12 лотамъ, а во второй русскому полуфунту. Какъ монета, гривна кіевская первоначально вѣсила почти 24 золотн. Вѣсъ монеты и составъ ея постепенно измѣнялись, а въ связи съ этимъ уменьшалась и ея цѣнность. Монета гривна была въ обращеніи до XV вѣка, когда въ качествѣ высшей оборотной цѣнности введенъ былъ рубль, а гривна составляла уже незначительную часть рубля; въ XVIII в. это названіе измѣнилось въ *гривенникъ*, который обозначалъ десятую часть рубля, но по объему, количеству серебра и вѣсу былъ гораздо выше нынѣшнихъ 10 к.

Отъ времени Владиміра сохранились также золотыя монеты, по объему почти равныя 25 коп. серебрянымъ и исполненныя по греческому образцу греческими мастерами. На лицевой сторонѣ одной такой монеты изображенъ князь, а кругомъ надпись частію греческими, частію славянскими буквами: *Васили на столе*; Василій было христіанское имя Владиміра. На другой монетѣ вырѣзана надпись: „*Владимеръ а се его злто*“; на реверсѣ этихъ монетъ изображенъ Христосъ и кругомъ надпись *Іисус Христос*. Эти монеты принято

называть златниками,—словомъ, которое хоть и сходно съ славянскимъ злато и русскимъ золото, но повидимому есть передача греческаго слова солидъ. Монеты въ древности изготовлялись разными мастерами съ разрѣшенія правительства; отъ искусства и опытности мастеровъ зависѣла различная отдѣлка рисунковъ, надписей и самой формы монетъ, которая не во всѣхъ мѣстахъ одинаково кругла, а отъ добросовѣстности мастеровъ зависѣлъ вѣсъ; во избѣжаніе обмана монеты принимались по вѣсу.

III.

Во времена Владимира чеканились также и мелкія серебряныя монеты [1]), по своему объему подходящія къ современнымъ 5, 10 и 15 серебрянымъ копѣйкамъ; онѣ различны по надписямъ и изображеніямъ на лицевой сторонѣ: на одной изъ такихъ монетъ вычеканена въ серединѣ буква К, окруженная кольцомъ изъ 19 точекъ, внутри кольца еще 6 точекъ, около ободка надпись Володимиръ, на другой монетѣ въ кольцѣ изъ точекъ помѣщены буквы IS и имя *Володимирь*, на третьей, по объему нѣсколько менѣе 5 серебряныхъ копѣекъ, помѣщена голова съ острымъ подбородкомъ, непохожая на изображеніе Владимира на крупныхъ монетахъ; къ ней прибавлены 2 руки грубой работы, одна съ мечемъ, другая, четырехпалая, прижата ниже головы; на головѣ корона изъ ломаной линіи, повидимому трехлистная, съ боку буква Е. На оборотѣ этой монеты надпись *а се деньга кесар*. На первыхъ двухъ монетахъ знакъ на оборотѣ такой же, какъ на гривнѣ. Если 3-я монета не составляетъ поддѣлки и принадлежитъ древнему періоду Руси, то она интересна уже потому, что указываетъ на оффиціальное употребленіе слова *деньга* еще въ ту пору, когда о введеніи деньги, какъ мелкой монеты, составлявшей двухсотую часть московскаго рубля, не было и помину. Названіе позднѣйшей деньги (15 вѣка) нумизматы производятъ отъ татарскаго *тенга*, но не будетъ ли правильнѣй производить его отъ западно-европейскаго *денье* (denier),—общераспространенной на западѣ мелкой серебряной монеты; а *денье* есть передѣлка латинскаго слова денарій, слѣдовательно, деньга, денье и денарій одного общаго корня. Буквы К, IS и Е на монетахъ соотвѣтствуютъ арабскимъ цифрамъ 20, 16 и 5; обозначали ли эти цифры вѣсъ или стоимость или только количество

[1]) Снимки монетъ этихъ помѣщены въ соч. Шимана Russland, Polen und Livland, составляющемъ часть Allgemeine Geschichte v. Oncken, стр. 77.

серебра, вошедшее въ сплавъ, я не рѣшусь опредѣленно высказаться. Что касается названій этихъ монетъ, то намъ слѣдуетъ обратиться къ древнему письменному памятнику—Русской Правдѣ; тамъ, въ древнѣйшей части памятника,—Ярославовой Правдѣ—мы найдемъ слѣдующія названія монетъ: гривна, ногата, куна и векша. Въ академическомъ спискѣ Правды куна замѣнена при тожественныхъ цифрахъ словомъ рѣзана. Быть можетъ, монеты съ буквами цифрными имѣютъ отношеніе къ названіямъ: векша, ногата, куна.

Векша была самой мелкой серебряной монетой въ Кіевской Руси и потому возможно, что монета съ Буквой Е называлась въ обиходѣ *векшей*; вмѣсто названія *векши* встрѣчается синонимъ его бѣлка, какъ теперь мы вмѣсто оффиціальныхъ названій употребляемъ слова: цѣлковый, канарейка, карбованецъ и т. д. Названіе „*ногата*“ Куникъ и Пабстъ производятъ отъ эстонскаго nahad (ливскаго nagod), что значитъ шкурки мѣха; nahad есть множественное число отъ эстонскаго слова hauk — шкурка; если признать ногату за эстонское слово, успѣвшее распространиться не только въ Новгородской, но и въ Кіевской Руси X-го вѣка, то и остальныя названія русскихъ монетъ, во избѣжаніе противорѣчія, мы должны бы признать не русскими, а какими-нибудь иностранными по происхожденію. Извѣстно, что русскіе лѣтописцы передаютъ въ русскомъ переводѣ даже названія мѣстностей Эстонскаго края: вмѣсто Оденне, Варбола, Вайга у лѣтописцевъ стоятъ: Медвѣжья Голова, Воробьинъ, Клинъ. Эстонское Тарпата русскіе переименовали въ г. Юрьевъ; поэтому, смѣло можно утверждать, что и ногату русскіе сумѣли бы передать соотвѣтствующимъ русскимъ словомъ. Признавая русское происхожденіе названій другихъ монетъ, поищемъ и для слова ногата подходящаго объясненія; въ русскомъ языкѣ встрѣчаются прилагательныя, аналогичныя слову ногата: брюхатый, бородатый, чреватый, образованныя отъ именъ существительныхъ; точно также и прилагательное ногата образовано, вѣроятно, отъ существительнаго нога, а объясненіе самого названія не кроется ли въ самомъ рисункѣ оборотной стороны древнихъ монетъ, который былъ для русскихъ не понятенъ: по сходству рыболовныхъ крючковъ, обращенныхъ остріемъ внутрь, онъ напоминаетъ отчасти вывороченныя ноги. Изслѣдованіями Мрочекъ-Дроздовскаго, Ив. Толстого и Трутовскаго выяснено, что ногатой назывался на Руси не мѣхъ или часть его, а мелкая серебряная монета, равная $^1/_{20}$ части гривны—$2^1/_2$ кунамъ.

Куна, подобно гривнѣ, имѣла въ древности разныя значенія; это слово означало названіе животнаго и его мѣха, во-вторыхъ, ку-

ной назывались въ древнюю эпоху, до XIV вѣка включительно, вообще деньги, мелкія и крупныя, какъ теперь мы называемъ деньгами совокупность всякихъ денежныхъ знаковъ—металлическихъ и кредитныхъ. Встрѣчающееся въ письменныхъ памятникахъ выраженіе *гривна кунъ* или просто *гривна* означало серебряную монету низкопробнаго серебра, напротивъ, гривна серебра указывала на металлическій слитокъ вѣсомъ въ полфунта въ Новгородѣ и въ 12 лотовъ въ Кіевѣ при Ярославѣ Мудромъ. Гривна серебра была равна по цѣнности при Ярославѣ Мудромъ двумъ гривнамъ кунъ, а позднѣе четыремъ гривнамъ кунъ. Куна вообще въ значеніи денегъ употребляется, напр., подъ 1068 г. въ Лаврентьевской лѣтописи: разграбиша безчисленное множество серебра *кунами и бѣлью*, т. е. въ деньгахъ и въ кускахъ. Въ 1194 г. новгородцы взяли куны съ полуторы тысячи гривенъ. Въ значеніи опредѣленной единицы цѣнности куна ($^1/_{50}$ часть гривны) встрѣчается и въ Русской Правдѣ и въ позднѣйшихъ памятникахъ до XV вѣка.

Вмѣсто слова куна, какъ монеты опредѣленной цѣнности, употреблялось въ Кіевской Руси слово рѣзана, образованное отъ глагола рѣзать и указывающее, какъ подтверждаетъ Трутовскій, на то, что въ древней Руси на-ряду съ болѣе крупной серебряной монетой были въ ходу отрѣзки отъ нея, т. е. рѣзаны, какъ мелкія серебряныя монеты. Подобные отрѣзки были въ употребленіи и въ Западной Европѣ.

IV.

Надъ вопросомъ о монетной системѣ въ древней Руси трудились въ теченіе прошлаго столѣтія историки, археологи, нумизматы и юристы, пользуясь для этой цѣли письменными русскими, арабскими и византійскими памятниками, свидѣтельствами западно-европейскихъ путешественниковъ, историческими рисунками, а также находками кладовъ и отдѣльныхъ монетъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Достаточно назвать такія общеизвѣстныя имена, какъ Карамзинъ, Погодинъ, Френъ, Рейхель, Кругъ, бар. Шодуаръ, Бѣляевъ, Куникъ, Ланге, Прозоровскій, Мрочекъ-Дроздовскій, Ключевскій, гр. Ив. Толстой, а теперь, въ XX в., Трутовскій. Одни изъ нихъ—Карамзинъ, Ланге, Арцыбашевъ, бар. Шодуаръ—развили теорію о существованіи въ древней Руси кожаныхъ денегъ, опираясь на названія оборотныхъ цѣнностей; куна, рѣзана, векша, бѣлка, ногата и мортка, и подкрѣпляя свои взгляды ссылками на свидѣтельства Марко-Поло и Рубруквиса, путешествовавшихъ въ Монголіи въ

серединѣ XIII вѣка. Другіе изслѣдователи, болѣе поздняго періода, а именно: Мрочекъ-Дроздовскій, Прозоровскій, Ив. Толстой, Трутовскій отвергли эту теорію на основаніи многочисленныхъ находокъ металлическихъ монетъ и анализа историческихъ и юридическихъ памятниковъ древней Руси, изъ которыхъ видно, что въ оборотѣ были серебряныя монеты даже въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за татарскимъ опустошеніемъ и разореніемъ Руси; они утверждаютъ, что вышеуказанныя названія относятся къ серебрянымъ, а не кожанымъ деньгамъ. Серебряныя монеты были болѣе распространены въ Новгородской и Кіевской Руси, находившихся въ оживленныхъ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ западомъ и востокомъ; такъ въ 1075 г. Ярополкъ Изяславичъ просилъ нѣмецкаго короля Генриха IV заступиться за него предъ великимъ княземъ Святославомъ; папы Григорій VII и Климентъ III дѣлали попытку подчинить своей верховной власти русскую церковь; въ XI вѣкѣ въ Кіевѣ при великомъ князѣ Святополкѣ II поселилась масса евреевъ и своими коммерческими пріемами и плутнями успѣла въ короткое время вооружить противъ себя кіевлянъ до такой степени, что они, воспользовавшись отсутствіемъ высшей власти въ Кіевѣ въ 1113 г., произвели погромъ „жидовъ“. Въ 1229 г. смоленскій князь Мстиславъ заключилъ торговый договоръ съ Ригой; въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ украсили Софійскій соборъ царскими, такъ называемыми Корсунскими вратами, которыя представляютъ памятникъ художественной работы западныхъ мастеровъ. Дѣятельныя торговыя сношенія Руси съ западомъ и востокомъ были причиной того, что въ древней Руси до появленія собственныхъ монетъ были въ оборотѣ разныя иностранныя монеты: арабскія диргемы (названіе, происшедшее изъ греческой драхмы), византійскіе солиды и сребреники и германскіе пфенниги; но кромѣ цѣльныхъ монетъ были въ ходу и отрѣзки отъ крупной серебряной монеты—по-русски названные *рѣзаны* — прилагательное отъ слова рѣзать.

Происхожденіе названій монетъ: векша, бѣлка, куна,—объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на Руси не только въ доисторическую эпоху, но и въ позднѣйшую пору вплоть до XVII вѣка употреблялись собольи, куньи и бѣличьи мѣха въ качествѣ оборотныхъ цѣнностей: ими платили впослѣдствіи, при покупкѣ вещей на западѣ, наши посольства, ихъ же посылали московскіе государи въ подарокъ иностраннымъ дворамъ; названія мѣховъ перешли затѣмъ на монеты.

Для объясненія слова мортка слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что ни въ новгородскихъ, ни въ псковскихъ лѣтописяхъ этого

слова не встрѣчается, а Никоновская лѣтопись употребляетъ его именно при разсказѣ о новгородскихъ денежныхъ оборотахъ, при которыхъ вмѣсто русскихъ, или на-ряду съ русскими монетами, вращались монеты ливонскія, нѣмецкіе пфенниги и марки, шведскія артиги и даже польско-литовскіе гроши; такъ, въ 1214 году новгородскій князь прошелъ съ войскомъ чрезъ Эстонію (чудь) къ Воробьину (эстонской Варбомъ) и взялъ съ эстовъ дань въ количествѣ 700 марокъ ногатами [1]). Нѣмецкіе пфенниги обратились у русскихъ въ пенязи, шведскія артиги въ артуги—(Artige значитъ по-русски ушко). Въ псковской 2-ой лѣтописи подъ 1410 г. сказано: „Псковичи отложиша кунами торговати и начаша торговать пенязи“ т. е. нѣмецкими деньгами, а въ Никоновской подъ 1424 г. замѣчено, что „Псковичи сковаша деньги серебряныя и начаша ими торговати, а мортки оставиша“; ясно, что здѣсь мортками названы тѣ монеты, которыя подъ 1410 г. названы въ псковской лѣтописи пенязями; можно поэтому предположить, что мортки есть передѣлка нѣмецкой марки, по созвучію обратившейся въ русскую мордку, которую защитники теоріи кожаныхъ денегъ приводили въ подтвержденіе своихъ воззрѣній.

Что касается ссылокъ изслѣдователей на свидѣтельства Марко-Поло и Рубруквиса, то первый [2]) говоритъ собственно о татарскихъ деньгахъ, приготовленныхъ изъ коры дерева, обработанной на подобіе бумаги, а второй о кожаныхъ деньгахъ татарскаго издѣлія, предназначенныхъ для русскихъ. Въ самой Золотой Ордѣ были въ ходу со времени Батыя металлическія монеты: золотыя, серебряныя и мѣдныя, которыя чеканились въ Булгарѣ на Камѣ, Сараѣ, Азовѣ—Азака, Хорезмѣ—хивѣ и др. [3]) На лицевой сторонѣ этихъ монетъ чеканилось имя хана и разныя восхваленія, напр., „султанъ справедливый“. „султанъ великій“, „слава міра и религіи“; на оборотѣ отмѣчалось мѣсто и годъ чеканки.

Во время крупныхъ переворотовъ и войнъ чувствовался иногда недостатокъ мелкой монеты, и тогда торговцы прибѣгали къ разнымъ временнымъ мѣрамъ для мелкаго кредита; такъ при Петрѣ I около 1700 г. внутри Россіи вмѣсто мелкой монеты употреблялись *жеребьи*, которые указомъ его были замѣнены мѣдными деньгами; даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи евреи, вмѣсто сдачи деньгами, выдавали цвѣтныя бумаги съ напечатанными на нихъ цифрами стои-

[1]) Хроника Генриха Латыша на латинскомъ языкѣ.
[2]) II, 21.
[3]) Публ. Румянц. музей Нумизмат. кабинетъ. Вып. III Москва 1886 г.

мости и нѣмецко-еврейскимъ словомъ, насколько я помню, „Zettel“. Но и жеребьи и цеттели не были деньги, а служили только временной замѣной ихъ, и торговцы, выдавая ихъ вмѣсто сдачи, потомъ принимали обратно въ уплату за продаваемый ими товаръ.

V.

Съ наступленіемъ монгольскаго ига послѣ опустошительнаго похода Батыя чрезъ Русь, несомнѣнно произошелъ въ первое время упадокъ денежнаго оборота на Руси и отливъ металлической монеты изъ Руси въ орду. Съ половины XIV-го вѣка начинаетъ измѣняться и прежняя кунная система: въ качествѣ единицы оборотной цѣнности выпускаются впервые серебряные рубли—продолговатые слитки, похожіе по формѣ на бруски, вѣсомъ въ полфунта, и вводится счетъ рублями; такъ, вел. кн. Василій Димитріевичъ въ концѣ XIV вѣка взялъ въ Новгородѣ выкупъ въ 8 тысячъ рублей; но новая монетная система, получившая начало въ Москвѣ, еще не восторжествовала надъ старой: кунами, въ значеніи денегъ, назывались еще и рубли и гривны. Въ качествѣ мелкой серебряной монеты появляется въ Московской Руси *деньга*; такихъ денегъ въ московскомъ рублѣ заключалось 200 штукъ. Въ Новгородѣ, послѣ того какъ великій князь Василій Димитріевичъ отнялъ у него Двинскую землю и взялъ за нее выкупъ въ 8 тысячъ рублей, чувствовался большой недостатокъ въ монетѣ. Между тѣмъ въ 1410 г. литовцы вмѣстѣ съ русскими и поляками нанесли рѣшительное пораженіе Тевтонскому ордену въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ и Танненбергомъ и по миру въ Торнѣ взяли съ побѣжденныхъ вознагражденіе въ 100 тысячъ марокъ. Какъ разъ въ эти годы, 1409—11, въ Новгородѣ и Псковѣ оставили „торговать кунами и ввели любекскіе пфенниги (лобцы), польско-литовскіе гроши и шведскіе артуги (artige). Вел. кн. литовскій Витовтъ былъ въ это время на высотѣ своего могущества; новгородцы, по недостатку собственной монеты и вслѣдствіе могущества Литвы, склоняются больше къ Литвѣ, чѣмъ къ Москвѣ. Московское княжество, сильно пострадавшее отъ нашествія сперва Тамерлана, а потомъ Эдигея, снова оправилось, успокоилось и стало налегать на Новгородъ и Псковъ; вліяніе это сказалось на введеніи въ этихъ городахъ новой монетной системы, существовавшей уже въ Москвѣ; именно съ 1420 г. новгородцы и съ 1424 г. псковичи начали ковать серебряныя деньги и „торговать ими“, а мортки, т. е. нѣмецкія и шведскія монеты, сбыли въ Ливонію. По Новгородской 1-ой лѣтописи, съ 1424 г. „начаша

по всей русской землѣ торговати деньгами". Такъ установилась новая монетная система, при которой высшей единицей сталъ рубль вѣсомъ въ полфунта; но существовали слитки серебра—рубли значительно меньшаго вѣса—въ 24 золотника, т. е. въ 1/4 русскаго фунта. Въ XV столѣтіи, при замѣнѣ прежней кунной системы новою денежною, на рубль иногда шло до 30 гривенъ кунныхъ. Въ Новгородѣ гривна серебра въ XV вѣкѣ называлась рублемъ. Постоянная чеканка рубля въ формѣ медали началась только съ 1704 г. Цѣнность рубля по сравненію съ теперешней была неизмѣримо выше въ прежнія времена; по изслѣдованію проф. Ключевскаго, рубль около 1500 г. соотвѣтствовалъ по цѣнности 100 рублямъ кредитнымъ, въ началѣ XVII былъ равенъ 12 рублямъ кредитнымъ; въ началѣ XVII-го 9 руб. кредитнымъ. Въ XV и XVI вѣкахъ деньги отбивались [1]) въ Москвѣ, Псковѣ и Новгородѣ: для отбивки рѣзали металлическія палочки на куски, ударомъ молота расплющивали отрѣзки и затѣмъ штемпелевали. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича прекратили выпускъ монетъ въ Псковѣ и Новгородѣ, а въ Москвѣ съ царствованія Іоанна IV былъ открытъ монетный дворъ. Вѣсъ рубля и мелкихъ монетъ былъ различенъ въ разныхъ городахъ; точно также различное количество денегъ шло на рубль въ Москвѣ и въ Новгородѣ: московскій рубль состоялъ изъ 200 денегъ, новгородскій изъ 216, но по вѣсу новгородскія монеты были выше московскихъ, именно: сто новгородскихъ денегъ—новгородокъ соотвѣтствовали московскому рублю, слѣдовательно, одна новгородка была равна двумъ московскимъ деньгамъ Мельче новгородки, равной по вѣсу 18 долямъ, была въ Новгородѣ полушка, равная по вѣсу 4 1/2 долямъ, а болѣе низкая по цѣнѣ мелкая овальная монета была *пуло*, существовавшая въ XV вѣкѣ. На лицевой сторонѣ новгородки, до покоренія Новгорода, изображался вел. кн. московскій, стоящій или сидящій, предъ нимъ нагой человѣкъ, наклонившись впередъ съ протянутыми руками, въ которыхъ держалъ дары; на оборотѣ значилось: *„великого Новагорода"*, а послѣ 1478 г.: *„деньга великаго князя"* или „печать великаго князя". На псковскихъ монетахъ на оборотѣ стояло: *„деньга псковская"*. При Іоаннѣ III выпускались въ Москвѣ деньги съ именемъ Іоанна по-русски и по-арабски, очевидно, для восточной Россіи съ татарскимъ населеніемъ. Надписи на монетахъ и медаляхъ измѣнялись при каждомъ князѣ; такъ въ княженіе Василія III-го въ грамотѣ его „Вколыванъ бѣргомейстеромъ и ратманомъ", помѣченной годомъ

[1]) Въ первой половинѣ XV-го отбивались монеты и въ другихъ городахъ Россіи: Твери, Кашинѣ, Переяславлѣ.

ЗКГ—7023 написано: „Отъ великого государя василя Божіею милостію царя и великого князя владимерскаго московского новгородцкого“... а на печати при грамотѣ значится: „Василеі Божіею милостію царь всея русі і велікіі князь“. Точно также на монетѣ, приписываемой Василію III, помѣчено: „Великій Господарь Василеі Божіею милостію царь и государь всея руси и Великі князь“. Быть можетъ, эта монета относится къ времени царя Василія Ивановича Шуйскаго. На лицевой сторонѣ московскихъ денегъ до 1535 г. великій князь верхомъ на конѣ съ саблей (мечемъ) на отмашь въ правой рукѣ, а въ этомъ году повелѣно было изображать князя съ копьемъ; на основаніи изображеній прежнія деньги назывались „мечевыми“, а новыя „копейными“, отъ послѣдняго прилагательнаго образовалось впослѣдствіи названіе сотой части рубля—*копѣйка*. Къ деньгамъ частью мечевымъ, частью копейнымъ относятся 13 монетъ, пріобрѣтенныхъ мною въ Юрьевѣ изъ числа бывшихъ въ глиняной кубышкѣ, найденной въ землѣ подъ Юрьевомъ въ окт. 1910 г.

Изображенія и надписи на нихъ слѣдующія:

Лицевая сторона.	Оборотная.	Вѣсъ въ доляхъ.
Великокняжескія монеты.		
1. Князь съ саблей наотмашь ѣдетъ на конѣ; корона стерлась; внизу у ободка часть буквъ Н, должно быть, новгородская полушка и относится къ концу княженія Ивана 3го.	[1]) о с п о д а р ь в с е я р о у с и и	7
2. Князь въ коронѣ съ саблей наотмашь ѣдетъ на конѣ. (Псковскаго издѣлія).	к н з в е л и к и і в а н ъ п с к	9
3. Тоже.	к н я з ь в е л и к і і в а н	6

[1]) Первое **о** въ № 1, 10 и 12 изображено омегой.

Лицевая сторона.	Оборотная.	Вѣсъ въ доляхъ.
4. Скачущій на конѣ князь; корона стерлась; правой рукой держитъ конецъ копья; на оборотѣ слѣдъ буквы Н̄.	к н в е л и к и г а р ь в с е і а р у с и	10
5. Тоже.	(нѣтъ к н) остальное тоже	9
Царскія монеты.		
6. Князь въ трехзубчатой коронѣ скачетъ на лошади, нижній конецъ копья наклоненъ впередъ: внизу пс. (псковская).	ц р к н з ь в е л и к і і в а н ъ в с е і а р у с	11
7. Тоже	ц р ь и к н з ь в е л и к і и и в а н ъ в с е і а р у с и	6
8. Тоже. Внизу буквы пс.	ц р ь в е л и к к н з ь і в а н ъ в с е і а р у с і и	10
9. Тоже. Внизу пс.	црьивеликикн я з ь і в а н ъ в с е і а р у с і и	11 (3 м.)
10. Тоже.	ц р ь и к н я з ь в е л и к и ф е о д о р ъ в с е р у с и	

Лицевая сторона.	Оборотная.	Вѣсъ въ доляхъ.
11. Князь въ коронѣ скачетъ на конѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ; внизу Н̄.	и к н з ь м о с Ѳ е о д. ц р ь	7 (3 м.)
12. Князь скачетъ на конѣ; у ободка пс.	ц р ь к н з ь в е л і к и е е о д о р ъ в с е і а р у с и	10
13. Монета сомнительная; буквы перепутаны на реверсѣ.	н и к н з ь к Ѳ е о д в і р с е с и	11

Всего 8 номеровъ псковской работы, 4 новгородской и 1 неизвѣстной.

Н. Я. Кипріановичъ.

Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій [1]).

Очеркъ народныхъ суевѣрій. Таинственныя явленія или привидѣнія. Сновидѣнія. Слышимые таинственные голоса. Знаменія небесныя. Языческій фетишизмъ, чудодѣйственные узелки. Гаданіе по Библіи. Кудесничество. „Коровья смерть“. „Чародѣйная порча“. Колдовство. Знахарство и ворожба. Привидѣнія. Предвѣщанія. Примѣты и гаданья. Святочныя гаданья дѣвушекъ о замужествѣ. „Катанье на нечистыхъ“. Заколдованные клады и обряды при ихъ добываньи. Домовые и лѣшіе. Оборотни. Чародѣи и чародѣйки. Кликуши. Пускаемые по вѣтру „дьявольскіе червяки“. Чародѣйное похищеніе дѣтей у роженицъ. Волшебное вызываніе тѣней умершихъ и угадываніе чужихъ мыслей. Чародѣйные заговоры и наговоры. Нашептанные корешки съ цѣлію приворожить женщину. Наговоры картежниковъ. Чародѣйное средство для мнительныхъ мужьевъ испытывать супружескую вѣрность своихъ женъ. Чародѣйный обрядъ любовниковъ съ цѣлію приворожить дѣвушку. Мнимые юродивые—прозорливцы, лживые пророки и пророчицы.

Русское общество эпохи царствованія Екатерины II въ общемъ представляло картину хаотическаго смѣшенія свѣта просвѣщенія съ тѣнями и мракомъ невѣжества, малокультурности и мистицизма. Изъ этой темной массы лишь немногіе выдѣлялись истинно просвѣщенными понятіями и здравыми взглядами на вещи; они составляли счастливое исключеніе. Невѣжество же и полупросвѣщеніе всегда и вездѣ были источникомъ грубыхъ предразсудковъ и суевѣрій. Такъ было и у насъ. „Русскіе суевѣрнѣйшій народъ въ свѣтѣ“, говоритъ венеціанецъ Казанова въ своихъ запискахъ отъ 1765—6 г. [2]).

---

[1]) Статья эта составляетъ одну (вторую) главу изъ обширнаго и научнаго труда А. В. Кубинцева. *Ред.*

[2]) Русс. Стр. 1874 года, т. IX, 543.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время чуть не всѣ, не исключая и видныхъ общественныхъ дѣятелей, были заражены суевѣріями Убѣдиться въ этомъ не трудно. Чичаговъ и Потемкинъ вѣрили въ примѣты и предсказанія, позднѣе Аракчеевъ вѣрилъ въ ворожбу [1]). Прочтемъ чьи угодно мемуары того времени—записки Державина, Дмитріева, Мертваго, Давыдова, Болотова и др., и мы непремѣнно найдемъ въ нихъ одинъ или нѣсколько разсказовъ о таинственныхъ событіяхъ, явленіяхъ, привидѣніяхъ, чародѣяніяхъ, которые приводятся составителями записокъ, какъ такіе факты, которые имѣли мѣсто или въ ихъ личной жизни, или же въ жизни ихъ родственниковъ, знакомыхъ и чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ въ нашей жизни людей [2]). Разсказы эти несомнѣнно свидѣтельствуютъ о большей или меньшей наклонности къ суевѣріяхъ самихъ мемуаристовъ. Державинъ, посланный для поимки Пугачева, остановился со своими товарищами переночевать въ одной крестьянской избѣ. „Тутъ, разсказываетъ онъ, привидѣлось ему на баснь похожее видѣніе, котораго онъ тогда никому не объявлялъ, дабы не привесть болѣе въ робость“ (сопутствовавшихъ ему).

А именно: когда онъ (Державинъ) разговаривалъ, стоя среди покоя въ квартирѣ своей, съ бригадиромъ Лодыженскимъ, да съ секретаремъ П. Ив. Новосильцевымъ, то, взглянувъ нечаянно въ боковое, маленькое, крестьянское окно, увидѣлъ изъ него выставившуюся голову скелета, бѣлую, подобно какъ бы изъ тумана составленную, которая, вытараща глаза, казалось, хлопала зубами. Сіе хотя онъ въ мысляхъ своихъ принялъ за худое предвѣщаніе, но однакоже въ предпринятый свой путь безъ всякаго отлагательства поѣхалъ [3]). Между дворянами екатерининскаго времени переходило изъ устъ въ уста преданіе, будто императрица Анна Ивановна передъ смертію видѣла тѣнь свою на тронѣ, испугавшись, пригласила гренадеръ и велѣла стрѣлять въ нее изъ ружей,—тѣнь пропала; но на другой день императрицы не стало [4]). Сновидѣнія не только для людей малообразованныхъ, но и для людей просвѣщенныхъ, особенно масоновъ, казались иногда таинственно-пророческими внушеніями [5]), языкомъ добраго или злого генія, предупрежденіемъ, знакомъ и предсказаніемъ.

---

[1]) „Дѣло“ 1873 г. 12,309.

[2]) Зап. Держ. 83; Зап. Дмитр. 43—44. Зап. Мертваго 153. Русск. Стр. III, 784.

[3]) Зап. Державина, 83.

[4]) Дмитр. „Взглядъ на мою жизнь“, 97; ср. „Записки Энгельгардта“, стр. 5—8.

[5]) „Зап. Болотова“ IV, 707.

Въ Русской Старинѣ [1]) разсказывается, между прочимъ, какъ одна княгиня слышала во снѣ чей-то голосъ, повелѣвавшій ей послать мужу, воевавшему съ пруссаками, икону съ изображеніями съ одной стороны Николая Чудотворца, а съ другой—Живоноснаго Источника. „Она исполнила повелѣніе“.

Болотовъ простодушно разсказываетъ, что онъ передъ своей женитьбой видѣлъ во снѣ не одинъ разъ свою невѣсту, которой онъ прежде не зналъ. Принявъ сновидѣніе за таинственныя указанія, онъ женился на ней, ничуть не сомнѣваясь, говоритъ онъ, въ счастливомъ выборѣ жены [2]). Вѣрившіе въ необыкновенное пророческіе сны иногда впадали въ мрачное настроеніе, теряли обычную „веселость“, когда сновидѣніе казалось имъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Александръ Ильичъ Давыдовъ видѣлъ себя во снѣ діакономъ, служащимъ съ архіереемъ; предъ началомъ пѣнія „вѣрую“ онъ замѣтилъ, что волосы съ его головы упали къ его ногамъ, и что на плечахъ его мертвая голова.

Принявъ этотъ сонъ за предзнаменованіе своей скорой смерти, онъ лишился своей прежней веселости“ [3]). Видѣвшій во снѣ „попа“ опасался получить какую-нибудь непріятность [4]). Болотовъ находилъ въ нѣкоторыхъ снахъ указаніе на имѣющія совершиться въ недалекомъ будущемъ, „удивительныя происшествія“ [5]). Потемкинъ также занимался снотолкованіями и привидѣніями [6]). Вообще, вѣра въ предвѣщаніе сновъ была общераспространенною, какъ и вѣра въ таинственныя привидѣнія и предчувствія [7]). Появленіе облаковъ на небѣ въ необыкновенной формѣ, думали, предсказываетъ о весьма важныхъ событіяхъ, имѣющихъ вскорѣ совершиться въ сферѣ жизни политической или общественно-народной и пр. [8]). Сѣверное сіяніе казалось многимъ особымъ небеснымъ знаменіемъ. Такъ многіе думали о сѣверномъ сіяніи, бывшемъ въ 1770 г. Простой народъ видѣлъ въ немъ предсказаніе сильной кровавой войны [9]).

Особенно сильное впечатлѣніе производили на суевѣрный народъ необыкновенныя явленія міра астральнаго. Комета 1744 года

---

[1]) IV, 694.
[2]) Зап. Болотова, т. II, 462, 475.
[3]) Русск. Ст. III, 784.
[4]) Зап. Болот. т. IV, 237.
[5]) Т. III, 150.
[6]) Русск. Стар. V, 467.
[7]) Русск. Стар. V, 463, 554, 564—69; IV, 694; VIII, 831
[8]) Русск. Стар. V, 185; „Зап. Порошина“ 33 стр.
[9]) Зап. Болотова, т. II, 820.

съ длиннымъ хвостомъ и шестью загнутыми лучами волновала суевѣрнымъ страхомъ городскихъ и сельскихъ жителей.

Въ Шацкомъ уѣздѣ (Тамбовской губерніи), было дѣло по поводу слуховъ о предвѣщаемыхъ будто бы этой кометою бѣдствіяхъ [1]). Не менѣе того проникался народъ суевѣрнымъ страхомъ при появленіи моровой язвы, засухи, голода и т. п. общественныхъ бѣдствій. Поражаемый ужасомъ смерти, онъ искалъ чудесъ, какъ, наприм., во время московской чумы въ 1770 году. Во время подобныхъ народныхъ бѣдствій въ народѣ появлялись сновидцы, которые, въ предовращеніе бѣдъ, призывали народъ къ служенію молебновъ съ возженіемъ свѣчъ предъ той или другой иконой въ ожиданіи отъ нея чудесныхъ исцѣленій.

Въ Москвѣ „попъ Всѣхъ Святыхъ, что на Кулижкахъ", объявилъ во время чумы въ 1770 г. икону Боголюбской Богоматери на Варварскихъ воротахъ чудотворной [2]). Напрасно правительство во время московской чумы прибѣгало къ санитарнымъ мѣропріятіямъ въ видахъ сохраненія общественнаго здоровья. Религіозное суевѣріе оказывалось сильнѣе здраваго смысла, и тѣмъ легче первое брало перевѣсъ надъ послѣднимъ, что при тогдашнемъ религіозномъ невѣжествѣ, набожность часто смѣшивалась съ самымъ грубымъ суевѣріемъ; такъ, напримѣръ, Чичаговъ чародѣйственнымъ „узелкамъ" приписывалъ одинаковую спасительную силу съ иконами Николая Чудотворца и Іоанна Войственника [3]). Библія обращалась иногда въ средство для гаданій. Болотовъ прибѣгалъ къ гаданію по ней въ тѣхъ случаяхъ, когда затруднялся рѣшиться на то или другое дѣло; для этого онъ открывалъ съ „молитвеннымъ вздохомъ" Библію и прочитывалъ первыя попавшіяся на глаза строки; мысль, найденная имъ въ прочтенныхъ строкахъ, рѣшала занимавшій его вопросъ. Въ этомъ отношеніи онъ называлъ Библію наилучшимъ совѣтодателемъ" [4]).

Религіозные предметы и дѣйствія обращались иногда въ кудесничество. Такъ, родители, у которыхъ рождавшіяся дѣти умирали, прибѣгали къ слѣдующимъ суевѣрнымъ средствамъ, чтобы дѣти ихъ жили: они писали образъ по мѣркѣ съ рожденнаго, изображали четыре рождества на одной иконѣ, а также заставляли крестить новорожденнаго первыхъ встрѣтившихся мужчинъ и женщинъ.

„Когда же эти средства не помогали, то въ отцы и матери

---

[1]) Зап. Державина, стр. 6.
[2]) Болотовъ, т. III, 17—18.
[3]) Зап. Храповицкаго, 271.
[4]) Болот., IV, 243.

крестные отыскивали такихъ людей, которые бы точно такихъ именъ были, какъ отецъ и мать родные, и точно тѣхъ ангеловъ“ [1]). Не странно поэтому свидѣтельство Болотова, что народъ во время московской чумы бросалъ по дорогамъ, во избѣжаніе чумы, шляпы, палки, либо другія какія вещи изъ одежды, принадлежавшей зачумленнымъ: ибо черный народъ, говоритъ онъ, выбралъ тогда самое адское суевѣріе и предразсудокъ пагубный, если хотятъ, чтобы чума гдѣ пресѣклась, то надобно что-нибудь зачумленное кинуть на дорогу, и тогда, если кто подниметъ и принесетъ (брошенное) домой, то тамъ сдѣлается чума, а въ прежнемъ мѣстѣ пресѣчется [2]). Во время скотскихъ падежей народу казалось, что причина мора—„коровья смерть“: какой деревней или селомъ она пробѣжитъ, тамъ и моръ. Фантазія народа усвоила ей причудливый образъ; нѣкоторые ее видѣли: она вся отъ ногъ до головы бѣлая, бѣгаетъ очень быстро; ноги коровьи, голова бычачья. Изловить ее очень трудно,—пропадаетъ; для этого одно средство: вырыть глубокій ровъ, поставить туда корову, а сверху, по бокамъ рва, натыкать пикъ. Идя къ коровѣ, смерть наткнется на пики и умретъ [3]). При общей суевѣрной настроенности всѣ простыя, но непонятныя для темныхъ людей явленія объяснялись или ворожбой или порчей злыхъ людей. Подозрѣніе этого рода всего чаще падало на тѣхъ, съ кѣмъ жили въ несогласіи или ссорѣ. Предразсудками этого рода было заражено даже духовенство, охотно раздѣлявшее простонародную вѣру въ колдовство и чародѣйную порчу. Въ запискахъ Болотова разсказывается, что въ селѣ Болотовкѣ у одного изъ двоихъ священниковъ о. Иларіона сгорѣлъ домъ; погорѣвшій никакъ не хотѣлъ строиться вновь, и особенно на новомъ мѣстѣ, изъ опасенія, чтобы сослуживецъ его о. Иванъ чего не „наворожилъ“ на новомъ мѣстѣ. Въ подтвержденіе своего, якобы справедливаго, подозрѣнія на отца Ивана, онъ разсказалъ Болотову слѣдующую исторію, когда этотъ совѣтовалъ отцу Иларіону заняться постройкою дома.

„Случилось мнѣ однажды, говорилъ онъ, новыя ворота становить. Выкопавши подъ вереи ямы, не успѣли мы въ тотъ день оныя поставить и отложили дѣло сіе до другого дня. Но между тѣмъ люди добрые сыграли надъ воротами моими штуку. Не успѣли мы на другой день вереи поставить, ямы закопать и ворота отдѣлать, какъ вдругъ не хотѣла въ оныя идти ни одна скотина: бѣгали кругомъ, ревѣли, и въ ворота вогнать никоимъ обра-

---

[1]) Зап. Болотова, I, 201—2.
[2]) Болот., т. III, 39.
[3]) Зап. Болот., т. II, 689.

зомъ ни одну было невозможно. Сколько мы ни дивились, скотина не шла, и мы не знали, что дѣлать. Наконецъ одинъ усердствующій мнѣ бобыль вывелъ дѣло наружу и сказалъ мнѣ, чтобы я, выкопавши вереи, посмотрѣлъ, что подъ ними закопано. Сдѣлалъ по его совѣту. И что жъ мы нашли подъ ними? Зарытую человѣческую кость, которая, по мнѣнію отца Иларіона, была положена отцомъ Иваномъ. Кость вынули, вереи опять поставили и зарыли, и скотина пошла какъ слѣдуетъ. Увѣряя Болотова въ дѣйствительности этого происшествія, о. Иларіонъ присовокупилъ, что онъ того самаго опасается и нынѣ на новомъ мѣстѣ строиться; ибо слышалъ, что товарищъ его посылалъ къ какой-то вѣдьмѣ и что будто не одну ночь собаки его мечутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ строиться былъ намѣренъ“ [1]).

Въ 1795 году аткарскій священникъ Прохоровъ увидѣлъ въ церкви на крестовомъ гайтанѣ (шнуркѣ) посадскаго человѣка Ивана Полякова узелокъ, въ которомъ было что-то зашито. Это обстоятельство послужило священнику поводомъ преслѣдовать Полякова судебнымъ порядкомъ, обвиняя его въ занятіи колдовствомъ [2]).

Не одинъ аткарскій священникъ вѣрилъ въ колдовство и чародѣйство: такихъ священниковъ, нужно полагать, было очень много [3]). Болѣзни, сопровождавшіяся бредомъ, истеріей, объяснялись злона-

---

[1]) Зап. Болот., т. II, 795.

[2]) „Заря“ 1871 г. № 1, 175. Ст. Мордовцева: „Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка“.

[3]) Если мы встрѣчаемся съ укоренившимися въ духовенствѣ суевѣріями, то въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Въ первой половинѣ XVIII в. воспитанники Московской академіи выносили твердое убѣжденіе въ возможность колдовства, чародѣйныя порчи и т. п. изъ находившагося въ догматическомъ богословіи трактата „De contractibus diabolicis“. Ѳеофилактъ Лопатинскій представляетъ слѣдующее опредѣленіе и дѣленіе этого понятія: Consractus diabolicus est pactum, cum diabolo initum et dividitur in magiam, divinacionem, superstitiosam, vanam, observantiam et maleficium. „Колдуны, говоритъ онъ, рукою вырываютъ съ корнемъ крѣпчайшее дерево; цѣлыя поля съ засѣвами переставляютъ съ мѣста на мѣсто, обращаются въ невидимокъ, измѣняютъ фигуру человѣка“.

Особый родъ колдовства есть порча, maleficium. Противъ сего зла совѣтуется сжигать повязки, пряди волосъ, узлы и т. п. знаки порчи, брить волосы на головѣ колдуна прежде, нежели начнутъ его пытать, потому что въ нихъ, можетъ быть, скрывается сила, дѣлающая его нечувствительнымъ къ пыткамъ. (Истор. слав.-греко-лат. акад., стр. 150). Дѣти родителей, почерпнувшихъ изъ догматики ученіе о колдовствѣ, естественно должны были проникнуться этими суевѣрными понятіями и перенести ихъ во вторую половину XVIII вѣка.

мѣренной порчей и колдовствомъ кого-нибудь изъ недруговъ [1]), и больные большею частію обращались не къ врачамъ, а къ знахарямъ [2]). Существовали городскіе колдуны [3]), какъ въ настоящее время—городскіе врачи. Ворожбой и гаданьемъ занимались по преимуществу цыганы.

Отъ даннаго времени остались записанными примѣты и гаданія. Такъ получить, въ самый день рожденія дитяти или на другой день, какой-нибудь подарокъ—значило, что новорожденный будетъ любимъ всѣми, его знающими [4]).

Рожденіе ребенка, совпадавшее съ появленіемъ сѣвернаго сіянія, также служило добрымъ предзнаменованіемъ [5]). Кукованіе кукушки повергало въ глубокую печаль того, кто слышалъ кукованіе ея „натощакъ“, ибо это предвѣщало ему скорую смерть [6]). Если при выѣздѣ со двора за какимъ-нибудь дѣломъ, снесетъ вѣтромъ съ головы шапку, то думали, что въ предпріятіи не будетъ успѣха. Во избѣжаніе этого слѣдствія нужно было воротиться на часъ домой [7]). Крикъ сверчка въ комнатѣ предвѣщалъ дурное тому, кто входилъ въ комнату изъ постороннихъ; чтобы избѣжать дурныхъ послѣдствій, нужно было пройти въ другую комнату [8]). Просыпанная соль, 13 человѣкъ за столомъ, вытье и рытье земли собакой, карканье вороны надъ домомъ—дурныя примѣты, снесенное пѣтухомъ яйцо (?), пѣнье курицы пѣтухомъ, найденная иголка безъ ушка, булавка безъ головки, положенные на крестъ ножъ и вилка—все это тоже не къ хорошему. Если сговоренная дѣвушка не „выла“, то думали, что житье ея будетъ дурно. „Коли не поплачешь за столомъ, говорили матери и бабушки своимъ сговореннымъ дочерямъ и внучкамъ, такъ наплачешься за столбомъ“ [9]). Въ комедіи „Подражатель“, Скопидомова учитъ свою дочь: „Тихонько положи на порогъ замокъ, и какъ женихъ перейдетъ черезъ порогъ, такъ ты замокъ замкни и спрячь“. Это примѣта, чтобы женихъ отъ сватовства не отсталъ [10]). Та же Скопидомова заставляетъ свою дочь

---

[1]) Болот. т. III, 706, 711.
[2]) „Живописецъ“ 149.
[3]) Сочин. Имп. Екатер. II, т. II, 499.
[4]) Зап. Болот. 4,1078
[5]) Ibid 11, 1076.
[6]) Болот. 666.
[7]) Соч. Екат. II, т. I, 444.
[8]) Соч. Екат. II, т. II, 25.
[9]) „Русск. сатир. журн.—1769—74 г.“ Аѳанасьева.
[10]) Ibid.

чернить зубы: по ея мнѣнію, у которой дѣвушки зубы черны, та будетъ счастлива“ [1]). Жениха съ невѣстою послѣ вѣнца сажали на „двѣ“ овчинныя и весьма косматыя шубы: это значило, по словамъ „И то и се“, „жить имъ богато“[2]). За ужиномъ наканунѣ вѣнчанія, женихъ долженъ былъ въ продолженіе стола держать невѣсту за руку, не опуская ее ни на минуту, потому что отъ опущенія ея, думали, случается великое несогласіе между мужемъ и женою [3]).

Заключалась нѣкоторая задача и въ предосторожности, чтобъ невѣста за ужиномъ не брала въ руки вилку, а принимала кушанье изъ жениховыхъ рукъ устами [4]).

Святки сопровождались гаданьями. Наканунѣ этого праздника, по захожденіи солнца, изъ разныхъ домовъ собирались дѣвушки въ одну, назначенную ими, комнату, брали красное деревянное блюдо, покрывали его большимъ платкомъ и клали на него небольшой кусокъ хлѣба и уголь. Послѣ этого дѣвушки загадывали на перстняхъ, на кольцахъ, на запонкахъ и другихъ подобныхъ вещахъ, касались ими краевъ блюда и клали ихъ подъ платокъ. Затѣмъ усаживались всѣ рядомъ и запѣвали пѣснь хлѣбу... Окончивъ пѣніе, ломали хлѣбъ и дѣлили кусочки между собою. Эти кусочки завертывали онѣ въ рукавъ и спали съ ними, чтобы пригрезились вѣщіе сны. Послѣ этого пѣли подблюдныя пѣсни; за каждой пѣснію вынимали изъ блюда вещи и, по значенію пѣсенныхъ словъ, гадали о судьбѣ той, чья вещь вынулась. По окончаніи подблюдныхъ пѣсенъ, шли въ пустую комнату, гдѣ стояло на столѣ зеркало съ зажженными по сторонамъ его свѣчами; гадающая дѣвушка садилась предъ нимъ и, загадывая, произносила: „суженый, ряженый, покажися мнѣ въ зеркалѣ!“ Зеркало начинало тускнѣть, и дѣвушка протираетъ его нарочно приготовленнымъ полотенцемъ. Наконецъ, суженый является и смотритъ изъ-за ея плечъ въ зеркало; разсмотрѣвъ его черты, дѣвушка кричитъ: „чуръ сего мѣста“! и нечистый пропадаетъ [5]). Гадая, дѣвушки спрашивали вечеромъ имя перваго попавшагося мужчины; его имя должно было быть именемъ жениха и мужа [6]). Кромѣ гаданій, на святкахъ происходило „катанье на нечистыхъ“. Дѣвушки брали воловью шкуру, несли ее на рѣку къ проруби, разстилали и, очертивъ кругъ нарочно сдѣлан-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) Русск. Стар. IV, 695.

нымъ для того огаркомъ, садились на нее. Изъ проруби должны были выйти водяные и возить ихъ сколько угодно. Это называлось „катанье на нечистыхъ“ [1]).

Простонародную вѣру въ существованіе заколдованныхъ кладовъ и въ возможность добыванія ихъ, при соблюденіи суевѣрныхъ обрядовъ, раздѣляли даже такіе люди, какъ напр., могилевскій губернаторъ Энгельгардтъ. Повѣривъ народной молвѣ, что въ верстахъ 40 отъ Москвы, на кладбищѣ, находится богатый кладъ, онъ послалъ прокурора губернскаго магистрата Полтавцева для открытія сокровища. Полтавцевъ пригласилъ до 40 человѣкъ лопатниковъ, взрылъ кладбище, но кладъ „не дался“ [2]). Люди корыстолюбивые, желавшіе обогатиться во что бы то ни стало посредствомъ добыванія кладовъ, иногда рѣшались на преступленіе, убійство, если только этого требовалъ, по ихъ мнѣнію, кладъ. Такъ въ Сибири во 2-ой половинѣ XVIII в. существовало всеобщее убѣжденіе, что недалеко отъ Кяхты скрывается богатѣйшій кладъ. Многіе хотѣли овладѣть этимъ кладомъ, но безуспѣшно. Наконецъ двое братьевъ (кяхтинскіе мѣщане) рѣшились, во что бы то ни стало, добыть таинственный кладъ. Они изрыли всѣ тѣ мѣста, гдѣ, по ихъ соображенію, находился кладъ; но все напрасно; служили молебны, постились, а кладъ не давался.

Выведенные изъ терпѣнія неудачей, они рѣшились прибѣгнуть къ мудрости шамана, который жилъ гдѣ-то недалеко отъ Кяхты и славился по всей окрестности дивными чудесами. Запасшись подарками, братья отправились къ шаману. Шаманъ отвѣчалъ имъ, что съ просьбами подобнаго рода онъ никогда не обращался къ духамъ, а потому не знаетъ, благоволятъ ли они удостоить его отвѣтомъ. Братья съ почтеніемъ поднесли шаману подарки: плитку кирпичнаго чаю и пачку табаку, обѣщая сверхъ того жирнаго барана, въ случаѣ успѣха. Шаманъ рѣшился испросить волю духовъ относительно клада; облекся въ свой нарядъ, взялъ бубенъ и принялся работать языкомъ и тѣломъ. Долго кричалъ и кривлялся шаманъ, наконецъ, онъ растянулся и пророческимъ голосомъ проговорилъ: „принесите духу въ жертву человѣка—и сокровище—ваше!“ По долгомъ размышленіи объ этомъ отвѣтѣ, братья рѣшились принести въ жертву духу свою больную сестру. Прибывъ на мѣсто кладорытія съ сестрой, они разожгли костеръ, связали сестру и лишь только хотѣли совершить жертвоприношеніе, какъ на

---

[1]) „Русскіе сатирическіе журн.“ Аѳанасьева.
[2]) „Записки Добрынина“, гл. XXXIX.

нихъ наѣхали сторожевые казаки, которые и избавили жертву отъ смерти [1]).

Въ то время вѣрили, какъ и теперь еще вѣрятъ, что клады по временамъ показываются то какимъ-нибудь звѣркомъ съ бѣлою шерстью, то птицею такого же цвѣта, иногда надъ кладомъ видится огонекъ необыкновеннаго цвѣта. Если какой смѣльчакъ будетъ приближаться къ этому огоньку, онъ начнетъ удаляться и заведетъ неопытнаго человѣка въ болото. Вѣрили, что призраки кладовъ являются только людямъ чистымъ, и чтобы воспользоваться кладомъ, нужно ударить призракъ наотмашь, и сказать слѣдующее: „аминь, аминь, разсыпься“!

Языческая вѣра въ существованіе домовыхъ, лѣшихъ была также очень распространенной. Нѣкоторые изъ высшаго даже класса общества вѣрили искренно, что домовой иногда перетаскиваетъ соннаго человѣка съ одного мѣста на другое [2]). Лѣшихъ, думали, такъ много, что они ходятъ толпами; если лѣшій обойдетъ человѣка, то послѣдній не выйдетъ изъ обойденнаго круга [3]). Остатки языческой суевѣрной древности выразились и въ вѣрованіи въ оборотней.

Лѣкарь шацкой провинціи Ралтау доносилъ шацкой провинціальной канцеляріи объ открытыхъ имъ оборотняхъ. Онъ писалъ: „По прибытности моей сюда, въ шацкую провинцію, приходитъ ко мнѣ много изъ деревенскихъ обывателей мужеска и женска полу, объявляя о себѣ внутренныя порчи, но токмо какія оныя порчи—въ медицинѣ и наукѣ признать невозможно, ибо уповательно какъ—чрезъ еретичество.

Нынѣшняго года февраля, во второй день, призванъ я былъ въ городъ Темниковъ, въ домъ воеводскій, для пользованія у жены его перста; и будучи въ трактѣ сталъ ночевать въ деревнѣ Будныхъ Майданахъ у крестьянина Алексѣя Иванова. Онаго Иванова мать стала мнѣ жалобы приносить, что сноха ея, Алексѣева жена Алена, уже двадцать лѣтъ съ мужемъ живетъ, а дѣтей не родитъ и все сохнетъ, которая ей признавается въ порчи. Того-жъ вечера, послѣ свекрови пустила (въ избу?) помянутая Алена трехъ видовъ овецъ и спустила къ нимъ изъ коробья одного ягненка и загасила огонь,—въ которыхъ овецъ, погодя черезъ часъ, сталъ великій стукъ, и съ хозяйкою стали человѣческимъ голосомъ сквернословить, тихо говорить болѣе двухъ часовъ, которыхъ я признаваю—единоеретичество; отчего я, отъ великаго страху и ужасти, принужденъ

---

[1]) Живоп. Обозр. 1874 г., №22 стр. 342—3.

[2]) „Заря“ 1871 г. кн. 12, ст. „Истор. мастер.“.

[3]) Собр. соч. Импер. Ек. II, т I. 454.

изъ избы выбѣжать и разбудить имѣющагося при мнѣ города Темникова солдата Петра Жаветина, который спалъ въ возкѣ моемъ для аптеки, я велѣлъ ему огонь вздуть и послалъ за старостой Ѳедоромъ Слезкинымъ. И промежъ того время, при огнѣ стали тѣ овцы паче человѣческимъ голосомъ репортировать съ тѣхъ словъ, что безъ огня говорили. И по приходѣ старосты, объявилъ я ему оные безпорядки, чтобы онъ тѣхъ овецъ держалъ, и въ деревнѣ осмотрѣлся, кого въ той деревнѣ въ домѣхъ крестьянъ не имѣется. Но токмо оный староста съ великимъ страхомъ отвѣтствовалъ мнѣ: „этакихъ овецъ у насъ много, и онѣ надобны, ты не фискаломъ ли сюда пріѣхалъ?“ А когда онъ услышалъ объ моемъ имени, откуда я, то онъ сталъ покоренъ и просилъ, чтобы я это дѣло уничтожилъ, и за то хотѣлъ, съ народомъ собрався, мнѣ поклонъ отдать, на что я ему сказалъ, что ни его поклонъ, ни тысяча мнѣ не надобны, а присяги своей не нарушу. И староста пошелъ; а овцы паки, при помянутомъ солдатѣ человѣческимъ голосомъ говорить, меня по имени, отечеству и фамиліи называютъ, также и о себѣ имена человѣческія сказываютъ; одинъ изъ нихъ Ѳедоръ, и двое Гаврилы, и называющійся Ѳедоромъ показался съ затылку въ видѣ дьявольскомъ; весь чернаго лица, изъ лѣваго уха высунулъ большой красный языкъ. Также много кратъ при ономъ солдатѣ мое имя, отечество и прозваніе называли и просили: „выпусти насъ!“ Напротивъ того я говорилъ: староста отступился; какъ хочетъ хозяйка, а я васъ не выпущу! Объявилъ я этой хозяйкѣ: „егда ты ихъ хочешь?“ А хозяйка мнѣ объявила: „какъ мнѣ сосѣдовъ не знать!“ По которому ея отвѣту овцы начали многократно при солдатѣ человѣческимъ голосомъ говорить: „Алена, выпусти насъ!“ И тогда она, хозяйка, про прежнюю свою утайку и стыда ради, вся въ лицѣ покраснѣла и зачала плакать“ [1]).

Вслѣдствіе особенно сильно распространенной вѣры въ колдовство, чародѣйство и кликушество чародѣи, чародѣйки и кликуши появлялись въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи цѣлыми десятками, не только въ сельской и деревенской глуши, объятой сумракомъ невѣжества, но и въ городахъ. Вѣра въ кликушество, какъ чародѣйную порчу, была широко распространеннымъ явленіемъ не въ одной только простонародной массѣ, но и среди лицъ многочисленной бюрократіи. Такое же распространеніе имѣло вѣрованіе въ чародѣйныхъ червяковъ, пускаемыхъ по вѣтру злостными чародѣями на людей. Въ 1762 году въ Ростовѣ явилось нѣсколько женщинъ-кликушъ [2]).

---

[1]) Рус. Стар. VII, 725—6.

[2]) П. С. З. т. XII, 11.698.

Изъ сенатскаго указа 1766 г. видно, что въ Переяславлѣ-Залѣскомъ, кромѣ прежде присланныхъ въ переяславскую провинціальную канцелярію двухъ женокъ, выкликавшихъ на ямщикову жену Ѳедору Иванову, было еще десять женъ, которыя кликали въ церкви [1]).

Въ 1770 г. въ Яранскомъ уѣздѣ нѣсколько безпутныхъ женокъ „дѣвокъ", притворяясь испорченными, выкликали на восемь мужчинъ и женщинъ печенгской и устненской волостей, пускавшихъ по вѣтру чародѣйныхъ червяковъ [2]). Въ 1785 г. въ пинегскомъ округѣ, Архангельской губерніи, было 19 кликушъ и въ мезенскомъ уѣздѣ нѣсколько человѣкъ [3])—чародѣевъ, чародѣекъ и кликушъ [4]).

Въ Саратовскомъ совѣстномъ судѣ отъ 1786 г. по 1795 г. разбиралось пять дѣлъ о колдовствѣ и чародѣйствѣ, и каждый разъ привлекалось къ суду по нѣскольку человѣкъ.

Въ одной собственноручной запискѣ Императрицы Екатерины II къ князю Вяземскому (года и числа не показано) видно, что въ Яранскѣ было возбуждено судебное преслѣдованіе колдуновъ и что дѣло это, дошедшее до Сената, разсматривалось самой Императрицей, которая предписала „послать въ Яранскъ кого ни есть нарочно, чтобы все точно по сенатскому приговору было исполнено" [5]).

Колдунамъ и колдуньямъ, какъ и въ двоевѣрную старину, приписывались разнаго рода вредительныя дѣйствія. Не только простой народъ, но и дворяне были искренно убѣждены, что колдуны и колдуньи посредствомъ своихъ чаръ похищаютъ у матерей, въ моментъ рожденія, дѣтей, наводя на рождающую и всѣхъ ея окружающихъ глубокій сонъ. Болотовъ передаетъ относительно этого предмета слѣдующій любопытный разсказъ знакомой ему госпожи Темирязевой: „У одного, неподалеку отъ Тулы жившаго, помѣщика пропало семь ребенковъ. Не успѣетъ жена его собраться родить, какъ всѣ заснутъ, и сама она заснетъ также сномъ крѣпчайшимъ. И въ самое то время она родитъ, и ребенокъ пропадетъ и куда дѣнется, никто не знаетъ. Сей помѣщикъ, видя такое несчастіе, не зналъ наконецъ, что думать, ибо всѣ о семъ разное говорили и толковали; но какъ всѣ почти единогласно утверждали, что происходитъ это отъ какого-нибудь волшебства, то положилъ онъ искать противъ того помощи отъ такихъ же колдуновъ. Въ близости той

---

[1]) П. С. З. т. XVII, 12.568.
[2]) П. Собр. Зак. т. XIX, 13.427.
[3]) „Вѣстн. Евр." 1868 г. кн. 10, 658.
[4]) „Заря" 1873 г.
[5]) „Полн. собр. соч. Имп. Екат. II", т. III, 490.

деревни, гдѣ жила госпожа Темирязева, жилъ на мельницѣ мельникъ, весьма своимъ волшебствомъ славившійся. Всѣ почитали его наивеличайшимъ докою. Къ сему-то мельнику предпріялъ помѣщикъ свое прибѣжище въ то время, какъ жена его восьмого ребенка родить сбиралась. Онъ пріѣхалъ къ нему самъ и убѣдилъ его ѣхать къ себѣ и быть при родахъ. Однако сей мужикъ не сталъ дожидаться родовъ, несмотря на сильныя просьбы остаться; онъ сказалъ, что ему быть не для чего, а довольно, если исполнено будетъ всё, что онъ прикажетъ. Сіи приказанія его, данныя имъ самому господину въ тайнѣ, состояли только въ томъ, чтобы самому ему не отлучаться ни на пядень въ то время, когда жена его рождать станетъ; что увидитъ онъ вышедшую въ то время изъ-подъ кровати черную большую собаку, у которой бы онъ, поймавъ, обрубилъ обѣ переднія лапы, и тогда всё будетъ благополучно... Что мужикъ говорилъ, то и сдѣлалось. Какъ скоро госпожа собралась родить, то всѣ разошлись и напалъ на всѣхъ сонъ. Мужъ наблюдалъ уже сіе время и не отходилъ отъ жены ни пяди. Наконецъ, заснула и сама жена его. И въ то самое время видитъ онъ превеликую черную собаку, вышедшую изъ-подъ кровати и прямо къ нему идущую. Затрепеталъ онъ тогда отъ ужаса и не зналъ, что дѣлать. Однако, собравшись съ духомъ, бросился онъ на нее, схватилъ и обрубилъ обѣ лапы и потомъ выбросилъ собаку въ окно. Не успѣлъ онъ сего сдѣлать, какъ жена его очнулась и тотчасъ родила благополучно сына. Радость была тогда неописанная у сего дворянина; онъ тотчасъ разбудилъ всѣхъ, созвалъ людей и крестьянъ и разсказалъ имъ всё происхожденіе, показалъ имъ лапы, которыя онъ отрубилъ у собаки... Примѣчанія достойно было при томъ, что всѣ люди пришли, и не было одной только старухи-мамы. Господа спрашивали о ней, куда она дѣвалась, но никто того не зналъ, и даже самые сыновья ея не видали, но сіе такъ до утра и оставили! Поутру нужно было смотрѣть за окномъ собаку, но какъ всѣ удивились, когда, пришедъ на то мѣсто, никакой собаки не нашли, но только одно окровавленное мѣсто; однако былъ кровавый слѣдъ, по сему слѣду пошли её искать,—слѣдъ шелъ прямо къ рубкѣ сына мамина. Но какое было всѣхъ, бывшихъ при томъ, удивленіе, когда и въ полѣ, и въ клѣти, вмѣсто мнимой собаки нашли саму маму съ обрубленными руками". Такимъ образомъ, открылось, что всѣ прежнія пропажи младенцевъ происходили отъ нея. Она сама въ томъ призналась и сыскали всѣхъ семерыхъ, которые были у ней высушены и спрятаны въ коробкѣ. Какъ всё сіе было весьма особливое дѣло, то тотчасъ донесено было о томъ въ городъ; дѣло было изслѣдовано, и сія старуха казнена въ Тулѣ,

по обыкновенію того времени наимучительнѣйшею смертію: она была сперва колесована „а потомъ ее четвертовали“ [1]). Колдунамъ и волшебникамъ приписывали необыкновенную волшебную силу: думали, что они могутъ, при помощи магіи и волшебства, вызывать тѣни умершихъ и угадывать мысли другихъ людей. По свидѣтельству Болотова, вѣра эта была широко распространенной [2]).

Колдовство было тѣсно связано съ чародѣйными заговорами и наговорами, какъ средствами для врачевства, вредительства, обаянія и пр. т. п. Кто хотѣлъ пробудить къ себѣ любовь другихъ, долженъ былъ носить при себѣ какіе-то нашептанные корешки, перевязанные крестъ-на крестъ волосами [3]). У страстныхъ картежныхъ игроковъ существовали наговоры, какъ новичковъ заводить въ игру [4]). У крестьянъ, мнительныхъ мужьевъ (Шенкурскаго уѣзда, Арханг. губ.), существовало средство испытывать вѣрность своихъ женъ, спрашивая ихъ же самихъ объ этомъ. По совѣту „травенника“ для этого нужно найти траву, которую знахари называютъ „рясна“, ростетъ кустиками, маленька, синенька, по землѣ разстилается; нашедши этой травы, нужно положить стебель ея женѣ въ головы— и секретъ открытъ, — жена все скажетъ: что̀ бывало и съ кѣмъ живала и что̀ на тебя мыслитъ; положить её не просто“ [5]). Любовники, желавшіе возбудить къ себѣ любовную страсть въ женщинѣ или дѣвушкѣ, по старой памяти, также прибѣгали къ чародѣйству. Для этого существовалъ особенный чародѣйственный обрядъ, отъ точнаго выполненія котораго зависѣлъ успѣхъ очарованія. „Въ 1760 г. сержантъ Тулубьевъ, желая привлечь къ себѣ дочь разночинки Ирину Тверитину, жившую въ Тюмени, обрѣзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть и увелъ ее съ собою въ одну баню, и, совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, волосовъ по части, обтиралъ съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ, такимъ образомъ: на-перво съ правой руки, а потомъ съ лѣвой ноги, и скоблилъ съ ногъ своихъ ножемъ кожу, и взялъ съ парнаго вѣника три листа, и сомнетъ тотъ хлѣбъ въ одно мѣсто съ печиною, воскомъ, солью, волосами со скобленною съ ногъ кожею и съ парнаго вѣника листьевъ и сдѣлалъ колобокъ, и послѣ того въ той же банѣ изъ нея же женки Ирины такимъ же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ отиралъ, и снималъ по вышеписанному—и, вышедъ изъ бани, на оные

---

[1]) „Записки Болотова“, т. II, 787—789, 786.
[2]) Болот. т. III, 1201—4.
[3]) Ком.: „О время“, стр. 46.
[4]) Зап. Державина, 37
[5]) „Отеч. Записки“ 1848 г., т. LVII, 153, смѣсь.

колобки смотря и въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно, невѣдомо, что шепталъ, а куды оные съ волшебствомъ хлѣбные колобки употребилъ, того она, Ирина, не знаетъ". (Этногр. сборн. VI, 141) [1]).

Рядомъ съ самыми грубыми явленіями суевѣрія въ обществѣ не мало было и такихъ явленій, которыя происходили отъ ложно-направленнаго религіознаго чувства, отъ невѣжественнаго пониманія вѣры и предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе для вѣрующаго человѣка. Кто по чувству благочестія не хотѣлъ обращаться къ колдунамъ, знахарямъ и чародѣямъ, тотъ въ нужныхъ случаяхъ обращался къ тѣмъ, которые своимъ наружно-богоугоднымъ поведеніемъ давали чувствовать, что они люди высокой набожности, безукоризненно-строгаго благочестія и святости, въ силу чего они и могутъ помогать людямъ въ ихъ бѣдахъ и напастяхъ своими молитвами и ходатайствомъ предъ Богомъ.

Таковы именно были юродивые, провидцы, мнимые пророки и пророчицы, которые, прикрываясь личиною святости, въ сущности были тѣмъ же для народа, чѣмъ и чародѣи съ чародѣйками.

Въ монастыряхъ, случалось, жили мнимые провидцы—предсказатели [2]).

А. В. Кубинцевъ.

---

[1]) Въ книгѣ онѣ, вѣроятно, читалъ заговоръ, какъ приворожить дѣвушку въ родѣ слѣдующаго, записаннаго въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей: „Истопи баню жарко, и взойди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ: На морѣ—на кіанѣ, на островѣ на Буянѣ стояло древо, на томъ древѣ сидѣло 70, какъ одна птица, эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросали на землю, эти вѣти подбирали бѣси, и приносили къ сатанѣ сатановичу. Ужъ ты видъ (?) бѣсъ! И кланяюсь тебѣ и покланяюсь, сослужи ты мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги серце (имрекъ) по мнѣ и зажги всѣ печени и легкое и всѣ суставы по мнѣ (имрекъ). Будь мое слово крѣпко, крѣпче всѣхъ булатовъ во вѣки. Вели пряникъ съѣсть. („Вѣстн. Евр." 1868 г., 10, 667).

[2]) Зап. Энгельгардта, стр. 217.

Обмануть Наполеона.

Изъ неизданной части дневника И. М. Снегирева.

Подъ 10 октября 1825 г. записано: „Когда кн. Кутузову поручили начальство надъ арміею въ 1812, и когда онъ, задумавшись, сидѣлъ облокотясь, зять его Ѳ. Опочининъ спросилъ его: О чемъ вы задумались? Вѣрно о томъ, какъ разбить Наполеона?—Нѣтъ, мой другъ, я не о томъ думаю, какъ бы разбить его, на это надобна такая же армія, какъ его, а о томъ, какъ бы его обмануть!“.

Сообщилъ Н. Л.

Изъ записокъ Н. А. Скалона.

Указъ 19 февраля 1861 года навелъ меня на мысль о замѣнѣ глагола *работать*, происходящаго отъ существительнаго *рабъ*,—глаголомъ *трудовать*, имѣющимъ корнемъ своимъ существительное *трудъ*. Кажется, онъ можетъ быть принятъ и народомъ и литературой и внесенъ въ академическій словарь со всѣми своими существительными и прилагательными: труда, трудина, трудовина, затрудокъ, раструдка, трудовикъ, трудовой, трудовный.

Божіе рабы.

Царь-человѣкъ свободу даровалъ!
Никто теперь не рабъ и не работникъ:
Ужъ человѣкъ идетъ не для работъ—
А весело спѣшитъ на *трудовину*,
Трудину, *трудъ*—какъ *трудникъ*, *трудовикъ*,
Чтобъ *раструдить* свое—чужое поле,
Чтобъ получить, сберечь *затрудокъ* свой
Для подати, для нуждъ своихъ домашнихъ.
Затрудовать себѣ на черный день;
Натрудовать на отдыхъ и довольство.
И у него не валится изъ рукъ,
А полымемъ горитъ *труда*, *трудина*.
За то ему отъ Бога благодать,
Отъ общества, отъ земства исполать:
Онъ человѣкъ, всѣ скажутъ, *трудовитый*
Онъ барину *сотрудникъ*, а не рабъ;

День праздника святого, день молитвы
Считаетъ онъ, зоветъ *нетрудовымъ*.
Теперь прочны и *трудовыя* силы,
И *трудовыхъ* у насъ мильоны рукъ,
Теперь сдана работа на машины
Да на ярмо, хомутъ, сѣдло скотины.
Трудуютъ всѣ—такъ заповѣдалъ Богъ—
Ремесленникъ, художникъ, земледѣлецъ,
И гражданинъ, и воинъ, и ученый
Съ *трудою* вознося къ Творцу мольбы,
Что всѣ теперь—лишь Божіе рабы!

Сообщилъ П. Скалонъ.

Замѣтки о поѣздкахъ по С.-В. Персіи.

Предлагаю свои отрывочныя воспоминанія изъ 2-хъ поѣздокъ въ Текинскій оазисъ и сосѣднія части Персіи. Я ѣздилъ туда 2 лѣта подрядъ, въ 1881 и 1882 годахъ. Ручаюсь за правду, но не могу поручиться за интересъ этихъ воспоминаній; многія подробности стоятъ передо мной какъ живыя, случившіяся какъ будто бы совсѣмъ недавно, на другихъ поблекли краски, а можетъ быть, онѣ даже немного искажены памятью, третьи же вовсе утрачены; въ особенности ошибки возможны въ названіяхъ именъ.

1881-й годъ.

Въ серединѣ мая я пріѣхалъ въ Асхабадъ.

Покорителя Ахалъ-Теке генерала Скобелева уже не было, и я засталъ новаго командующаго войсками генерала Рерберга.

Переѣздъ изъ Тифлиса, гдѣ я находился на службѣ, въ Асхабадъ (куда я былъ командированъ), занялъ болѣе полумѣсяца. Трактъ черезъ Елизаветополь, Мингичауръ съ тучами комаровъ, рѣчки Акъ-су и Геокъ-чай, станцію Карамарьянъ, населенную русскими, памятную мнѣ своимъ роскошнымъ, цвѣтнымъ лугомъ, покрытымъ желтыми тюльпанами и красными маками, далѣе живописную Шемаху съ своими цвѣтущими садами и, наконецъ, Баку, требовалъ на переѣздъ по меньшей мѣрѣ около недѣли времени, и безъ увѣренности, что путешествіе совершится благополучно, такъ какъ переправы въ бродъ черезъ горныя рѣчки Акъ-су и Геокъ-чай были иногда не вполнѣ безопасны. Баку представился

въ непривлекательномъ видѣ—сѣрый, песочный, палимый солнцемъ, безъ клочка зелени, съ улицами политыми нефтью.

Таковъ былъ старый трактъ Тифлисъ—Баку, но уже въ слѣдующемъ году началась постройка линіи желѣзной дороги, и трактъ этотъ сдѣлался достояніемъ прошлаго, а мнѣ было жаль его, несмотря даже на всѣ невзгоды, какими часто надѣлялъ онъ меня (я говорю не въ частности только объ этомъ трактѣ); но не стало его, а мнѣ кажется, что мою свободу умалили,—раньше я самъ располагалъ своей поѣздкой, а теперь меня везутъ; жизнь какъ бы сдѣлала лишній шагъ въ направленіи къ соціальнымъ порядкамъ будущаго, а мнѣ жаль прошлаго, жаль его, какъ стараго друга.

На одной изъ станцій я встрѣтился съ полковникомъ А. командиромъ одного изъ казачьихъ полковъ, онъ ѣхалъ въ Тифлисъ изъ Асхабада. Видъ у полковника былъ необыкновенно внушительный—я себѣ представлялъ именно такимъ Тараса Бульбу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться и не особенно дружелюбно. Въ ближайшіе дни изъ Баку въ Красноводскъ отходилъ пароходъ общества Кавказъ и Меркурій; переѣздъ былъ короткій, насколько помню, меньше сутокъ, но былъ тяжелый съ несносной качкой. Красноводскъ расположенъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря у бухты съ довольно длинной дамбой. Двухъ, а можетъ быть и 3-хъ-этажный домъ, построенный тутъ же на берегу со всѣми затѣями и стоившій, вѣроятно, не малыхъ денегъ, служилъ квартирою начальника Красноводскаго приставства; въ этомъ домѣ и я нашелъ пріютъ; были, можетъ быть, еще домики кромѣ этого, но память сохранила только сакли съ плоскими крышами, лавченки и жилье армянъ-торговцевъ; не вдалекѣ была выведена каменная оборонительная стѣнка, а дальше голыя горы и пустыня съ 3-хъ сторонъ, а съ 4-й море. Нигдѣ ни одного дерева. Дѣлались попытки развести здѣсь растительность—привозились посадки и земля изъ Ленкорани, но эти начинанія постигла полная неудача. Отъ Красноводска предстоялъ небольшой переѣздъ на маленькомъ пароходѣ до поста „Михайловскій заливъ“—начальной станціи Закаспійской желѣзной дороги. (Въ настоящее время желѣзная линія идетъ прямо отъ Красноводска). Первоначально желѣзной дорогѣ была поставлена ближайшая цѣль—побороть на пути пески и большой, безводный солончакъ у Бала-Ишема и Акча-куйма. Сбиться съ дороги на старомъ трактѣ было нельзя—онъ былъ рѣзко обозначенъ скелетами верблюдовъ. Было убѣжденіе и не у однихъ, кажется, солдатъ, что верблюда можно навьючивать сверхъ всякой мѣры и что тѣмъ особенно пригоденъ, что его можно почти не кормить, да и воды онъ не требуетъ, но горькій опытъ показалъ,

что навьючивать его болѣе какъ 8-ю пудами не слѣдуетъ, а кормъ и вода ему одинаково нужны. Верблюдъ идетъ и несетъ тяжесть до изнеможенія, и если послѣ ночлега утромъ онъ не поднимется, то это значитъ, что силъ у него нѣтъ болѣе, и онъ погибнетъ; нѣкоторые безсмысленные варвары изъ солдатъ вожаковъ (какъ мнѣ говорили) подкладывали горячіе угли къ бокамъ верблюда, чтобы побудить его встать и идти, но онъ только жалобно мычалъ и все-таки не поднимался. Вода на линію доставлялась поѣздами изъ Михайловскаго залива, гдѣ работало два опрѣснителя (эта вода конечно удовлетворяла потребность, но она была совершенно безвкусною). Въ Михайловскомъ заливѣ и далѣе по линіи можно было встрѣтить совершенно новенькіе бревенчатые дома; построены они были въ Астрахани и доставлены сюда въ разобранномъ видѣ съ нумерованными бревнами. Дорога только что строилась и, когда я проѣзжалъ въ маѣ, была доведена до Казанжика, а къ осени дошла до Кизиль-Арвата. Дальнѣйшее передвиженіе отъ конца укладки до Асхабада совершалось на перемѣнныхъ казенныхъ лошадяхъ, имѣвшихся на станціяхъ Бами, Бесурма, Арчманъ, Дурунъ, Геокъ-тепе, Безмеинъ и Асхабадъ. Дорога мѣстами была необыкновенно плохая, именно тамъ, гдѣ лежалъ сплошной камень круглякъ, вынесенный сюда съ горъ дождевыми потоками. Оазисъ собственно начинался отъ Кизиль-Арвата (первая приточная и обильная вода) и тянулся неширокою полосой на юго-востокъ. Слѣва не вдалекѣ залегли пески Кара-Кумъ, а справа тянулась цѣпь горъ Копетъ-дага.

12-го января пало Геокъ-тепе, и теперь здѣсь, спустя всего какихъ-нибудь 4 мѣсяца, чувствовалась полнѣйшая безопасность—можно было ѣхать и ночью. Подъѣзжая ближе къ Геокъ-тепе, приходилось часто встрѣчать на станціяхъ дѣтей въ возрастѣ 7—10 лѣтъ, никому не принадлежавшихъ—у нихъ не было ни отца, ни матери, ни старшихъ братьевъ—все это было перебито гранатами или погибло при штурмѣ и преслѣдованіи. Вообще разгромъ Геокъ-тепе былъ полный, и туркменамъ не оставалось ничего другого, какъ подчиниться, что они сдѣлали, не тая мысли о возмедіи.

Я позволю себѣ далѣе привести нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія и небольшую историческую справку.

Позднѣе, въ сентябрѣ я провелъ ночь въ Геокъ-тепе, на холмѣ Денгиль-тепе, и трупный запахъ чувствовался очень сильно,—кругомъ въ ямахъ были зарыты тѣла убитыхъ и, вѣроятно, недостаточно глубоко, хотя ямы были залиты известкой. Разгромленная крѣпость была совершенно пустынна, и лишь вблизи Денгиль-

тепе я встрѣтилъ какое-то сомнительное жилье персіанина-огородника; огородъ его былъ тутъ же и, кажется, вполнѣ удался.

Взятіе Геокъ-тепе сопровождалось грабежемъ ковровъ, серебра, оружія, коней. Въ большинствѣ все это за безцѣнокъ перешло въ руки армянъ-скупщиковъ, попользовались и офицеры—громадный коверъ, цѣна которому была сотня рублей и больше, продавался за 3, за 5 рублей. Солдату все равно нельзя было взять ковра съ собой, и онъ отдавалъ его за то, что ему предлагали; говорили, что полковникъ А. пріобрѣлъ такое количество этихъ чудныхъ ковровъ, что впослѣдствіи для вывоза ихъ въ Тифлисъ ему понадобились 12 молоканскихъ (парныхъ) фургоновъ, и я думаю, что это, можетъ быть, и близко къ истинѣ.

Геокъ-тепинское пораженіе было возмездіемъ за неудачу 1879 года, когда управленіе генераловъ Ломакина, Борха и кн. Долгорукова потерпѣло крупную неудачу подъ тѣми же стѣнами Геокъ-тепе.

Худая и хорошая слава (разумѣется, прикрашенная) быстро распространяется на Востокѣ, въ особенности, если поражено воображеніе, и генералъ Скобелевъ сдѣлалъ все для того: при началѣ штурма взорвалась большая мина, затѣмъ начался рѣшительный штурмъ съ трехъ сторонъ и жестокое преслѣдованіе бѣгущихъ кавалеріей и конной артиллеріей въ теченіе цѣлаго дня, и въ результатѣ павшій оплотъ съ 15 т. убитыхъ и то настроеніе, которое привело къ покорности Мервъ спустя 3 года. Несомнѣнно, что впечатлѣніе было усилено и допущеннымъ грабежомъ. Пріемъ былъ жестокъ, онъ привелъ къ обогащенію одного, другого десятка хищниковъ, но онъ угнетающе подѣйствовалъ на психику туркменъ и способствовалъ прочности настроенія.

Я бесѣдовалъ съ Буджнурскимъ ханомъ какъ-то и на мой вопросъ: могутъ ли туркмены возстать противъ насъ, онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, не могутъ, они теперь будутъ вашими вѣрными слугами“. Позднѣе при Кушкѣ они доказали, что они дѣйствительно сдѣлались вѣрными слугами Россіи. Въ томъ бою погибъ мой знакомый туркменъ изъ рода Аліели изъ селенія Каахка Саидъ-Назаръ Юзъ-баши—мужчина колоссальнаго роста, пользовавшійся среди своихъ большимъ уваженіемъ. Онъ умеръ героемъ.

Жизнь туркменъ была построена на родовомъ началѣ. Текинцы дѣлились на 2 главныхъ рода—Тохтамышей и Утамышей, изъ которыхъ каждый подраздѣлялся на посредствующія группы. Власть, скорѣе представительство, находилась въ рукахъ наслѣдственныхъ хановъ—у Мервскихъ текинцевъ, у Тохтамышей главою былъ Кара-Кули-ханъ, а у Утамышей—Сары-Сердаръ. Занимались отчасти земле-

дѣліемъ, разведеніемъ овецъ, верблюдовъ, тканьемъ ковровъ (женщины), а преимущественно разбоями. Каждое персидское селеніе, обыкновенно слабо защищенное, останавливало на себѣ жадное вниманіе туркменъ. Въ защиту отъ нихъ персидская деревня представляла всегда крѣпостцу (калу) въ формѣ квадрата съ глинобитными стѣнами, имѣлись одни ворота, которыя вечеромъ запирались на ночь и держался караулъ. Нападенія туркменъ совершались большею частью подъ утро; значительная партія ихъ подъ начальствомъ сардара внезапно появлялась, приставляла привезенныя лѣстницы и врывалась въ калу. Жители, способные къ работѣ, уводились въ плѣнъ, старики и дѣти избивались, а все цѣнное имущество увозилось. На базарахъ въ Хивѣ и Бухарѣ цѣна раба-перса доходила до 100 руб. и сбытъ имъ здѣсь былъ всегда надежный, а также и женщинамъ. При взятіи Хивы русскими въ 1873 году было освобождено до 60 т. рабовъ персіянъ и всѣ они были возвращены на родину. Жизнь сосѣднихъ персіянъ (въ Хоросанѣ живутъ собственно переселенные курды) протекала подъ вѣчнымъ страхомъ смерти, плѣна и всяческаго насилія; на пашняхъ тамъ и сямъ встрѣчались небольшія глиняныя защиты, гдѣ прятался вооруженный пахарь въ случаѣ внезапнаго нападенія днемъ во время работы; укрывшись туда и заваливъ изнутри низенькое входное отверстіе заранѣе приготовленнымъ камнемъ, онъ встрѣчаетъ нападеніе.

Персидское правительство, не располагавшее организованными военными силами, на своей окраинѣ, съ трудомъ защищалось отъ нападеній туркменъ; я встрѣтилъ по р. Кешефъ-руду по дорогѣ въ Мешхедъ длинную полосу разграбленныхъ и брошенныхъ селеній, хотя впереди находилась цѣлая оборонительная линія по Гери-руду съ крѣпостью Серахсомъ и фортами Доулетъ-абадъ, Наурузъ-абадъ и далѣе Зурабадъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія персіяне собрали значительныя силы и двинулись отъ Серахса къ Мерву, чтобы покорить туркменъ, но экспедиція потерпѣла полную неудачу: персидское войско было разбито, орудія отняты, обширный обозъ разграбленъ, а несчастные сарбазы частью перебиты, частью уведены въ плѣнъ. Послѣдующій промежутокъ времени въ 20 лѣтъ (съ момента пораженія персіянъ) по 1881 годъ туркмены безраздѣльно владычествовали на всемъ сѣверо-востокѣ Персіи. Паденіе Хивы было первымъ предупрежденіемъ для нихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ плѣнъ къ туркменамъ попадали и русскіе; такъ въ 1881 году въ Мервѣ находился фейерверкеръ Кидяевъ, захваченный въ Туркестанѣ. Онъ жилъ на волѣ и пользовался любовью и довѣріемъ и занимался

врачеваніемъ. Мервцы требовали съ генерала Рерберга большой выкупъ за освобожденіе Кидяева, а ген. Рербергъ предложилъ имъ очень скромную сумму, полагая, что уплата большихъ денегъ подала бы только поводъ къ нападеніямъ для захвата плѣнныхъ; я впослѣдствіи слышалъ, что Кидяевъ вскорѣ же былъ возвращенъ безъ всякаго вознагражденія.

Не часто, но все-таки попадали и туркмены въ плѣнъ къ персіанамъ и несли тогда по-истинѣ горькую участь. Въ Буджнурдѣ на перекресткѣ 2-хъ улицъ я видѣлъ сидящаго въ клѣткѣ туркмена Гоклана; большія желѣзныя цѣпи шли отъ желѣзнаго ошейника на немъ къ рукахъ и ногамъ; онъ былъ почти голый съ всклокоченными волосами и ѣлъ то, что ему бросали. Другого, туркмена-Сарыка, я встрѣтилъ въ Серахсѣ, рабомъ у коменданта (сартипа). Тоже въ цѣпяхъ, онъ въ жаркую пору дня брызгалъ лопатою изъ канавы воду на траву, которою была закрыта задняя сторона глинянаго открытаго навѣса, въ которомъ мы сидѣли; вслѣдствіе жары и сухого воздуха, вода немедленно испарялась и температура подъ навѣсомъ сильно понижалась, такъ что въ знойный августовскій полдень, подъ широтою 36° здѣсь чувствовалась живительная прохлада; но видъ этого полуизмученнаго человѣка заставилъ меня обратиться съ просьбой прекратить его работу и увести отсюда.

Побѣда подъ Геокъ-тепе коренымъ образомъ измѣнила складъ жизни въ оазисѣ. Воинъ-туркменъ обратился въ землепашца и въ скотовода (въ пескахъ особенно хороши условія разведенія овецъ), а былая слава его подвиговъ сдѣлалась преданіемъ и сюжетомъ пѣсни; вздохнулъ и сосѣдъ персіянинъ, переставъ трепетать за свою жизнь и за жизнь своихъ близкихъ; вѣроятно на его нивахъ уже не встрѣчаются болѣе старыя конусообразныя глиняныя защиты для укрытія; онѣ сдѣлались ненужными, и ближайшее время уничтожило ихъ.

Въ началѣ августа я шелъ по Атеку, направляясь въ Серахсъ; со мной шелъ небольшой грузъ инструментовъ на мулахъ, конвой изъ 10 человѣкъ казаковъ, переводчикъ и нѣсколько туркменъ. Караванъ тянулся гуськомъ съ небольшими промежутками. Направо, по направленію къ горамъ, въ разстояніи можетъ быть версты отъ дороги или менѣе, нѣсколько человѣкъ пахало землю; въ моментъ, когда мы подошли къ нимъ поближе, они съ крикомъ бросились по направленію къ намъ, подбѣжали сначала къ передовому казаку, потомъ къ слѣдующему, потомъ ко мнѣ, снова къ казаку и пр., всѣмъ намъ пожимали руки, оживленно и весело говорили что-то и нѣкоторые показывали на свою шею; переводчикъ передалъ такъ: „они говорятъ, что были рабами въ Хивѣ, что сидѣли въ желѣз-

ныхъ ошейникахъ тамъ, что русскіе ихъ освободили, и что они очень благодарны русскимъ". Сцена была трогательная, — въ лицѣ нашемъ они приносили благодарность всѣмъ русскимъ.

Въ Асхабадѣ я не долго оставался по пріѣздѣ. Нужно было собраться къ предстоявшимъ поѣздкамъ по Персіи. Цѣль поѣздокъ— опредѣленіе географическихъ координатъ различныхъ точекъ, т. е. широтъ и долготъ ихъ, для исправленія карты сѣверо-восточной Персіи. Широты опредѣлялись измѣреніемъ зенитныхъ разстояній Polaris и другой южной звѣзды на той же высотѣ; а разности долготъ перевозкою 6 столовыхъ хронометровъ и опредѣленіями времени по одной или по 2 парамъ соотвѣтственно выбранныхъ звѣздъ на востокѣ и на западѣ (тоже измѣреніемъ зенитныхъ разстояній). Дѣло это облегчалось тѣмъ, что какъ въ оазисѣ, такъ и въ сосѣдней Персіи всѣ дни и ночи были сплошь безоблачные, и это продолжалось май, іюнь, іюль, августъ и часть сентября (страна лѣтняго бездождія) и лишь въ концѣ сентября начали появляться облака и мѣшали наблюденіямъ, а ночи сдѣлались достаточно холодными.

Сборы были непродолжительные—пріобрѣтеніе вьючныхъ животныхъ и сѣделъ не представило труда, такъ какъ въ это время нѣкоторыя учрежденія расформировывались, и имущество ихъ продавалось. Не безъ нѣкотораго тренія получилъ я отъ полковника А—аго назначенныхъ штабомъ мнѣ казаковъ; отъ него же я долженъ былъ получить и кормовыя для нихъ и фуражныя для ихъ лошадей, въ общемъ деньги довольно значительныя, вслѣдствіе поднятыхъ цѣнъ военнаго времени. Я къ нему зашелъ самъ, чтобы скорѣе подвинуть это дѣло, но оказывается, по словамъ полковника, что оно далеко не такъ просто, какъ мнѣ казалось, и что ему требуются какія-то справки и пр. Короче, онъ не даетъ мнѣ ни казаковъ, ни денегъ. Ничего не оставалось какъ уйти; уходя, я сказалъ ему, что пойду сейчасъ къ генералу Рербергу, доложу и попрошу его помощи. Не успѣлъ я сдѣлать десятка шаговъ, какъ я слышу: „Капитанъ, вернитесь, что вы такъ горячитесь? Это можно устроить", и дѣйствительно черезъ какіе-нибудь $^1/_2$ часа я получилъ и казаковъ и деньги на нихъ. Просто, человѣкъ хотѣлъ поломаться и показать свою мнимую власть. Деньги казакамъ я выдавалъ на руки впередъ на мѣсяцъ, и они сами довольствовались и кормили своихъ лошадей; при дешевизнѣ въ Персіи и при высокихъ окладахъ кормовыхъ и фуражныхъ, у нихъ у каждаго, за 5 мѣсяцевъ поѣздокъ, получились крупныя сбереженія—до 200 р. и болѣе; особенно былъ дешевъ и хорошъ фуражъ—ячмень и сѣно изъ люцерны (сѣянной травы съ синенькими цвѣточками), но, несмотря на всю эту деше-

визну, казаки, какъ потомъ оказалось, не пренебрегали добывать сѣно еще болѣе дешевое, т. е. попросту воровать, но дѣлали это такъ искусно, что до меня не дошло ни одной жалобы.

Жара въ Асхабадѣ стояла большая, въ моей войлочной палаткѣ-юламейкѣ (домовъ тогда не было тамъ) Реомюръ показывалъ 32,5°— стеариновая свѣча обтекала; воздухъ былъ удушливъ и неподвиженъ, и тучами носились назойливыя мухи; въ одежду и на кровать забирались иногда скорпіоны—отвратительныя твари, воскового цвѣта, похожія на рака съ колѣнчатымъ хвостомъ; укусъ ихъ впрочемъ слабо ядовитъ (они тѣмъ болѣе ядовиты, чѣмъ жарче мѣсто, напр. въ Мурзукѣ, въ Африкѣ укушеніе ихъ смертельно), а по ночамъ по верху юламейки прыгали фаланги, уничтожавшія мухъ; въ довершеніе всего не разъ приползали въ юламейку небольшія земляныя черепахи, исчезавшія потомъ куда-то.

Скоро я выѣхалъ.

Первая поѣздка моя была въ Мамудъ-абадъ, центръ провинціи Дерегезъ съ владѣтелемъ Алаяръ-ханомъ. Кстати сказать, колесныхъ дорогъ въ Персіи совершенно не было тогда, передвигаться нужно было верхомъ, а вещи перевозить вьюкомъ. Большая часть дня уходила на самый переѣздъ, въ среднемъ верстъ 35; въ серединѣ пути дѣлался привалъ съ кормомъ лошадей, а часа за 2 до захода солнца приходили на ночлегъ; сейчасъ же ставился инструментъ, и шли приготовленія къ ночнымъ наблюденіямъ, которыя продолжались часа 3—4, на слѣдующій день то же самое и такъ нѣсколько дней подъ рядъ, а затѣмъ нѣсколько дней отдыха и людямъ и лошадямъ. Была полная свобода передвиженій и наблюденій, безъ какихъ бы то ни было помѣхъ, короче—какъ у себя дома.

Алаяръ-ханъ, человѣкъ уже пожилой, тщедушный, говорятъ, жестокій, принялъ меня очень любезно; мнѣ отвели его загородный домъ въ саду, съ очень красивымъ мѣстоположеніемъ. На другой день я свидѣлся съ Алаяръ-ханомъ въ оффиціальной встрѣчѣ, въ присутствіи его приближенныхъ; онъ освѣдомился о моемъ здоровьѣ, пожалѣлъ о неудобствахъ пути, спросилъ, наконецъ, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь? Я ему отвѣтилъ, что у меня есть все, что мнѣ нужно, что на всѣ расходы я получаю деньги отъ Государя; это его удовлетворило; какъ-то онъ присутствовалъ при моихъ вечернихъ наблюденіяхъ и счелъ поэтому своимъ долгомъ прислать мнѣ на другой день стеариновыхъ свѣчей, кажется, 2 ф., но я поблагодарилъ и отклонилъ подарокъ.

Самый Мамудъ-абадъ, обнесенный глиняной стѣной, имѣлъ очень непривлекательный видъ—сѣрые однообразные заборы, окружавшіе

жилье, выходили на пыльныя, узкія улицы, кажется, ни одного дерева въ городѣ и много нищихъ, самаго отвратительнаго вида.

Отсюда я поѣхалъ въ Кучанъ, слѣдующее сосѣднее ханство, самое богатое; это владѣнія Сюджа-доуле, полуразрушеннаго старика, ежедневно къ вечеру напивавшагося виномъ. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ подъ Геокъ-тепе, онъ вскорѣ явился съ поздравленіями и подарками; Скобелева уже не было — онъ былъ далеко впереди, а его принялъ бравый полковникъ А—ій; разсказывали, что, отдаривая въ свою очередь, онъ подарилъ Сюджа-доуле вещь, самую для него дорогую (по его словамъ)—башлыкъ или что-то въ этомъ родѣ, вышитый руками его покойной жены или любимой дочери—лучшаго онъ ничего не имѣлъ и потому рѣшилъ разстаться даже съ этой вещью, драгоцѣнною по трогательнымъ воспоминаніямъ прошлаго. Не знаю, въ какой мѣрѣ оцѣнилъ Сюджа-доуле самопожертвованіе полковника и его подарокъ—эмблему; но ничего нѣтъ невѣроятнаго, что онъ былъ тронутъ, принимая даже и этотъ подарокъ изъ рукъ побѣдителя; ореолъ славы Скобелева и его доблестныхъ войскъ лежалъ на всемъ окружающемъ, не исключая и полковника.

Въ Кучанѣ я помѣстился въ абрикосовомъ саду хана, гдѣ для меня разбили прекрасную палатку. Вечеромъ явился Сюджа-доуле и затѣялъ большое торжество; казаки пѣли по его просьбѣ и онъ велѣлъ дать каждому изъ пѣвцовъ по золотой монетѣ; вечеръ заключился тѣмъ, что хана подняли, поставили на ноги и повели къ себѣ, поддерживая за обѣ руки. На другой день я двинулся на Буджнурдъ черезъ маленькій городокъ Ширванъ, принадлежавшій тоже Сюджа-доуле; здѣсь я испыталъ небольшое землетрясеніе; впослѣдствіи, лѣтъ 10 спустя страшное землетрясеніе постигло самый Кучанъ—городъ былъ разрушенъ съ большими жертвами.

Кучанъ и Буджнурдъ принадлежатъ къ области верхняго Атрека, рѣки, впадающей послѣ длиннаго пути въ юго-восточную часть Каспійскаго моря. По нижнему и среднему теченію Атрека, отъ Чакишляра на Каспійскомъ морѣ, пролегала первоначальная наша коммуникаціонная линія въ оазисъ.

Обѣ провинціи чрезвычайно плодородны; сплошныя нивы дозрѣвавшаго хлѣба, во всю ширину долины, встрѣчалъ я при переѣздахъ; это дало возможность Скобелеву организовать здѣсь закупку необходимаго продовольствія для дѣйствовавшихъ войскъ (главнымъ образомъ зерна), и съ этой стороны надежно обезпечить успѣхъ дѣла. Замѣчу, что картофель тутъ былъ почти неизвѣстенъ.

Буджнурдскій ханъ, имени котораго не помню, производилъ

впечатлѣніе болѣе цивилизованнаго человѣка; въ рукахъ его я видѣлъ однажды глобусъ, и онъ мнѣ показалъ, приблизительно вѣрно, мѣсто его Буджнурда (глобусъ онъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то заѣзжаго англичанина). Мнѣ онъ задалъ такой вопросъ: „Что вы за люди такіе, что убили своего Государя“?—Я ему сказалъ, что среди сотни милліоновъ русскихъ нашлась ничтожная шайка негодяевъ—изувѣровъ, которая и совершила это кровавое, позорное дѣло; но что конечно косвенно и на насъ на всѣхъ легла мрачная тѣнь этого ужаснаго преступленія, и отъ этого чувства нельзя отдѣлаться!—большинство убійцъ были русскіе, а мы всѣ не сумѣли предотвратить злодѣянія (не даромъ же вотъ и ханъ началъ словами: „Что вы за люди...“). Память злодѣевъ для насъ презрѣнна, и народъ уничтожилъ бы ихъ, если бы ихъ отдали на его судъ. Переводчикъ мой, молодой армянинъ съ Кавказа, былъ человѣкъ порядочный самъ по себѣ, но плохо говорившій по-русски и вообще невѣжественный, возможно, что и по-туркменски (турецки) онъ говорилъ не лучше, и всѣ объясненія съ ханами были крайне затруднительны въ случаяхъ, когда рѣчь шла о понятіяхъ общихъ, отвлеченныхъ, выходившихъ изъ ряда обыденности; приходилось ему втолковывать, и все-таки онъ перевиралъ меня, вѣроятно, такъ же какъ передавалъ невѣрно смыслъ фразъ хана; но даже и при вѣрной передачѣ, во всякомъ случаѣ, духъ живой фразы пропадалъ, а оставался только ея скелетъ, воспринятый человѣкомъ, не привыкшимъ разбираться въ разныхъ отвлеченныхъ тонкостяхъ. Объясняясь черезъ переводчика, приходилось понижаться до уровня его пониманія. Въ Буджнурдѣ я встрѣтился съ учителемъ дѣтей хана, выходцемъ изъ Египта; оттуда онъ вынесъ слабое знаніе французскаго языка съ ужаснѣйшимъ выговоромъ, онъ произноситъ, напр., an pau вмѣсто un peu (немного); вообще надо было очень внимательно прислушиваться, чтобы уловить смыслъ его фразы, а къ этому же и самъ я былъ не силенъ во французской рѣчи и разговориться намъ къ несчастію почти не пришлось. Онъ обучалъ дѣтей хана въ числѣ разныхъ предметовъ и французскому языку и получалъ ничтожное вознагражденіе. Кстати замѣчу, что знаніе французскаго языка среди персидскихъ властей не исключительная рѣдкость; знаніе же другихъ европейскихъ языковъ отсутствуетъ совершенно.

Поѣздка въ Серахсъ.

Возвращаясь изъ Буджнурда въ Мамудъ-абадъ, я узналъ, что у генерала Реберга въ Асхабадѣ находится депутація независимыхъ

тедженскихъ туркменъ, явившаяся съ покорностію и съ предложеніемъ подданства власти Россіи. Я рѣшилъ воспользоваться этой депутаціей, какъ охраной, для своей поѣздки въ Серахсъ. Путь пролегалъ по Атреку, гдѣ не ступала нога европейца (думаю, что не ошибаюсь въ этомъ); рѣдкія поселенія туркменъ по дорогѣ были враждебны, а все пространство находилось во власти разбойничьихъ мервскихъ шаекъ. Депутація была малочисленна и матеріально конечно не могла меня особенно усилить, но, своимъ присутствіемъ въ составѣ конвоя, она давала мнѣ нравственную поддержку; это была своего рода страховка безопасности—за нашу неудачу отвѣтило бы все населеніе тедженскихъ туркменъ.

По пріѣздѣ въ Мамудъ-абадъ я немедленно отправилъ съ казакомъ донесеніе въ Асхабадъ къ генералу Рербергу съ просьбой поручить прибывшимъ туркменамъ проводить меня въ Серахсъ, а также прислать ко мнѣ офицера для производства глазомѣрной съемки пути.

Ждать мнѣ пришлось недолго—кажется, на третій день къ вечеру пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Мамудъ-абадъ офицеръ и говоритъ, что онъ командированъ генераломъ Рербергомъ сопутствовать мнѣ для производства съемки, что экспедиціи туркменъ приказано меня сопровождать до Серахса, и что она уже выѣхала и завтра будетъ въ Лютфабадѣ, въ 20 верстахъ отъ Мамудъ-абада. Въ первый моментъ, когда я услышалъ все это, я былъ безконечно счастливъ и встрѣтилъ этого офицера какъ родного; картины предстоявшей поѣздки, полной приключеній, возникали въ моей головѣ; временами казалось, что это только мечта, но присутствіе рядомъ со мной посторонняго спокойнаго офицера убѣждало, что это дѣйствительность, и я снова чувствовалъ приливъ высокой радости.

Лютфабадъ лежитъ на кратчайшемъ пути въ Серахсъ, и мнѣ завтра предстояло тоже двинуться туда, чтобы, встрѣтившись съ туркменами, продолжать путь далѣе. Я отдалъ соотвѣтственныя распоряженія по своей маленькой казачьей командѣ и отправился произвести необходимыя начальныя наблюденія. По окончаніи ихъ нужно было лечь спать скорѣе, такъ какъ завтра предстоялъ ранній выходъ, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ и одна греза смѣняла другую.

Переѣздъ въ Лютфабадъ занялъ часовъ 5, и къ 11 часамъ я былъ на мѣстѣ, въ помѣщеніи сына Алаяръ-хана, посаженнаго отцомъ правителемъ Лютфабада. Туркмены были здѣсь. Это были: Ходжа-Кули-ханъ, невзрачный, тихій, пожилой человѣкъ и Овасъ-Сердаръ, тоже не молодой, но полный жизни, тучный, шумно-говорливый ве-

ликанъ; остальныхъ было человѣка 4, но это были лица второстепенныя, частью слуги; одного изъ этихъ послѣднихъ, Акъ-Мурата, я взялъ вскорѣ къ себѣ въ услуженіе за 30 р. въ мѣсяцъ въ качествѣ проводника.

У туркменъ оказались подарки генерала Рерберга, напр. халаты, часы и др. Овасъ-Сердаръ успѣлъ уже испортить часы и очень настойчиво просилъ меня, чтобы я ему ихъ поправилъ, но я былъ не въ силахъ сдѣлать это. Часы для него были забавной и отчасти цѣнной игрушкой, а сами по себѣ, какъ указатель времени, совершенно ему были не нужны. Солнце на небѣ и собственныя ощущенія достаточно точно указывали ему, что̀ ему дѣлать—чувство голода призывало его къ ѣдѣ, и онъ тогда весь отдавался этому занятію, ѣлъ до отвалу, а въ заключеніе говорилъ: „баста“. (Такимъ образомъ употребительное нынѣ слово забастовка туркмено-турецкаго корня); также онъ отдавался и сну; вообще никакихъ ограниченій, никакихъ рамокъ. Можетъ быть, несложныя хлопоты по хозяйству, изрѣдка болѣзнь, заботы о молодой женѣ приносили и ему тревоги, являясь небольшими темными пятнами на ясномъ фонѣ его безмятежнаго настроенія; но во всякомъ случаѣ пятна эти скоро исчезали, и стоялъ онъ снова здоровый, могучій съ видомъ полной удовлетворенности.

Я обратился къ нимъ съ привѣтомъ, сказалъ, что мужество и храбрость ихъ извѣстны всѣмъ и вызываютъ удивленіе, что я самъ, если бы не былъ русскимъ, хотѣлъ бы сдѣлаться туркменомъ и пр. Было рѣшено на слѣдующій день утромъ выѣхать, но они дали мнѣ замѣтить, что порученіе генерала Рерберга было для нихъ неожиданно и совершенно не отвѣчало ихъ желаніямъ. Этотъ разговоръ я не продолжалъ и предложилъ имъ чаю. Остатокъ дня мы провели отдѣльно, а вечеромъ я занялся наблюденіями въ Лютфабадѣ.

Первый день пути прошелъ, какъ проходили всѣ дни и раньше въ путешествіяхъ по Персіи, т. е. была сдѣлана сперва часть перехода (верстъ 15), затѣмъ остановились на 2-хъ часовой привалъ и наконецъ прошли остальную часть до мѣста ночлега и наблюденій. Я и казаки помѣстились въ tente-abri, а туркмены въ калѣ у своихъ пріятелей. Инструментъ стоялъ на мѣстѣ, и я выжидалъ сумерекъ, чтобы начать наблюденія. Подходитъ переводчикъ и заявляетъ, что пришелъ по порученію туркменъ передать мнѣ ихъ требованіе-ультиматумъ: ежедневно я долженъ выдавать на продовольствіе Ходжа-Кули-хану и Овасъ-Сердару каждому по 3 рубля, а если я откажусь это сдѣлать, то они меня покинутъ. Ничего не

оставалось, какъ согласиться. Они сдѣлали подсчетъ своихъ силъ и нашихъ и пришли къ выводу, благопріятному для себя, почему и предъявили такое требованіе, а я, уступивъ имъ, какъ бы тѣмъ признался, что оцѣнка силъ была сдѣлана ими правильно. Расходъ денегъ на удовлетвореніе ихъ требованія былъ въ сущности не великъ, не болѣе 50 р. за 8 дней пути, но форма требованія была обидно-безцеремонна. Ночь прошла безъ всякихъ приключеній, держался 2-мя смѣнными казаками строгій караулъ. Настало ясное утро, и мы тронулись въ путь. На привалѣ произошелъ инцидентъ довольно глупаго свойства и по моей винѣ, вслѣдствіе моей уступчивости. Приходитъ изъ калы большая толпа туркменъ, предводимая Сердаромъ, и требуетъ, чтобы я ихъ разсудилъ (случай какого-то довольно сложнаго воровства); я рѣшительно отказывался отъ роли судьи, говоря, что я занятъ совершенно другимъ дѣломъ, что у меня нѣтъ опыта, что у насъ другіе законы, но Сердаръ твердилъ свое и началъ опять угрожать—что не поѣдетъ со мной, если я не исполню ихъ просьбы, и я имѣлъ слабость уступить; и вотъ начинается сумбуръ безтолковаго судилища, а самъ я очутился вполнѣ безпомощнымъ; къ счастію все это кончилось ничѣмъ, и мы благополучно добрались до ночлега.

Вечеръ проходилъ обычнымъ порядкомъ, т. е. я наблюдалъ и въ свободныя минуты въ ожиданіи появленія той или другой нужной звѣзды, пилъ чай. Пилъ и Сердаръ въ калѣ свой гекъ-чай и надумалъ, что ему будетъ гораздо покойнѣе выступать съ ночлега не одновременно со мной, а позднѣе и догонять меня на привалѣ, пользуясь разностью нашихъ ходовъ—его быстраго прохода (скорѣе чѣмъ шагъ) и моего караваннаго шага; съ этимъ предложеніемъ явился переводчикъ. Хотя при новомъ порядкѣ движенія охрана временами прерывалась, но я не могъ не согласиться и не уступить. Переводчикъ такъ началъ: „Сердаръ говоритъ, что вы идете тихо, а конь его идетъ скоро, и ему тяжело съ вами идти и т. д. „Вся суть была, конечно, въ томъ, что Сердаръ, учитывая силы, считалъ господиномъ положенія самого себя и предъявлялъ одно требованіе за другимъ. Такъ на другой мы и вышли одни, а туркмены догнали насъ только на привалѣ. Цѣны на продукты и на фуражъ чувствительно поднялись въ пути, можетъ быть, въ два или три раза. Для меня это послужило опредѣленнымъ указаніемъ на недрожелюбное настроеніе придорожныхъ туркменъ и съ этой стороны меня потревожило. Казаки тоже насторожились—это было замѣтно и по ихъ строгому виду и по тишинѣ, царствовавшей на бивакѣ; трудно, конечно, сказать, что происходило въ это время въ казачьей душѣ, но я думаю, что матеріальная потеря (переплата

нѣсколькихъ рублей) сыграла тоже не послѣднюю роль въ ихъ самочувствіи. Молча, безъ шутокъ и смѣха поднялись и пошли дальше. Путь тотъ же—сплошная равнина и впереди и слѣва горизонтъ совершенно открытъ, а направо высокія горы Келата. Тонкой ниткой вытянулся караванъ и ступаетъ безмолвно; дѣлается повидимому все то же, что и раньше, но только съ какою-то оглядкой, чтобы не нарушить грустно-тяжелое чувство, овладѣвшее всѣми; я думаю, что таково бываетъ настроеніе похоронной процессіи.

Я крикнулъ, чтобы выѣхали пѣсельники впередъ и, кажется, предугадалъ тѣмъ общее желаніе, и громкая пѣсня огласила неподвижный воздухъ. Бодрящіе звуки стройнаго хора призывали къ единенію, къ взаимной выручкѣ, и маленькій отрядъ ожилъ и сдѣлался неузнаваемымъ. Пѣсня лилась почти безъ перерыва, и съ нею мы подошли къ мѣсту ночлега, къ большому селенію Душакъ, когда уже вечерѣло, и на верхушкахъ Келатскихъ горъ лежали слабо окрашенныя розовыя тѣни.

Высыпавшія кучки туркменъ окружили мѣсто нашего бивака четвертнымъ кольцомъ зрителей, молчаливыхъ, упорно и недружелюбно смотрѣвшихъ. Такъ они сидѣли долго, пока совершенно не стемнѣло, а потомъ понемногу начали расходиться. Я тогда приступилъ къ наблюденіямъ; ночь прошла тихо, а утромъ вышли дальше. Дошли и до привала, напились чаю [1]), накормили и напоили лошадей, а туркменъ все нѣтъ; я велѣлъ вьючить лошадей, чтобы идти дальше, какъ Акъ-Муратъ, вглядываясь вдаль въ едва замѣтныя точки на горизонтѣ, сказалъ: „вонъ ѣдетъ Сердаръ, его надо подождать, а то будетъ сердиться“. Часть каравана я все-таки отправилъ впередъ, а остался самъ, оставилъ мула съ принадлежностями для чая, переводчика и двухъ или трехъ казаковъ. Подъѣзжаетъ Сердаръ съ видомъ страшно недовольнымъ; снимаетъ сапогъ и показываетъ мнѣ на ногѣ слабо стертое мѣсто, переводчикъ передаетъ: „Сердаръ говоритъ, что это все черезъ васъ, что онъ очень сердитъ“. „Пусть пьетъ чай“, сказалъ я. Онъ отказывается отъ чая, ругается еще. Я почувствовалъ, что именно теперь рѣшается вопросъ—попаду ли я въ Серахсъ, или нѣтъ. Я подхожу къ Сердару, зову переводчика и говорю такъ: „скажи ему, что онъ с...нъ сынъ“. Переводчикъ широко раскрылъ глаза и молчалъ. Я крикнулъ: „говори же“. Наконецъ сказано. Сердаръ быстро встаетъ и надѣваетъ сапогъ. „Говори ему теперь“,—продолжаю я,—„если онъ думаетъ, что я его боюсь, то пусть знаетъ, что жизнь

[1]) Въ жару въ походѣ чай драгоцѣнное, не замѣнимое средство утолить жажду и подкрѣпить силы.

мнѣ не дорога, и вспомнитъ, что у насъ есть 10 берданокъ и на каждую берданку ляжетъ 10 негодяевъ". Передано. Тонъ моего голоса—рѣзкій, повелительный и слова, не оставлявшія сомнѣнія, произвели волшебное дѣйствіе. Сердаръ, забывъ про боль въ ногѣ, бросился къ моей лошади и, держа стремя, сказалъ: „садись, баяръ, я твой слуга".

Это былъ дѣйствительно счастливый моментъ, въ который и рѣшилась судьба поѣздки. Всѣ поняли и я, и Сердаръ, казаки и туркмены, что съ этого мгновенія господиномъ положенія сдѣлался я, а туркмены съ Сердаромъ—покорными нашими слугами. Выигрываетъ тотъ, кто стоитъ за себя до послѣдняго. Я предложилъ Сердару все-таки напиться чаю, но онъ отказался, и мы тронулись. Казаки шли съ пѣснею, и смѣлое настроеніе неизмѣнно царило въ маленькой командѣ.

Сердаръ и нѣсколько туркменъ отдѣлились отъ насъ и взяли вправо, ближе къ горамъ.

Немного позднѣе Акъ-Муратъ обратилъ мое вниманіе на нихъ, „фазановъ ловятъ",—сказалъ Акъ-Муратъ. Мы увидѣли, что туркмены неслись карьеромъ, затѣмъ остановились, слѣзли съ лошадей, помѣшкали, снова сѣли и поѣхали въ нашу сторону.

Дѣло же происходило у нихъ такъ: они подняли фазановъ и понеслись за ними, отставая отъ нихъ сначала; но фазаны летятъ недолго и скоро опускаются, а въ это время подскакиваютъ туркмены; фазаны поднялись снова, и погоня продолжалась; перелеты усталыхъ фазановъ дѣлались все короче и короче и, наконецъ, обезсиленные, они были уже не въ состояніи больше летѣть и ихъ взяли живыми прямо руками. Сердаръ мнѣ вручилъ собственноручно 2-хъ живыхъ фазановъ.

Ночлегъ былъ въ Меана, гдѣ мы расположились совершенно спокойно; ночью наблюдалъ. На другой день былъ сдѣланъ небольшой переходъ въ Чаача, куда мы пришли, вѣроятно, до 12-ти часовъ. Отсюда до Серахса оставался только одинъ переходъ, верстъ въ 60, безводный. Ночью наблюдалъ; блестѣвшія, мѣдныя части инструмента привлекали вниманіе туркменъ, они думали, что это золото—я часто слышалъ произносимое ими слово „Кизылъ", что значитъ золото и красный. Утромъ запаслись водою и вышли—переходъ нужно было сдѣлать въ одинъ день. На привалѣ сварили чай, а остатокъ воды отдали лошадямъ, каждой пришлось по кастрюлѣ средней величины, и вышли, чтобы сдѣлать послѣдній полупереходъ.

Тяжело было идти—устали и люди и лошади. Насталъ вечеръ, вечеръ смѣнился ночью, а мы все шли. Ночь была темная, хотя

небо было безоблачное, какъ всегда. Сердаръ указалъ рукою направленіе на Серахсъ, а опредѣлилъ по Полярной на глазъ азимутъ этого направленія—Ю.-З-ый градусовъ 30°. Я самъ повелъ партію, оглядываясь временами назадъ на Полярную, а Сердаръ отказался вести, сказавъ, что онъ не былъ здѣсь лѣтъ 15 и можетъ заблудиться. Замѣчу здѣсь, что туркмены, какъ степняки, отлично знакомы съ суточнымъ движеніемъ звѣздъ. Они прекрасно знаютъ Полярную, считаютъ ее неподвижною и называютъ ее Темиръ-Казыкъ, что значитъ желѣзный колъ, затѣмъ сказаніе ихъ говоритъ такъ: къ этому желѣзному колу привязаны 2 лошади—Акъ-бузатъ и Кекъ-бузатъ (бѣлая и буланая лошади) двѣ яркія звѣзды Малой Медвѣдицы β и γ; а 7 братьевъ разбойниковъ (7 яркихъ звѣздъ Большой Медвѣдицы) хотятъ украсть этихъ 2-хъ лошадей, но это имъ не удается—такъ крѣпко тѣ привязаны къ желѣзному колу. Оригинальная фантазія, созданная народомъ-хищникомъ. Мы шли подъ конецъ дороги, но къ счастью мѣсто было вездѣ одинаково ровное, безъ малѣйшихъ препятствій. Ночь была глубокая, чувствовался даже предразсвѣтный холодокъ, а мы все шли и въ упоръ наткнулись на Серахсъ.

Какъ вѣрно дано было значитъ направленіе! На крѣпостныхъ стѣнахъ замелькали огни, послышались крики. Тогда только, вглядываясь въ пространство передъ собою, я сталъ отличать неопредѣленную темную массу, еще болѣе темную, чѣмъ была сама ночь. Я подъѣхалъ съ переводчикомъ ближе къ стѣнѣ въ направленіи къ виднѣвшемуся на верху фонарю; оттуда послышались крики, чтобы мы не подъѣзжали близко, а то будутъ стрѣлять; я остановился, а переводчикъ подъѣхалъ ближе. Переговоры ни къ чему не привели, въ крѣпости полагали, что пришли туркмены, чтобы ограбить. Что было дѣлать? Я призвалъ Сердара на совѣтъ и предложилъ ему отойти отъ крѣпости и ждать разсвѣта, до котораго оставалось очень не долго; но Сердаръ, старый степной волкъ, сказалъ, что этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать—что персіане сами нападутъ, разсчитывая на нашу слабость, что, напротивъ, нужно подойдти къ воротамъ и начать переговоры. Мы такъ и сдѣлали. Все населеніе крѣпости было на ногахъ. Сквозь большія продольныя щели массивныхъ воротъ видны были сарбазы, заряжавшіе съ дула свои ружья. Сверху, изъ выступа стѣны на насъ глядѣло нѣсколько паръ глазъ, и оттуда кричали: „пришли на алламанъ“, т. е. пришли грабить—они видѣли папахи туркменъ и казаковъ и убѣждались въ своемъ предположеніи. Воротъ не отпирали, говорили, что отпереть сами они не могутъ или, вѣрнѣе, не имѣютъ права, что сартипъ въ Мешедѣ, а сынъ его въ банѣ. Наконецъ

убѣдились, вѣроятно, что страхи ихъ были напрасны, отворили ворота и провели меня въ какое-то помѣщеніе.

Настало утро. Я былъ помѣщенъ въ какой-то глиняной полуоткрытой постройкѣ, устланной коврами. Вблизи была крѣпостная стѣна, именно одинъ изъ исходящихъ угловъ ея.

Явился сынъ сартипа, человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, и очень любезный. Послѣ всякихъ ненужныхъ разговоровъ, которые однако считаются обязательными, въ родѣ освѣдомленія о моемъ здоровьѣ, онъ предложилъ мнѣ взойти на барбетъ въ исходящемъ углу, гдѣ открыто стояло мѣдное орудіе, примѣрно 4-хъ ф. калибра; продѣланы были пріемы заряжанія орудія артистически, въ особенности прекрасно дѣйствовалъ номеръ съ банникомъ. Орудіе заряжалось съ дула; помѣстили на мѣсто зарядъ и снарядъ и выстрѣлили передъ собою; въ общемъ, конечно, это было не особенно смертоносное орудіе, но даже и такихъ орудій было немного на вооруженіи Серахса. Не успѣли мы возвратиться назадъ, какъ насъ привѣтствовалъ хоръ трубачей, но я плохой цѣнитель музыки и былъ не въ состояніи отнестись къ разыгрываемому произведенію съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживало; помню, что я былъ очень радъ, когда трубачи ушли.

Серахсъ, какъ крѣпость, имѣлъ ничтожное значеніе, развѣ только какъ оплотъ противъ туркменъ; стѣны изъ сбитой глины, толщиною до сажени, могли быть совершенно срыты 9 фун. старыми орудіями, передъ стѣною, кажется, не было даже рва, а стѣна въ планѣ представляла рядъ входящихъ и исходящихъ частей; съ внутренней стороны шелъ непрерывный банкетъ.

Окрестные туркмены держали Серахсъ въ постоянной осадѣ— отобьютъ у сартипа стадо барановъ, а потомъ ему же и продадутъ ихъ. Защитники Серахса, сарбазы, вызывали во мнѣ преимущественное чувство жалости; я зналъ, что эти люди были оторваны отъ далекой родины и заброшены въ постылый Серахсъ на томительное, безотрадное существованіе. Нерѣдко между ними попадались и старики. Днемъ бывалъ моментъ (мнѣ такъ говорили), когда весь жалкій гарнизонъ предавался куренію терьяка (опіумъ) и впадалъ въ забытье и галлюцинировалъ. Дѣйствительность была такъ жалка, а грезы были такъ прекрасны, что отъ бѣднаго сарбаза требовались нечеловѣческія усилія, чтобы противостоять искушенію уйти изъ этой жалкой дѣйствительности и не предаться грезамъ. Въ Серахсѣ я пробылъ 2 дня; къ вечеру перваго дня собрались въ обратный путь Ходжа-Кули-ханъ и Овасъ-Сердаръ. Вели они себя здѣсь очень скромно. Сердаръ просилъ меня, чтобы я обезпечилъ ему безпрепятственный отъѣздъ домой на Тедженъ. „Персіане плохой народъ“,

прибавлялъ онъ тихо: „видя малочисленность нашу, они на насъ нападутъ“. Я обратился къ сыну сартипа и просилъ его самого успокоить на этотъ счетъ Сердара. Разстались добромъ. Акъ-Муратъ остался у меня.

Обѣ ночи я наблюдалъ; сейчасъ же послѣ наблюденій второй ночи мы вышли изъ Серахса на Мешхедъ. Меня сопровождалъ до перваго ночлега сынъ сартипа; онъ же настоялъ на выходѣ ночью, желая вѣроятно избѣгнуть дневной жары, хотя это противорѣчило и желанію моему и обыкновенію—идти днемъ и оставаться на мѣстѣ ночью.

За всѣ любезности сына сартипа, я, къ несчастію, не имѣлъ ни малѣйшей возможности чѣмъ-нибудь его отдарить: со мной не было ни одной порядочной вещи, которую можно бы было оставить ему на память. Дальнѣйшій путь пролегалъ долиною Кешефъ-руда, вѣроятно одною изъ историческихъ дорогъ; вода въ рѣкѣ солоноватая. Здѣсь лежала та полоса разграбленныхъ и покинутыхъ селъ, о которой я упоминалъ ранѣе. Ближе къ Мешхеду стали попадаться жилыя мѣста.

Переводчикъ какъ-то передалъ мнѣ, что попутные персіяне спрашивали Акъ-Мурада про меня—молюсь ли я Богу? „Должно быть, что молится“, отвѣтилъ Акъ-Мурадъ, „я видѣлъ, какъ онъ на солнце смотритъ часто“.—„А не ѣстъ ли онъ змѣй?“ спросили персіяне.—„Утвердительно сказать не могу, не видѣлъ“, отвѣтилъ Акъ-Мурадъ.

Къ Мешхеду я подходилъ часовъ въ 11.

Издали были видны зеленыя живописныя кущи садовъ, на которыхъ отдыхалъ глазъ послѣ вида желтыхъ, мертвенно-печальныхъ горъ, окаймлявшихъ долину. Надъ зеленью возвышался, блестѣвшій яркимъ золотомъ, шаровой куполъ храма Имамъ-Ризы. Четыре гигантскія свѣчи окружали храмъ, онѣ горѣли яснымъ, колеблющимся пламенемъ, воздухъ надъ ними рѣялъ и поднимался къ небу. Видъ былъ чарующій, а впечатлѣніе отчетливо реально. Я не сомнѣваюсь, что душа правовѣрнаго должна испытывать высокое молитвенное настроеніе при видѣ этого необыкновеннаго зрѣлища. Но это были не четыре горѣвшія свѣчи, а четыре минарета съ золочеными головами, тонкіе, изящно-вытянутые вверхъ; я не могу отчетливо разобраться въ этомъ свѣтовомъ эффектѣ. Несомнѣнно, что солнце нагрѣвало золоченые верхи минаретовъ, отъ нихъ нагрѣвался прилегающій воздухъ и колеблясь поднимался къ верху.

Въ Мешхедѣ я остановился въ домѣ нашего консула г. Насарбекова, татарина, уроженца Кавказа. Я пробылъ у него сутки, а затѣмъ перебрался за городъ и расположился въ палаткѣ: всегда и вездѣ я предпочитаю останавливаться у самого себя, т. к. здѣсь мнѣ было удобнѣе наблюдать, а главное—была возможность связаться съ

куполомъ Имамъ-Ризы. Мѣсто вокругъ храма (тутъ же находится главная торговля) считается, по словамъ Насарбекова, запретнымъ, куда немусульмане входить не могутъ. Улицы, по которымъ я проѣзжалъ, были почти пустынны, жилые дома не выходятъ на улицу, они скрыты высокими глиняными стѣнами, между которыми, какъ корридоръ, пролегаетъ улица. Незадолго до моего пріѣзда прибылъ въ Мешхедъ на сотняхъ муловъ новый правитель Хоросана Сапехъ-Соларъ-садразамъ, смѣнившій брата шаха (Шахъ-Заде), человѣкъ европейски образованный, первый сановникъ Персіи, ѣздившій въ Петербургъ поздравлять отъ имени шаха Государя Александра III-го со вступленіемъ на престолъ. Кажется, что онъ попалъ въ немилость и посланъ былъ въ почетную ссылку.

Насарбековъ былъ противъ того, чтобы я представлялся Сапехъ-Соляру, а я особенно на этомъ не настаивалъ и уѣхалъ оттуда, не видѣвъ его. Спустя мѣсяцъ или можетъ быть два, я узналъ въ Асхабадѣ, что Сапехъ-Соляра уже нѣтъ болѣе въ живыхъ—его отравили. Было ли это дѣло муллъ, которыхъ потревожилъ Сапехъ-Соляръ, желая установить отчетность по расходу суммъ храма Имамъ-Ризы или таково было приказаніе изъ Тегерана, я не знаю. Онъ былъ отравленъ въ Келатѣ, при объѣздѣ провинцій.

Для мусульманъ-шіитовъ Мешхедъ—святыня; паломники прибываютъ сюда издалека; всякій побывавшій въ Мешхедѣ можетъ прибавить къ своему имени названіе „Мешады“.

Невдалекѣ отъ Мешхеда находятся раскопки бирюзы на древнихъ кладбищахъ. Новая бирюза (ени маденъ) зеленовато-голубого цвѣта, плоская, очень дешева; старая бирюза (ески маденъ) темно-голубого цвѣта и высокой формы, очень дорога.

Я до сихъ поръ ни слова не сказалъ о моемъ спутникѣ офицерѣ Ставропольскаго полка Л—вѣ; это былъ, спокойный человѣкъ, не расположенный къ изліяніямъ, и мы дѣлали каждый свое дѣло, мѣшая другъ другу. Свою работу онъ отвезъ въ штабъ. Я не могу не сказать въ заключеніе, что успѣхомъ своей поѣздки въ Серахсъ я цѣликомъ обязанъ снисходительному ко мнѣ расположенію и содѣйствію во всемъ командующаго войсками П. Ѳ. Рерберга.

Изъ Мешхеда я вернулся въ Мамудъ-абадъ, а затѣмъ въ Асхабадъ. Потомъ сдѣлалъ еще нѣсколько рейсовъ по оазису и поѣхалъ черезъ Красноводскъ, Баку обратно въ Тифлисъ, куда прибылъ 13 декабря.

П. Гладышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новгородское ополченіе 1812 года и памятникъ ему въ Новгородѣ.

6 іюля 1812 года Императоръ Александръ I манифестомъ объявилъ своимъ вѣрноподданнымъ:

„Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе наше воинство, полагаемъ мы за необходимо нужное: собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній.

Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ

его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій Синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ Русской! храброе постоянство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремившихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и со оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

„Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель“.

Услыхавъ царскій призывъ на защиту родины, новгородцы „всякаго чина и званія“ единодушно поднялись на „супостата“ и въ одинъ мѣсяцъ собрали ополченіе въ 20.000, при чемъ всѣ хлопоты по составленію ополченія и его содержаніе приняли на себя дворяне, а купцы пожертвовали 200.000 рублей на военныя нужды.

Ополченіе состояло изъ 4 бригадъ, въ 1813 году переформированныхъ въ 2 бригады, 12 дружинъ и 48 сотенъ, или изъ 27 штабъ-офицеровъ, 244 оберъ-офиперовъ, 681 урядника, 94 барабанщика и 9.747 солдатъ, изъ которыхъ 9.440 были строевые, и 307 нестроевые, и 43 писаря; кромѣ того, при ополченіи еще были 4 священника, 4 причетника, 3 врача и 2 фельдшера.

„Губернскимъ начальникомъ новгородскаго ополченія“ былъ избранъ генералъ-отъ-инфантеріи, Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ, а „командующимъ ополченіемъ“—генералъ-маіоръ и камергеръ, Александръ Алексѣевичъ Жеребцовъ.

Какъ только ополченіе было составлено, оно немедленно выступило въ походъ и, прибывъ въ дѣйствующую армію, вошло въ составъ корпуса графа Витгенштейна, съ которымъ и было во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ. Особенно отличилось Новгородское ополченіе при взятіи города Полоцка и затѣмъ въ наступательномъ движеніи корпуса графа Витгенштейна по лѣвому берегу рѣки Двины при осадѣ и взятіи города Данцига.

Изумительное мужество и храбрость новгородскаго ополченія засвидѣтельствовано самимъ Императоромъ Александромъ I въ „Указѣ Сенату, объ освобожденіи отъ службы ополченій: С.-Петербургскаго, Новгородскаго, Ярославскаго, Тульскаго и Калужскаго и о роспускѣ оныхъ по домамъ 22 января 1814 года“ такого содержанія:

„Безпрерывная цѣпь побѣдъ, въ кампанію 1813 года одержан-

ныхъ надъ непріятелемъ, привела союзныя арміи въ нѣдра уже самой Франціи, и многія знаменитыя крѣпости, составлявшія твердую защиту его, уступили храбрости, мужеству и терпѣнію побѣдоносныхъ войскъ Россійскихъ.

Такъ покоренъ нынѣ послѣ годичнаго упорнаго сопротивленія и Данцигъ, при осадѣ коего столь много разъ отличало себя ополченіе, на защиту отечества въ 1812 году возставшее. Принеся благодареніе Всевышнему, покровительствующему оружіе наше и правое дѣло, мы не считаемъ болѣе нужнымъ послѣ успѣховъ таковыхъ удерживать на службѣ ополченія: С.-Петербургское, Новгородское, Ярославское, Тульское и Калужское, и потому, исполняя обѣщаніе наше, повелѣваемъ распустить оное по домамъ.

Изъявляя отъ лица признательнаго отечества благодарность всѣмъ чинамъ ополченія сего за ревность и усердіе, съ каковымъ продолжали они временную службу, мы желаемъ, чтобы воины, пріобрѣвшіе славу на полѣ чести, наслаждались оною среди семействъ своихъ въ полномъ спокойствіи и обратили себя по-прежнему на труды и промыселъ мирныхъ гражданъ". Въ то же время Императоръ написалъ рескриптъ командующему Новгородскимъ ополченіемъ о роспускѣ послѣдняго, удивительный по своей отеческой заботливости, такого содержанія:

Командующему Новгородскимъ ополченіемъ.

„Съ покореніемъ Данцига, призналъ я нужнымъ распустить по домамъ ополченіе, перенесшее въ осадномъ корпусѣ необыкновенные труды и неоднократно оказавшее мужество и храбрость въ дѣлахъ съ непріятелемъ, во изъявленіе же особеннаго благоволенія моего, приказалъ выдать при семъ случаѣ нижнимъ чинамъ не въ зачетъ жалованья по пяти рублей на человѣка единовременнаго награжденія.

Въ дополненіе тѣхъ наставленій, кои получите вы отъ мѣстнаго начальства, въ особенную обязанность и отвѣтственность вашу поставляю сбереженіе въ пути людей, такъ усердно защищавшихъ Отечество, и потому Я повелѣваю вамъ:

1-е. Не вступать въ Россію иначе, какъ чтобъ непремѣнно люди имѣли на себѣ исправную одежду, обувь и шубы, которыя отпущены будутъ изъ состоящихъ нынѣ на лицо въ Кенигсбергѣ и изъ ожидаемыхъ отъ управляющаго военнымъ министерствомъ. Дорогою тоже имѣть попеченіе объ нихъ, исправляя что нужно изъ экстраординарной суммы, какая отпущена вамъ будетъ.

2-е. Продовольствіе воиновъ въ пути и призрѣніе больныхъ составлять должны особенную заботу вашу.

3-е. Строгой порядокъ и дисциплина да соблюдуется во ввѣренномъ вамъ ополченіи по самое то время, какъ каждой воинъ вступитъ въ свое семейство.

4-е. Предъ выступленіемъ донесите мнѣ о числѣ людей, какое отправлено будетъ изъ Данцига и какое количество останется въ командировкахъ и гошпиталяхъ; равно какое число людей получено вами было при выступленіи съ губерніи; а по прибытіи въ губернію сколько распущено будетъ по домамъ и особенно сколько гдѣ по дорогѣ останется въ гошпиталяхъ и умретъ. Донесенія сіи адресовать мнѣ въ собственныя руки, дабы ближе видѣть я могъ, да какой степени простиралось попеченіе ваше о воинахъ.

5-е. Награжденіе выдать по рукамъ до вступленія въ Россію, а съ возвращеніемъ, во всей суммѣ, какая отпущена вамъ будетъ, представить отчетъ министру финансовъ".

Александръ.

Рукою Государя
Франціи
вандеврь.
Генваря 22 дня
1814 года

Скрѣпа Аракчеева: Предсѣдатель военнаго департамента Г. Аракчеевъ".

Этотъ рескриптъ былъ данъ гвардіи полковнику, Дмитрію Петровичу Десятову, ставшему командиромъ ополченія послѣ отъѣзда Жеребцова въ главную квартиру съ ключами крѣпости „Данцигъ", о чемъ свидѣтельствуетъ предписаніе Свѣчина Десятову 25 января 1815 года объ образованіи въ городѣ Новгородѣ подъ его, Десятова, предсѣдательствомъ особаго „присутствія для приведенія къ окончанію дѣлъ по новгородскому ополченію и для выправки по Архиву"; въ составъ этого присутствія, независимо отъ лицъ по выбору самого Десятова, собственно „для окончанія внутренняго", были назначены еще правитель канцеляріи капитанъ Горемыкинъ и адъютантъ отъ артиллеріи капитанъ Бабинъ и коллежскій асессоръ Мягковъ. На жалованіе всѣмъ чиновникамъ этого присутствія и на канцелярскіе расходы было назначено 2.000 рублей.

Высочайшій рескриптъ и предписаніе Свѣчина Десятову хранятся въ „Новгородскомъ Музеѣ Древностей", при чемъ первый документъ переданъ въ музей на храненіе бѣлозерскимъ помѣщикомъ, Аристархомъ Николаевичемъ Десятовымъ. По возвращеніи ополченія на родину, новгородцы задумали памятникомъ увѣковѣчить подвиги его, а также и своихъ доблестныхъ земляковъ, „за вѣру, царя и отечество на полѣ брани животъ свой положившихъ", и испросить разрѣшеніе на сооруженіе въ Новгородѣ памят-

ника ополченію 1812 года, передавъ на храненіе въ Новгородскій Софійскій соборъ знамя ополченія и его деньги въ количествѣ 7.615 рублей.

Въ 1818 году Комитетъ Министровъ разрѣшилъ подписку, которая вскорѣ открылась, а потомъ по неизвѣстнымъ причинамъ затянулась, и только 12 февраля 1839 года собравшіеся на губернское собраніе новгородскіе дворяне, по предложенію бывшаго новгородскаго губернатора Сенявина, постановили прибавить 2.195 рублей 87 копѣекъ, недостающіе по смѣтѣ, къ имѣвшимся уже для памятника 12.874 рублямъ 13 копѣйкамъ, собравъ ихъ со всѣхъ дворянъ, бывшихъ на собраніи и подписавшихъ объ этомъ постановленіе.

Всѣхъ дворянъ, участвовавшихъ на собраніи 12 февраля 1839 года, было 49 человѣкъ; это были слѣдующія лица: и. д. губернскаго предводителя дворянства, Новгородскій уѣздный предводитель дворянства—Рыкачевъ, уѣздные предводители: Крестицкій—Мусинъ-Пушкинъ, Демянскій—Аклечеевъ, Тихвинскій—Уньковскій, Боровическій—Аничковъ, Валдайскій—Азарьевъ, Устюженскій—Теслевъ, Череповецкій—Кудрявый, Кирилловскій—Головинъ и Бѣлозерскій—Алексѣевъ. Дворяне: генералъ-маіоръ Вахарловскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Диринъ, статскій совѣтникъ баронъ Ренне, капитанъ 2 ранга Шамшевъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Николай Веригинъ, поручикъ Алексѣй Бровцынъ, маіоръ Петръ Пыхачевъ, флота капитанъ 2 ранга Осокинъ, поручикъ князь Ухтомскій, флота мичманъ Ушаковъ, флота лейтенантъ Ѳедотъ Бровцынъ, подпоручикъ Семенъ Апрѣлевъ, коллежскій регистраторъ Мартыновъ, корнетъ Александръ Завалишинъ, маіоръ Селиванъ Гейнъ, прапорщикъ Яковъ Мельницкій, полковникъ Алексѣй Верещагинъ, маіоръ Александръ Дедевкинъ, подпоручикъ Сухинъ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Кемецкій, флота лейтенантъ Качаловъ, штабсъ-капитанъ князь Ухтомскій, поручикъ Естифѣевъ, поручикъ Палицынъ, штабсъ-капитанъ Вороновъ, капитанъ Мелыгуновъ, коллежскій ассесоръ Яковъ Рейнгольдтъ, поручикъ Ѳедоръ Гордѣевъ, подпоручикъ Егоръ Стоговъ, флота лейтенантъ Степанъ Бачмановъ, поручикъ Василій Косаговскій, штабсъ-ротмистръ Статеръ, гвардіи штабсъ-капитанъ графъ Головинъ, титулярный совѣтникъ Кононовъ, капитанъ-лейтенантъ Александръ Тешевъ, артиллеріи поручикъ Ѳедоръ Струговщиковъ, губернскій секретарь Николай Мартьяновъ, коллежскій секретарь Нилъ Мартьяновъ и скрѣпилъ и. д. секретаря дворянства Петръ Николаевскій.

Благодаря такому обороту дѣла, сооруженіе памятника быстро пошло впередъ, и чрезъ годъ памятникъ былъ уже готовъ. Архитекторъ Брюловъ составилъ „Чертежи предполагаемаго къ соору-

женію въ Новгородѣ въ крѣпости противъ Софійскаго собора памятника существовавшему въ незабвенномъ для Россіи 1812 году ополченію Новгородской губерніи „съ такими изъясненіями“: „Монументъ предполагается изъ чугуна. Надписи на пьедесталѣ вызолочены:

1) Признательные дворянство и всѣ сословія Новгородской губерніи.

2) Имена чиновниковъ, служившихъ въ Новгородскомъ ополченіи.

3) Имена чиновниковъ, павшихъ за отечество на полѣ брани.

4) Отъ корпуса присутственныхъ мѣстъ: имена начальника губерніи, дворянскихъ: губернскаго и уѣзднаго предводителей, при которыхъ сооруженъ памятникъ.

Архитекторъ Брюловъ“.

Чертежъ памятника былъ представленъ на Высочайшее одобреніе Императору Николаю I, который его разсмотрѣлъ, собственноручно начертавъ надъ орломъ корону и написавъ: „прибавить корону“, и одобрилъ, что такъ отмѣчено на чертежѣ.

„Государь Императоръ рисунокъ сей разсматривать изволилъ въ С.-Петербургѣ 28 апрѣля 1839 года, при чемъ на ономъ послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: „Прибавить корону“, которую Его Величество изволилъ начертать надъ орломъ.

Статсъ-Секретарь Бахтинъ“.

По одобреніи чертежа памятникъ былъ отлитъ на С.-Петербургскомъ Александровскомъ литейномъ заводѣ за 5.876 рублей $3^4/_7$ копѣйки и поставленъ въ центрѣ новгородскаго кремля, между Софійскимъ соборомъ и зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и простоялъ до 1862 года.

Открытіе памятника было очень торжественно: 6 іюня 1840 года викарій Новгородской митрополіи, преосвященный Ѳеодотій, епископъ Старорусскій освятилъ его, выйдя изъ собора съ крестнымъ ходомъ, совершилъ молебенъ у новаго памятника въ присутствіи властей, именитаго дворянства, съѣхавшагося на такое торжество со всей губерніи, купечества, войскъ и другихъ почетныхъ сословій; по открытіи памятника былъ парадъ войскамъ, находившимся на торжествѣ.

Памятникъ сдѣланъ въ видѣ четырехграннаго кверху съуживающагося обелиска изъ зеленаго чугуна, въ 5 саженъ вышиной, на трехъ небольшихъ ступенькахъ, покоющихся на высокомъ куби-

ческомъ основаніи съ тремя широкими каменными ступенями на всѣ стороны. Верхъ обелиска украшенъ золоченымъ двуглавымъ орломъ съ Императорской короной на головѣ; на всѣхъ сторонахъ обелиска золоченыя изображенія: 1812, подъ нимъ развернутое знамя ополченія, подъ знаменемъ лавровый вѣнокъ. Пьедесталъ обелиска украшенъ слѣдующими золочеными надписями между такими же горельефами изъ различныхъ воинскихъ доспѣховъ: мечей, касокъ и щитовъ. Содержаніе надписей на пьедесталѣ слѣдующее:

1. На лицевой сторонѣ памятника (противъ Лѣтняго сада): „Признательное дворянство и всѣ сословія Новгородской губерніи".

2. На правой сторонѣ памятника (противъ Чудинцевой улицы): „Чиновники служившіе въ Новгородскомъ ополченіи въ 1812 году.

Начальники ополченія:

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. С. Свѣчинъ и генералъ-маіоръ, дѣйствительный каммергеръ А. А. Жеребцовъ.

Бригадные начальники:

Полковники: графъ И. С. Головинъ, А. А. Погребовъ, Д. П. Десятовъ и Н. П. Диринъ.

Дружинные начальники:

Подполковники: Н. О. Ушаковъ, Е. О. Амбаловъ, И. В. Свербѣевъ, князь Ѳ. Е. Мышецкій, Н. Н. Карманалѣевъ, П. А. Пѣвцовъ, М. В. Плехановъ, флота капитаны 2-го ранга В. Я. Древицкій и и С. М. Бровцынъ".

3. На лѣвой сторонѣ памятника (противъ Софійской гостиницы): „чиновники ополченія, павшіе на полѣ брани въ 1812 и 1813 годахъ.

Полковникъ А. А. Погребовъ, полковникъ Н. О. Ушаковъ, маіоръ С. Н. Кисилевъ, подпоручики: Н. Квостовъ и А. Соколовъ, прапорщикъ П. Мордвиновъ".

4. На задней сторонѣ памятника (противъ Дворянскаго собранія): „Сооруженъ въ 1840 году при состоящемъ въ должности Новгородскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ, И. Г. Сенявинѣ и дворянскихъ предводителяхъ: губерн-

скомъ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ, Н. И. Бѣлавинѣ и Новгородскомъ уѣздномъ, поручикѣ А. П. Бровцынѣ".

Въ 1862 году въ Новгородѣ былъ сооруженъ превосходный памятникъ 1000-лѣтія Россіи работы М. О. Микѣшина, благодаря чему памятникъ ополченія 1812 года былъ перенесенъ изъ кремля на Софійскую площадь, или „на газонъ", противъ дома дворянскаго собранія, гдѣ и находится теперь, со всѣхъ сторонъ окруженный низенькой чугунной рѣшеткой изъ небольшихъ круглыхъ тумбъ, соединенныхъ между собою чугунными цѣпями.

Н. Лашковъ.

Студенческіе годы.

(Воспоминанія о Варшавскомъ университетѣ).

---

14 іюня 1872 года я сдалъ послѣдніе два гимназическіе экзамена и готовъ былъ поступить въ университетъ. Сдать въ то время гимназическій экзаменъ не значило еще сдѣлаться студентомъ. Восьмыхъ классовъ гимназіи и аттестатовъ зрѣлости въ тѣ годы еще не существовало. Всякій, окончившій 7 классовъ гимназіи, долженъ былъ еще подвергнуться до зачисленія въ студенты особому повѣрочному испытанію въ присутствіи университетской коллегіи.

По обстоятельствамъ мнѣ выпало на долю поступить въ Императорскій Варшавскій университетъ, за три года до того преобразованный изъ Варшавской главной школы. Я избралъ юридическій факультетъ.

Вмѣстѣ со мною поступали на тотъ же факультетъ нѣсколько моихъ гимназическихъ товарищей, окончившихъ подобно мнѣ тогда же Варшавскую 1-ю гимназію. Что такое этотъ повѣрочный экзаменъ въ университетѣ, ни я, ни мои товарищи, ни многіе, къ кому я обращался, доподлинно не знали. Хотѣлъ я пріобрѣсти программу этого испытанія, но ея нигдѣ не оказалось, да ея и совершенно не было. Навѣдывался я въ университетъ, но тамъ мнѣ сказали, что будетъ повѣрка знаній нашихъ профессорами и только. Признаться, эта повѣрка меня не мало смущала въ теченіе всѣхъ каникулъ. Однако дѣлать было ничего. Пришлось опять взяться за только что оставленные гимназическіе учебники и кой-что повторять по нимъ. Въ университетѣ, куда я частенько заходилъ, я узналъ, что повѣрочные экзамены назначены на конецъ августа и вскорѣ затѣмъ было вы

вѣшено росписаніе ихъ, которое внимательно читали являвшіеся подобно мнѣ по тому же случаю въ университетъ молодые люди, окончившіе въ этомъ году гимназическій курсъ. Были и семинаристы. Наконецъ, томительно ожидаемый мною, да, вѣроятно, и другими, день повѣрочныхъ экзаменовъ наступилъ.

Университетъ открылъ намъ свои двери.

Не скажу, чтобы этотъ, какъ его принято называть, храмъ науки произвелъ на меня подавляющее или даже благоговѣйное впечатлѣніе.

Храмъ этотъ во многомъ, въ очень многомъ напоминалъ оставленную мною гимназію. Простота и отсутствіе всякаго величія бросались въ глаза на каждомъ шагу. Корридоръ только былъ шире гимназическаго, да аудиторіи побольше классовъ, вотъ и все. Экзаменъ былъ назначенъ въ первый день почему-то вечеромъ. Пригласили насъ, желающихъ поступить на юридическій факультетъ, въ особую аудиторію, куда вскорѣ явился маленькій человѣкъ въ форменномъ синемъ мундирѣ, удивительно кривлявшійся и некрасивый. Это былъ профессоръ русскаго и церковно-славянскаго языка Колосовъ. Онъ предложилъ намъ написать подъ его диктовку стихотвореніе Лермонтова „Родина“. Страннымъ показалось мнѣ, что окончившихъ гимназію испытываютъ въ диктовкѣ на подобіе учениковъ 2 или 3 класса. Пришлось, однако, писать эту диктовку, которую затѣмъ тотъ же профессоръ унесъ съ собою, и я, по крайней мѣрѣ, не узналъ никогда, какъ написалъ ее. Затѣмъ тотъ же профессоръ съ другимъ—профессоромъ русской исторіи или, какъ его называли въ шутку,—я узналъ это впослѣдствіи,—докторомъ царевны Софіи Алексѣевны,—за монографію о которой онъ получилъ степень доктора русской исторіи, Аристовымъ, предложили намъ выбрать изъ числа нѣсколькихъ данныхъ ими темъ одну и написать по ней разсужденіе. Я выбралъ тему о Владимірѣ Мономахѣ и, конечно, многаго и новаго ничего написать я не могъ, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіе былъ данъ какой-нибудь часъ времени; ограничился я только тѣмъ, что зналъ объ этомъ князѣ изъ учебника Иловайскаго и „Поученія дѣтямъ“. О результатѣ и этой работы я тоже ничего не зналъ.

Экзамены шли за экзаменами въ разныхъ аудиторіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ одномъ мѣстѣ экзаменовались юристы, въ другомъ математики, тамъ филологи и, наконецъ, медики. По нѣкоторымъ предметамъ, напр., исторіи экзаменовали юристовъ и филологовъ вмѣстѣ; по древнимъ языкамъ къ нимъ присоединили и медиковъ.

Замѣчателенъ былъ экзаменъ по русской литературѣ и славян-

скому языку. Экзаменовали тѣ же Колосовъ и Аристовъ. Случалось, что вопросы, предлагаемые ими, были для насъ совершенно новы, особенно по древней литературѣ, и тогда мы ссылались на то, что этого у насъ не преподавали. Не разъ приходилось намъ выслушивать, особенно отъ г. Аристова, насмѣшки по адресу нашихъ преподавателей. По церковно-славянскому языку знатокъ его Колосовъ, проэкзаменовавъ нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей по 1-й гимназіи, заявилъ Аристову, какъ ассистенту, при одномъ моемъ неудачномъ отвѣтѣ, что вообще незачѣмъ насъ и экзаменовать по этому языку, такъ какъ все равно ни одинъ изъ насъ ровно ничего не знаетъ. И это было совершенно вѣрно. Славянскій языкъ мы проходили слегка, кажется, въ четвертомъ классѣ, потомъ, конечно, основательно все забыли и только въ 7 классѣ стали повторять это немногое, но такъ какъ на языкъ этотъ нашъ гимназическій педагогъ особенно не налегалъ, то мы объ этомъ языкѣ имѣли очень слабое понятіе. А тутъ пришлось держать по немъ экзаменъ передъ спеціалистомъ профессоромъ. Натурально, что мы торжественно провалились.

Экзаменовали насъ, юристовъ, по русской и всеобщей исторіи, латинскому и греческому языкамъ. При этихъ испытаніяхъ изъ предѣловъ гимназическаго курса выходили мало, да и профессора попались довольно снисходительные. Всѣ они напоминали мнѣ нашихъ учителей и профессорскаго, въ томъ видѣ, какъ я въ качествѣ новичка представлялъ его себѣ, оказалось въ нихъ мало. Были между ними, однако, и извѣстные ученые, напр., проф. всеобщей исторіи полякъ Павинскій, серьезный человѣкъ со скорбнымъ выраженіемъ лица. Спрашивалъ онъ меня о германскомъ императорѣ Карлѣ IV, и я ему разсказалъ все, что зналъ по Иловайскому, за что онъ и поставилъ мнѣ 4.

Наконецъ, повѣрочные экзамены кончились. Черезъ день или два узнаемъ, что мы, говорю о выпускныхъ ученикахъ 1-й гимназіи, въ количествѣ 6—7 человѣкъ изрядно таки порѣзались, но объ этомъ рѣчь впереди. Тѣмъ не менѣе, однако, послѣ тревожнаго ожиданія нашей участи мы прочли на вывѣшенномъ объявленіи, что всѣ мы приняты въ число студентовъ. Изъ числа моихъ товарищей по гимназіи на математическій факультетъ поступилъ одинъ, на медицинскій—одинъ и юридическій шесть человѣкъ, при чемъ одинъ вольнымъ слушателемъ, т. к., вѣроятно, совсѣмъ уже плохо держалъ повѣрочный экзаменъ. Здѣсь я долженъ забѣжать немного впередъ.

Результаты нашихъ повѣрочныхъ экзаменовъ сказались спустя полгода,—зимою. Тогда именно обнаружилось, что нѣкоторые изъ профессоровъ, производившихъ повѣрку гимназическихъ знаній вновь поступавшихъ студентовъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ ректора уни-

верситета Лавровскаго, который будто бы поставилъ себѣ цѣлью доказать кому слѣдуетъ, что преподаваніе въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, особенно русскаго языка, исторіи и литературы, стоитъ не на надлежащей высотѣ и ведется не въ русскомъ духѣ. Ударъ направлялся противъ попечителя округа Ѳ. Ѳ. Витте, человѣка нѣмецкаго происхожденія. Витте имѣлъ покровителя въ лицѣ тогдашняго намѣстника Царства Польскаго графа Берга, тоже лица несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія. Лавровскій, говорятъ, прикрывался министромъ народнаго просвѣщенія извѣстнымъ графомъ Д. А. Толстымъ, который былъ нерасположенъ къ Витте, какъ инородцу, но Витте пользовался сверхъ того протекціей принца Ольденбургскаго, попечителя училища Правовѣдѣнія, и былъ даже лично извѣстенъ Государю Александру II. Какъ бы тамъ ни было, инцидентъ былъ исчерпанъ такимъ образомъ, что Витте восторжествовалъ, а ректоръ Лавровскій былъ переведенъ тогда же на должность попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

Мнѣ пришлось только видѣть его и то два—три раза. Это былъ человѣкъ суровой наружности и, повидимому, сухой ученый; ученый онъ, однако, былъ извѣстный; въ университетѣ онъ читалъ на филологическомъ факультетѣ сравнительную грамматику. Имѣла ли указанная выше исторія другія, болѣе важныя послѣдствія, мнѣ не извѣстно. Возвращаюсь къ началу занятій. Открытіе лекцій было назначено на 4 сентября. Неудивительно, что въ этотъ день я былъ въ аудиторіи, гдѣ должна была происходить первая лекція по исторіи римскаго права, за долго до начала ея. Долженъ сказать, что молодежь собралась въ очень большомъ количествѣ. Какъ водится, болѣе предусмотрительные захватили мѣста на первыхъ скамьяхъ, опоздавшіе сѣли подальше. Грѣшный человѣкъ, на первыхъ же порахъ вступленія въ храмъ науки я, каюсь въ томъ, сдѣлалъ большую оплошность. Не взирая на то, что на первыхъ скамьяхъ всѣ мѣста были уже заняты—студенты занимали ихъ, помѣщая въ ящики скамеекъ свои фуражки и тетради для записыванія лекцій. я рѣшилъ, что долженъ получить мѣсто на первой скамьѣ, и положилъ свою тетрадь и фуражку въ ящикъ, гдѣ уже что-то лежало. Вскорѣ явился занявшій раньше меня это мѣсто, и надо было видѣть его,—справедливое, впрочемъ,—негодованіе по поводу моей продѣлки. Я долго потомъ слышалъ сзади себя его сердитый голосъ и разсказы нѣсколькимъ человѣкамъ о моей продѣлкѣ. Несомнѣнно продѣлка была мальчишеская. Студента этого, поляка К., я хорошо потомъ помнилъ. Дальнѣйшихъ послѣдствій это происшествіе не имѣло, но я самъ устыдился, раздумавъ о своемъ поступкѣ.

Но вотъ все стихло, и появился на каѳедрѣ профессоръ. Сту-

денты не привѣтствовали его однако, подобно, гимназистамъ вставаніемъ.

Профессоръ оказался сравнительно молодымъ человѣкомъ лѣтъ 30-ти. Лекція его ничего особеннаго въ себѣ не заключала. Это было самое обыкновенное введеніе въ курсъ исторіи римскаго права. Профессоръ Д. полякъ,—хотя далеко не принадлежалъ не только къ свѣтиламъ науки, но считался даже однимъ изъ самыхъ слабыхъ профессоровъ юридическаго факультета, оказался тѣмъ не менѣе человѣкомъ вполнѣ приличнымъ. Читалъ онъ жидкій, очень жидкій курсъ исторіи римскаго права на 1-мъ курсѣ и догму права на 2-мъ и то по тетрадкѣ, но къ студентамъ не придирался и на экзаменахъ велъ себя порядочно, что не всегда можно сказать о слабыхъ профессорахъ, которые свою бездарность желаютъ прикрыть ненужною строгостью и педантизмомъ, примѣръ чего укажу въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Профессоръ Д. какъ началъ курсъ, такъ и продолжалъ его, читая по тетрадкѣ, при чемъ изрѣдка сходилъ съ каѳедры и вступалъ со студентами въ бесѣду по поводу прочтеннаго. Экзаменъ у него оказался не труднымъ. Въ слѣдующемъ году онъ читалъ на 2-мъ курсѣ догму права съ такимъ же успѣхомъ.

Послѣ исторіи римскаго права пошли въ тотъ же день и послѣдующія лекціи исторіи Россіи, исторіи философіи древней и новой исторіи, всеобщей, средней и новой, логики, русскаго языка, которыя мы слушали совмѣстно съ филологами. Читалась намъ изъ юридическихъ наукъ кромѣ исторіи римскаго права энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ. Утромъ ежедневно отъ 8 до 9 часовъ читался совмѣстно съ филологами французскій и нѣмецкій языки, и послѣднія лекціи посѣщались по выбору, т. е. того или другого языка. Вотъ и всѣ предметы, которые я слушалъ въ теченіе 1-го курса.

Энциклопедія юридическихъ наукъ читалась солиднымъ, пожилымъ уже профессоромъ полякомъ К.; онъ былъ, кажется, раньше профессоромъ Краковскаго или Львовскаго университета. Несмотря на всѣ свои почтенныя качества, несмотря на всю свою проглядывавшую въ лекціяхъ несомнѣнную ученость и эрудицію, профессоръ К. подъ именемъ энциклопедіи юридическихъ наукъ преподносилъ намъ въ полномъ смыслѣ винегретъ изъ исторіи философіи и права. Весь курсъ его заключался во введеніи и разнаго рода общихъ обзорахъ; до самаго же предмета онъ такъ таки и не добрался. Судя по той программѣ, которую онъ намъ намѣтилъ въ одномъ изъ общихъ обзоровъ, курсъ его долженъ былъ растянуться на нѣсколько лѣтъ, въ его же распоряженіи былъ только годъ съ пятью лекціями

въ недѣлю. Читалъ онъ по тетради и начиналъ всегда очень тихо, затѣмъ оживлялся и говорилъ громче. Съ внѣшней стороны его лекціи оставляли желать довольно многаго, но матерьялъ сырой онъ давалъ въ обильномъ количествѣ. Чего только въ этихъ лекціяхъ не было. Профессоръ видимо самъ былъ подавленъ своими познаніями и обиліемъ нагромождаемыхъ имъ свѣдѣній; онъ постоянно отвлекался въ сторону, и мы не могли положительно уловить какой-либо системы въ его изложеніи. Лекціи К. были по-просту ученымъ разговоромъ—много знающаго учителя съ учениками. Другого значенія они не имѣли и понятіе объ энциклопедіи права, какъ наукѣ, давали слабое. При всемъ томъ, однако, не могу не сознаться, что, несмотря на всякое отсутствіе системы, профессоръ К. приносилъ несомнѣнно пользу своимъ слушателямъ, развивая ихъ въ научномъ отношеніи и сообщая свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ исторіи и философіи права. К. за свои внутреннія качества пользовался большимъ уваженіемъ какъ профессорской коллегіи, такъ и студентовъ. Подсмѣиваясь надъ его общими обозрѣніями, отклоненіями въ сторону и отсутствіемъ системы въ преподаваніи, послѣдніе его все-таки искренно уважали.

Русскую исторію читалъ извѣстный уже профессоръ Аристовъ. Это былъ довольно ярко выраженный типъ. Средняго роста, коренастый, съ большой окладистой черной бородой и такими длинными же волосами онъ держался, что называется, разухабисто. Кланялся, входя въ аудиторію, по-купечески всѣмъ корпусомъ. На первыхъ же порахъ поражала его нервность. Видимо было, что человѣку не по себѣ, что онъ старается придать себѣ бодрости и показать свою независимость. Нужно замѣтить, что Аристовъ принадлежалъ къ числу профессоровъ полякофобовъ и, входя въ соприкосновеніе съ массою студентовъ поляковъ, которые въ университетѣ вообще и у насъ на юридическомъ факультетѣ представляли въ мое время $^{9}/_{10}$ всего количества студентовъ, не могъ не быть постоянно насторожѣ, зная, что поляки студенты хорошо освѣдомлены относительно его взглядовъ на все польское и на нихъ, какъ представителей польскаго общества.

Аристовъ видимо отличалъ русскихъ студентовъ отъ поляковъ. Въ этомъ я убѣдился по собственному опыту. Когда мнѣ пришлось держать у него экзаменъ при переходѣ на 2-ой курсъ, то я на какой-то вопросъ Аристова имѣлъ неосторожность отвѣтить: „это объясняется очень просто“. Вѣроятно, увѣренный и, можетъ быть, даже развязный мой тонъ не понравился Аристову, который вообще считался довольно строгимъ профессоромъ. „Какъ это такъ для васъ это просто“, заявилъ онъ мнѣ, и тутъ же я замѣтилъ, что онъ на-

строился довольно враждебно противъ мемя и сталъ строго относиться къ послѣдующимъ моимъ отвѣтамъ. Того, что называютъ срѣзаться, я не боялся, потому что аккуратно посѣщалъ лекціи и хорошо былъ ознакомленъ съ курсомъ, но все-таки положеніе оказалось непріятнымъ. Послѣ ряда отвѣтовъ я уже разсчитывалъ получить не болѣе 3, но тутъ же на моихъ глазахъ профессоръ заглянулъ, перевернувъ страницу, въ печатный списокъ студентовъ, гдѣ противъ фамиліи каждаго было отмѣчено, какого кто изъ нихъ вѣроисповѣданія, а это означало и происхожденіе русское, польское, нѣмецкое или еврейское. Видя, что противъ моей фамиліи стояло „православный“, профессоръ смягчился, и поставивъ мнѣ, несмотря на прежнее недовольство, 4, отпустилъ меня. Я увѣренъ, что, будь я другого происхожденія, мнѣ пришлось бы похуже.

Читалъ Аристовъ русскую исторію съ самыхъ древнихъ временъ и начиналъ чуть ли не съ каменнаго вѣка, держался больше изложенія внутренней жизни, нравовъ, религіи, обычаевъ, экономическаго быта и т. под. и дошелъ къ концу года, кажется, до временъ Татарскаго ига. Выдающагося курсъ этотъ ничего собою не представлялъ. Профессоръ читалъ громко, довольно увѣренно и заглядывалъ въ конспектъ. Цитаты и тексты источниковъ приводилъ часто изъ лежащей у него на каѳедрѣ исторической христоматіи, но чьей не помню. Послѣ экзамена на 2-ой курсъ онъ оставилъ Варшавскій университетъ и перешелъ въ какое-то другое высшее учебное заведеніе въ Россіи.

Всеобщую исторію читалъ очень древній профессоръ Ковалевскій—полякъ, бывшій долгое время профессоромъ и даже ректоромъ Казанскаго университета. Онъ былъ далеко не безвѣстный оріенталистъ и въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ монгольскую словесность въ самомъ Китаѣ. Въ мое время это былъ человѣкъ уже доживавшій свою ученую дѣятельность. На каѳедру онъ входилъ медленно, читалъ по особымъ переплетеннымъ книгамъ слабымъ голосомъ и монотонно.

Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣста его лекцій по новой исторіи являлись буквальнымъ повтореніемъ цѣлыхъ страницъ извѣстнаго въ началѣ 60 годовъ учебника исторіи кіевскаго профессора Шульгина. Мы студенты недоумѣвали: Шульгинъ ли сдѣлалъ заимствованіе у Ковалевскаго, или послѣдній у Шульгина. Такъ наше недоумѣніе и осталось неразрѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ, для меня, и по настоящее время. Лекціи Ковалевскаго посѣщались сначала усердно, но затѣмъ, благодаря снотворному чтенію и, главнымъ образомъ, тому, что многое изъ нихъ находилось въ учебникахъ Шульгина, число слушателей у этого профессора стало замѣтно умень-

шаться и изъ четырехъ курсовъ: двухъ первыхъ филологическаго факультета и двухъ такихъ же юридическаго бывало на лекціи десятка два студентовъ, тогда какъ должно было бы присутствовать не менѣе 150 человѣкъ (филологовъ вообще было мало въ университетѣ и преобладали юристы).

Курсъ Ковалевскаго, по-моему, приносилъ мало пользы слушателямъ; онъ вообще не отличался отъ гимназическаго. Оригинально происходилъ у этого профессора экзаменъ. Студенты знали очень мало и только то, что помнили изъ гимназіи. Полагаясь на общеизвѣстную снисходительность профессора, они мало заботились даже о томъ, чтобы возобновить гимназическія знанія и являлись на экзаменъ совершенно неподготовленными. Профессоръ, видя, что студентъ молчитъ, часто самъ разсказывалъ ему вкратцѣ содержаніе его билета и ставилъ неизмѣнно или 4, или 5. Студенты шутили, что если Ковалевскій почему-либо первому приступившему къ экзамену студенту поставилъ 5, то второму неукоснительно ставилъ только 4, затѣмъ опять 5 и 4 и т. д.—Я этого не провѣрилъ и думаю, что это шутка.

Ковалевскій, благодаря своей продолжительной службѣ, считался самымъ старшимъ членомъ профессорской корпораціи и постоянно исполнялъ должность ректора во время отсутствія послѣдняго. Къ нему вообще относились съ большимъ уваженіемъ за его прежнія ученыя заслуги.

Мнѣ приходится теперь перейти къ красѣ не только Варшавскаго университета—впрочемъ, увы, въ теченіе очень непродолжительнаго времени, но и всей русской науки. Я говорю о профессорѣ исторіи философіи и психологіи М. М. Троицкомъ. Убѣжденный приверженецъ англійской философіи, Троицкій преподавалъ сначала въ Кіевской духовной академіи, затѣмъ въ Казанскомъ, Варшавскомъ и наконецъ Московскомъ университетѣ. Это была обаятельная личность. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ идеальный профессоръ. Глубокія знанія, острый умъ, ясность пониманія соединялись у него съ удивительною образностью изложенія и замѣчательнымъ даромъ увлекать слушателей. Когда Троицкій читалъ свои лекціи, то было истиннымъ наслажденіемъ не только слушать, но смотрѣть на него; вы почти видѣли, какъ у него возникали въ головѣ мысли, которыя онъ старался въ изящной и понятной формѣ сейчасъ же изложить своимъ слушателямъ. Про него можно сказать, что онъ разжевывалъ науку и вкладывалъ ее въ головы студентовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить чарующую улыбку, которая при удачномъ выводѣ или обобщеніи появлялась на лицѣ профессора, и нѣкоторые его жесты, вполнѣ гармонировавшіе съ его рѣчью. Сравне-

нія его бывали очень поэтичны, рѣчь пластическая и во всякомъ словѣ проглядывало глубокое знаніе. Троицкій прочелъ намъ первокурсникамъ въ теченіе года курсъ древней философіи, закончивъ его Аристотелемъ. Долго потомъ хранилъ я записки по его курсу, и не разъ онѣ помогали мнѣ уяснять многіе вопросы древней философіи. На второмъ курсѣ Троицкій читалъ въ томъ же году психологію и говорятъ, такъ же увлекательно, какъ и древнюю философію. Послѣ моего перехода на второй курсъ онъ былъ переведенъ въ Москву, и Варшавскій университетъ потерялъ звѣзду первой величины.

Знаменательно для меня лично то, что, несмотря на увлеченіе Троицкимъ и его лекціями, я на переводномъ экзаменѣ съ 1-го курса на 2-й получилъ по его предмету только 3, единственную тройку за все продолженіе курса. Дѣло въ томъ, что на мою долю выпало отвѣчать по билету о первомъ греческомъ философѣ Ѳалесѣ. Философія послѣдняго была, какъ извѣстно, крайне скудна, и мнѣ пришлось отвѣтить очень не много—можетъ быть, за это я и получилъ только 3.

Исторію новой философіи и логику читалъ профессоръ Генрихъ Струве. Это былъ воспитанникъ германскихъ университетовъ, нѣмецъ, и писалъ сочиненія по философіи, главнымъ образомъ, на нѣмецкомъ и отчасти на польскомъ языкѣ; по-русски онъ писалъ мало. Диссертація его на русскую степень доктора философіи „Самостоятельное начало душевныхъ явленій“ вызвала большой шумъ въ свое время (1870 году) въ ученомъ мірѣ въ Россіи. На нее напали Н. Аксаковъ въ статьѣ „Подспудный матеріализмъ“, Усовъ и Страховъ. Защиту Струве взялъ на себя извѣстный профессоръ Юркевичъ. Полемика велась очень страстно, такъ какъ и Струве отвѣчалъ своимъ противникамъ, которые увидѣли въ немъ скрытаго матеріалиста, тогда какъ Струве во всѣхъ своихъ трудахъ является, напротивъ, поклонникомъ системы идеальнаго реализма, противникомъ позитивизма и систему эту проводилъ въ своихъ лекціяхъ.

Струве представлялъ собою типъ добросовѣстнаго и уравновѣшеннаго нѣмецкаго ученаго и профессора. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ на столько хорошо, что не сразу можно было признать въ немъ иностранца. Читалъ онъ по тетради, и правду сказать, довольно таки монотонно. Какое сравненіе съ Троицкимъ! Но лекціи его все же были обработаны, удобопонятны, отличались систематичностью, и желающимъ онъ давалъ хорошее руководство при изученіи и уясненіи трудныхъ вопросовъ философіи. Профессоръ несомнѣнно владѣлъ своимъ предметомъ и преподносилъ слушателямъ, если не прекрасно приготовленную, то во всякомъ случаѣ

полезную и удобоваримую умственную пищу. На первыхъ порахъ насъ, новичковъ, не привыкшихъ разбираться въ отвлеченныхъ вопросахъ, лекціи Струве приводили въ отчаяніе. Но въ этомъ нисколько не былъ повиненъ профессоръ, а наше сравнительно малое развитіе для воспріятія философскихъ вопросовъ. Струве читалъ довольно быстро, и это обстоятельство мѣшало многимъ изъ студентовъ записывать его лекціи дословно. Студенты на первыхъ порахъ не понимали, что это напрасный трудъ, и только спустя два-три мѣсяца стали записывать сущность излагаемаго, и это было сдѣлать тѣмъ легче, что профессоръ читалъ вполнѣ удобопонятно и мысли развивалъ подробно. По себѣ судя, могу сказать, что лекціи Струве, быть можетъ и неблестящія по изложенію, но основательныя по своему содержанію, впослѣдствіи не мало помогли мнѣ въ уясненіи трудныхъ философскихъ проблемъ, излагаемыхъ, какъ извѣстно, иногда очень туманно. Болѣе яснаго изложенія философскихъ системъ, чѣмъ у Струве, мнѣ не приходилось впослѣдствіи встрѣчать нигдѣ, даже у прославленнаго по своей популярности изложенія Люиса. Струве, поселившись въ Варшавѣ, ассимилировался здѣсь и могъ даже сойти за поляка. По крайней мѣрѣ онъ не мало писалъ и по-польски и читалъ публичныя лекціи. Публичныя лекціи онъ читалъ, впрочемъ, и по-русски для русской публики, вполнѣ удачно, занимательно и удобопонятно. Струве былъ не только философомъ, но ему не чужды были вопросы искусства, и по этому поводу онъ писалъ статьи и читалъ лекціи. Вообще это былъ далеко не узкій спеціалистъ, но человѣкъ многосторонне развитой. Онъ очень долго профессорствовалъ въ Варшавскомъ университетѣ и, только выслуживъ пенсію, сравнительно не давно переселился въ Англію, гдѣ, кажется, здравствуетъ и понынѣ, хотя ему не менѣе 70 лѣтъ. Нужно замѣтить, что его изложеніе логики на столько удобопонятно, что по его учебнику она преподавалась въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа. „Введеніе въ философію“ можетъ служить настольной книгой для всякаго занимающагося вопросами отвлеченнаго мышленія.

Въ Варшавскомъ университетѣ студенты первыхъ курсовъ всѣхъ четырехъ факультетовъ—должны были по уставу слушать лекціи русскаго языка. Языкъ этотъ читался на томъ основаніи, что поляки, которыхъ было въ Варшавскомъ университетѣ подавляющее большинство ($^9/_{10}$ всего числа студентовъ), вообще плохо владѣютъ этимъ языкомъ, и потому университетское преподаваніе имѣло цѣлью восполнить недостаточность вынесенныхъ изъ гимназіи знаній по этому предмету. Русскій языкъ преподавался и спеціально филологамъ, но здѣсь имѣлась въ виду чисто научная

цѣль, и преподавалъ его другой профессоръ, извѣстный уже Колосовъ.

Студентамъ первыхъ курсовъ преподавалъ русскій языкъ Николай Васильевичъ Бергъ, личность во многихъ отношеніяхъ оригинальная и даже не безъизвѣстная. Бергъ не имѣлъ никакой ученой степени и не былъ ученымъ, но сдѣлался таковымъ въ силу обстоятельствъ и по волѣ начальства. Онъ былъ просто-на-просто литераторъ средней руки. Нося нѣмецкую фамилію, Бергъ былъ тѣмъ не менѣе настоящимъ москвичемъ и тяготѣлъ къ московскому кружку Погодина, гдѣ имѣлъ связи. Кой-что онъ писалъ по части путешествій, кой-что переводилъ; главнымъ своимъ литературнымъ трудомъ онъ считалъ переводъ на русскій языкъ поэмы польскаго поэта Мицкевича: „Панъ Тадеушъ". Переводъ этотъ, впрочемъ, общеизвѣстенъ.—Бергъ отличался большимъ ростомъ и громкимъ зычнымъ голосомъ. Не имѣя ровно никакихъ правъ на профессорское званіе, онъ, какъ я сказалъ, не будучи профессоромъ, пользовался его правами. Получалъ онъ содержаніе экстраординарнаго профессора и, будучи всего лишь лекторомъ, слылъ за профессора и, кажется, самъ повѣрилъ тому, что онъ профессоръ; по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не возражалъ противъ того, когда въ русскомъ обществѣ называли его профессоромъ. Въ общемъ, преподаваніе, Берга было довольно таки безуспѣшно. Взявъ нѣсколько грамматикъ русскаго языка, нашъ лекторъ составилъ изъ нихъ свой курсъ грамматики, мало чѣмъ отличавшійся отъ гимназическаго. Читался этотъ курсъ въ огромной XII аудиторіи университета съ громадной, особаго устройства каѳедры, громкимъ голосомъ съ театральными повышеніями и пониженіями голоса. Нужно правду сказать, что по части голоса и дикціи Бергъ никому не уступалъ.—Это обстоятельство дѣлало его лекціи до нѣкоторой степени занятными. Для русскихъ студентовъ, хорошо владѣвшихъ своимъ языкомъ, эти лекціи были безполезны, да и студенты-поляки врядъ ли чему могли научиться изъ нихъ. Преподаваніе разнообразилось чтеніемъ лекторомъ нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. Надо отдать справедливость—читалъ Бергъ мастерски и это, главнымъ образомъ, привлекало въ его аудиторію студентовъ. Устраивалъ онъ и, если можно такъ назвать, практическія занятія, которыя состояли въ томъ, что читался отрывокъ изъ какого-либо иностраннаго автора, главнымъ образомъ, Гейне, и студенты общими усиліями переводили его на русскій языкъ, при чемъ главная забота заключалась въ томъ, чтобы переводъ былъ сдѣланъ чистымъ русскимъ языкомъ и образно.

Лекціи Берга иногда посѣщалъ попечитель учебнаго округа

Ѳ. Ѳ. Витте, жившій въ зданіи университета. Не будучи ученымъ, но обыкновеннымъ администраторомъ, Витте очевидно прельщался довольно простой и наивной, но тѣмъ не менѣе занимательной формой преподаванія Берга. Тогда и попечитель, и лекторъ иногда поперемѣнно пускались въ объясненіе полякамъ-студентамъ какого-либо русскаго малоупотребительнаго слова. Казалось, что находишься въ 3, 4 классѣ гимназіи, гдѣ сразу два снисходительные наставника просвѣщаютъ учениковъ. На экзаменѣ русскаго языка у Берга, не знаю только по чьей иниціативѣ,—вѣроятно того же Ѳ. Ѳ. Витте, два—три лучше другихъ отвѣчавшихъ по русскому языку студента записывались Бергомъ и затѣмъ удостоивались полученія изъ средствъ учебнаго округа денежной награды. Такимъ образомъ, и я получилъ за свой отвѣтъ на экзаменѣ въ началѣ слѣдующаго года 25 руб. въ видѣ награды.

Будучи лекторомъ въ университетѣ, Бергъ, благодаря своимъ связямъ и умѣлости, добился назначенія его редакторомъ единственнаго печатнаго органа на русскомъ языкѣ въ Царствѣ Польскомъ—„Варшавскаго Дневника“.—„Варшавскій Дневникъ“, какъ и теперь, такъ и въ то время былъ субсидируемъ правительствомъ, и положеніе его редактора представлялось въ матеріальномъ отношеніи очень заманчивымъ. Газеты этой Бергъ не поднялъ на ту высоту, на которой она могла бы находиться при талантливомъ и, главное, не жалѣющемъ своего труда и средствъ редакторѣ.

Читались намъ и два новые языка. Я посѣщалъ лекціи нѣмецкаго, т. к. допускался выборъ того или другого. Лекціи этихъ языковъ начинались рано, въ 8 часовъ утра, но слушателей какъ у того, такъ и другого лектора было достаточно.

Нѣмецкій языкъ преподавалъ полякъ Валерій Пржиборовскій, довольно извѣстный польскій литераторъ; онъ же былъ, кажется, библіотекаремъ въ одной частной библіотекѣ какого-то польскаго магната. Читались лекціи новыхъ языковъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ, т. е. 1 и 2 курсовъ. Малая до удивительнаго подготовленность слушателей по этимъ языкамъ дѣлала преподаваніе до крайности элементарнымъ, напр. по нѣмецкому языку одну лекцію дѣлались переводы съ русскаго напр. какого-либо отрывка изъ извѣстнаго русскаго писателя, а другую переводилась проза—„Тридцатилѣтняя война“ Шиллера и поэзія „Мессинская невѣста“ его же. Никакихъ при этомъ грамматическихъ правилъ не проходилось и объясненій не дѣлалось. При этомъ происходили нерѣдко удивительные курьезы. Нѣкоторые студенты, особенно изъ семинаристовъ, которые, какъ извѣстно, не проходятъ новыхъ языковъ, буквально не умѣли читать по-нѣмецки и слова произносили

самымъ убійственнымъ образомъ. Хороши были тоже и гимназисты. Приходилось поражаться, что они дѣлали въ гимназіи по языку, въ теченіе семи лѣтъ. Вотъ и попробуйте читать языкъ подобной аудиторіи. Слушатели смотрѣли на посѣщеніе лекцій какъ на неизбѣжную необходимость для полученія на экзаменѣ удовлетворительной отмѣтки, а лекторъ стремился добросовѣстно переводить и только. Несомнѣнно, что при желаніи у лектора было въ распоряженіи очень дѣйствительное средство заставить студентовъ что-нибудь знать по языку—это экзаменъ. Требуй онъ не дѣтскаго лепета, но знанія языка и проваливай на экзаменѣ нерадивыхъ и относящихся спустя рукава къ предмету, и можно было быть увѣреннымъ, что польза отъ преподаванія непремѣнно обнаружилась бы. Но къ сожалѣнію, лектору и въ голову не приходило заставлять студентовъ что-либо знать, а послѣдніе продолжали оставаться гимназистами, привыкшими ничего не дѣлать по языкамъ. Такимъ образомъ, польза отъ преподаванія сводилась къ нулю. Странно, какъ, преподавая языкъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, человѣку не пришла въ голову мысль, что онъ собственно занимается толченіемъ воды и что онъ совершенно безполезенъ, какъ человѣкъ не додумался до того, что самый способъ преподаванія надо измѣнить и принять мѣры, которыя сами собою напрашивались.

Съ преподаваніемъ французскаго языка, лекціи котораго я посѣщалъ рѣдко, было не лучше. Студенты читали плохо, произносили варварски и также недобросовѣстно относились къ дѣлу. Лекторомъ былъ извѣстный въ Варшавѣ преподаватель во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Плонскій. Онъ славился умѣніемъ преподавать образно правила грамматики и, говорятъ, выучивалъ своихъ воспитанниковъ языку если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ другіе. Какъ онъ преподавалъ въ университетѣ, сказать не могу, п. ч. лекцій его почти не посѣщалъ. Памятна мнѣ одна лекція, когда онъ заставлялъ своихъ слушателей по очереди читать по-французски отрывокъ изъ хрестоматіи съ цѣлью провѣрить произношеніе, и что же? Почти ни одинъ студентъ не произнесъ правильно и десяти словъ подрядъ. Думаю, что и Плонскій, подобно Пржиборовскому, относился къ дѣлу формально, потому что при такомъ знаніи языка, о которомъ я только упомянулъ, студенты самымъ исправнымъ образомъ всѣ безъ всякаго исключенія изъ года въ годъ выдерживали экзаменъ, получая удовлетворительныя отмѣтки.

Таковъ былъ составъ профессоровъ и преподавателей на 1-мъ курсѣ.

На второмъ—нѣкоторые изъ нихъ остались тѣ же, напр, лекторы языковъ, профессоръ всеобщей исторіи Ковалевскій, который

читалъ теперь, кромѣ новой, исторію Востока, профессоръ римскаго права Д., читавшій римское гражданское право, пр. Струве, излагавшій психологію; русская исторія читалась и на второмъ курсѣ, но ушедшаго Аристова замѣнилъ новый профессоръ Никитскій. Прибавились предметы: политическая экономія, статистика, исторія русскаго права, государственное право и психологія.

Политическую экономію читалъ доцентъ Шимановскій; онъ несомнѣнно принадлежалъ къ отрицательнымъ профессорскимъ типамъ. Былъ онъ одновременно и присяжнымъ повѣреннымъ и, кажется, служилъ въ частномъ банкѣ. Ш. производилъ впечатлѣніе практическаго дѣльца. Владѣлъ онъ русскимъ языкомъ отвратительно, читалъ свой предметъ прескверно. Курсъ его былъ въ высшей степени слабъ и давалъ малое понятіе о политической экономіи. Цѣлыя лекціи, весьма при этомъ не аккуратно имъ посѣщаемыя, представляли собою болтовню неглупаго человѣка и только.

По поводу неаккуратнаго посѣщенія Шимановскимъ лекцій у многихъ изъ его слушателей осталась навѣрно въ памяти часто обращаемая къ пришедшимъ на лекцію студентамъ фраза педеля-малоросса: „г-да, Шимановскій нэ будэ“. Эту фразу мы примѣняли и къ другимъ профессорамъ, почему-либо пропускавшимъ лекцію, замѣняя фамилію Шимановскій соотвѣтственной фамиліей отсутствующихъ профессоровъ. Нѣкоторые русскіе студенты потѣхи ради записывали неловкіе и нерусскіе обороты изъ лекцій Шимановскаго; ихъ въ теченіе часа набиралось нѣсколько, и часто они возбуждали гомерическій хохотъ. Не знаю, какъ попалъ Ш. въ доценты,—дальше онъ не пошелъ,—но во всякомъ случаѣ онъ былъ совершенно не на мѣстѣ и ничему почти своихъ слушателей не выучилъ. Самъ онъ былъ высокаго роста, съ длинными висящими бакенбардами, но при этомъ, вѣроятно, вслѣдствіе какого-то недуга изломанный пополамъ. Наружное впечатлѣніе онъ дѣлалъ банкира и финансоваго дѣльца. Тотъ же Шимановскій на 3-мъ курсѣ читалъ намъ финансовое право, послѣ того какъ политическую экономію передали другому профессору. Финансовое право читалъ онъ не лучше политической экономіи.

До Шимановскаго финансовое право читалось доцентомъ Ив. Ив. Иванюковымъ. Я не слушалъ его, потому что былъ тогда на низшихъ курсахъ, когда же я перешелъ на 3-й, то Иванюковъ былъ уже переведенъ въ Петровскую Земледѣльч. Академію на каѳедру политической экономіи. Иванюкова я только видывалъ въ университетѣ. Это была самая обаятельная личность изъ преподавателей (онъ былъ доцентомъ) для студентовъ. Красавецъ собою, изящный, онъ представлялъ типъ русскаго былиннаго богатыря въ родѣ

Алеши Поповича. Иванюковъ считался самымъ либеральнымъ профессоромъ и за студентовъ стоялъ горой. Общеизвѣстенъ случай, гдѣ онъ отстоялъ на экзаменѣ студента-поляка отъ одного очень придирчиваго профессора, поляка же. Про Иванюкова ходили разсказы, что онъ раньше служилъ въ военной службѣ въ кавалеріи и чуть ли не въ кавалергардахъ, затѣмъ сталъ заниматься, выдержалъ университетскій экзаменъ, получилъ степень магистра политической экономіи, отправился въ Америку и тамъ въ качествѣ чуть не батрака изучалъ практически экономическій бытъ этой страны. Оказалось, что это все было на самомъ дѣлѣ.

Студенты относились къ Иванюкову съ удивительной симпатіей. Иванюковъ преподавалъ исторію въ женской гимназіи, и тамъ всѣ ученицы поголовно были влюблены въ него. Я не слышалъ его говорящимъ, но слышавшіе утверждали, что говорилъ онъ очень красиво, особенно въ обществѣ. Что касается до его качествъ какъ профессора и ученаго въ то время, то о нихъ сказать лично ничего не могу. Нѣкоторые изъ его слушателей говорили мнѣ, что какъ профессоръ, опять таки въ то время, Иванюковъ ничего выдающагося собою не представлялъ. Оставляю это на ихъ совѣсти. Впослѣдствіи Иванюковъ довольно много писалъ, и онъ во всякомъ случаѣ извѣстенъ въ Россіи.

Профессоръ статистики и затѣмъ политической экономіи Ѳ. Г. Симоненко значительно превосходилъ по своимъ качествамъ, какъ профессоръ, Шимановскаго. Курсъ его отличался систематичностью, свѣдѣнія онъ давалъ полезныя и нужныя и вообще про него можно сказать, что какъ профессоръ онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ требователенъ, и это заставляло студентовъ относиться къ его предмету серьезнѣе, чѣмъ къ другимъ. Вообще подъ руководствомъ Симоненко можно было изучить его предметъ, да онъ, кромѣ того, умѣлъ пріохотить имъ заниматься, благодаря хорошему и изящному изложенію его. Я, будучи на 4-мъ курсѣ, рѣшилъ писать сочиненіе на медаль на тему по политич. экономіи. Пришлось, конечно, обратиться къ Симоненко за указаніями и источниками. Онъ охотно откликнулся, и я имѣлъ возможность лично убѣдиться, что это былъ вообще серьезный ученый и профессоръ, знающій свой предметъ. Между студентами, однако, онъ былъ мало популяренъ, его считали скорѣе чиновникомъ-профессоромъ, нежели профессоромъ-ученымъ. Послѣдующія событія показали, что это была правда. С. былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ 30 съ небольшимъ, довольно болѣзненный и имѣлъ видъ кабинетнаго ученаго. Еще въ началѣ своей ученой карьеры онъ задумалъ написать, повидимому, очень обширный трудъ подъ заглавіемъ: „Государство,

общество и право съ точки зрѣнія законовъ и народнаго хозяйства", но издалъ только одинъ томъ, такъ сочиненіе это и осталось неоконченнымъ; впрочемъ, это случается нерѣдко съ нашими вновь начинающими профессорами. Особенно плодовитъ въ своихъ писаніяхъ Симоненко не былъ. Въ концѣ своей ученой дѣятельности онъ увлекся статистикой, былъ даже назначенъ директоромъ статистическаго комитета, состоящаго при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, и издавалъ статистическій сборникъ для губерній царства Польскаго. Профессоромъ онъ былъ очень долго и умеръ года два, три тому.

Исторія русскаго права имѣла своимъ представителемъ сначала доцента, а затѣмъ профессора С—ва. Человѣкъ крупный—съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, онъ читалъ по тетради скорѣе археологію, чѣмъ исторію права. Въ сущности С—въ и былъ археологомъ и постоянно занимался раскапываніемъ на своей родинѣ, Малороссіи, кургановъ. Какъ профессоръ, онъ былъ слабъ и никакого понятія объ исторіи русскаго права мы изъ его лекцій не вынесли, потому что собственно ея онъ и не читалъ. Мучилъ онъ насъ результатами своихъ археологическихъ развѣдокъ и много, очень много распространялся о древнихъ русскихъ городахъ, которыхъ насчитывалъ нѣсколько тысячъ, за что подвергся довольно злостной критикѣ знатоковъ, которые называли эти города „С—ми" (отъ его фамиліи).

Государственное право, а въ томъ числѣ русское, читалъ экстрард. профессоръ Хлѣбниковъ. Это былъ человѣкъ, который по облику и по убѣжденіямъ и взглядамъ напоминалъ Владиміра Соловьева, конечно въ миньятюрѣ. Впрочемъ, послѣдняго онъ копировать не могъ, потому что Соловьевъ въ то время былъ еще 20 лѣтнимъ юношей и, вѣроятно, еще сидѣлъ на университетской скамьѣ.

Впечатлѣніе Хлѣбниковъ производилъ вдохновеннаго, но довольно бездарнаго труженика. Способъ его мышленія и самое изложеніе были очень по временамъ туманны, и мнѣ сдается, что иногда онъ самъ чувствовалъ, что понимаетъ неясно и выражается неудобопонятно. Туманности изложенія способствовалъ и самый предметъ преподаванія, заключающій въ себѣ не мало философскаго, отвлеченнаго элемента.

Нѣсколько лучше, занимательнѣе и съ большимъ успѣхомъ онъ читалъ исторію русскаго государственнаго права, гдѣ меньше философскихъ абстракцій; иногда профессоръ оживлялся и бывалъ даже интересенъ въ изложеніи.

Студенты, плохо понимая профессора, просто-на-просто долбили его курсъ и, не соображая нѣкоторыхъ мѣстъ, говорили подчасъ

на экзаменѣ удивительныя несообразности. Такъ, одинъ молодецъ, отвѣчая о паденіи государствъ, сталъ перечислять признаки паденія ихъ, при чемъ объявилъ: государства падаютъ отъ слѣдующихъ признаковъ. Профессоръ замѣтилъ ему, однако, что онъ говоритъ нелѣпость и что логичнѣе было бы, онъ даже сказалъ, что государство падаетъ отъ призраковъ.

Литературный багажъ Хлѣбникова былъ не великъ. Писалъ онъ что-то о Россіи въ домонгольскій періодъ и издалъ докторскую диссертацію: „Право и Государство“, довольно таки жидкое и мало оригинальное разсужденіе.

Психологію читалъ извѣстный уже Струве съ такимъ же успѣхомъ, какъ и исторію философіи.

Изложеніемъ русской исторіи на второмъ курсѣ занимался вновь назначенный въ Варшавскій университетъ вмѣсто Аристова профессоръ Никитскій.

Хотя мы и прослушали у Аристова курсъ русской исторіи съ древнихъ временъ Монгольскаго ига, однако Никитскій началъ изложеніе своего предмета съ самаго начала и при томъ сталъ намъ читать исторіографію, которую довелъ до конца.

Онъ читалъ по запискамъ; съ внѣшней стороны курсъ его не блисталъ, хоть иногда попадались остроумныя замѣчанія и фразы. Въ сущности же курсъ этотъ оказался очень удачнымъ и полезнымъ для студентовъ. Въ немъ была сосредоточена вся русская исторія въ цѣломъ рядѣ очерковъ системъ всѣхъ выдающихся русскихъ историковъ, такъ что въ занимательномъ и систематическомъ изложеніи профессора студенты имѣли полную возможность ознакомиться съ научными воззрѣніями на ходъ русской исторіи. На экзаменѣ Никитскій оказался довольно строгимъ. Въ наукѣ онъ былъ въ то время извѣстенъ, какъ авторъ двухъ историческихъ монографій: „Историческій очеркъ внутренней жизни Новгорода“ и такой же очеркъ Пскова.

Третій курсъ заполненъ былъ исключительно юридическими и общественными науками. На немъ читались: Уголовное право, Международное право, Полицейское право, Исторія славянскихъ законодательствъ и Финансовое право.

Уголовное право излагалъ профессоръ Будзинскій, одинъ изъ болѣе старыхъ профессоровъ. Во время моего поступленія въ университетъ онъ былъ деканомъ юридическаго факультета. Курсъ Будзинскаго былъ не только далекъ отъ совершенства, но былъ даже скуденъ, поверхностенъ и мало наученъ. Какое напр. сравненіе съ Таганцевымъ! Профессоръ, читая его, очень часто пробавлялся анекдотами довольно пикантнаго свойства и старался приво-

дить по большей части примѣры довольно игриваго свойства. Благо предметъ былъ такого рода, что можно было избирать такого характера примѣры. Будзинскій производилъ впечатлѣніе скорѣе практика-юриста, чѣмъ ученаго.

Будзинскій спустя годъ или два, когда я кончилъ уже въ 1876 году университетъ, въ званіи профессора былъ назначенъ членомъ вновь открытой Варшавской судебной палаты.

Служа въ палатѣ, я не разъ слышалъ нападки на Будзинскаго, какъ на человѣка довольно безтолковаго. Онъ оказался очень разсѣяннымъ и не разъ удивлялъ почтенныхъ и солидныхъ членовъ судебной палаты, привыкшихъ къ аккуратности и точности, тѣмъ, что во время докладовъ путалъ имена обвиняемыхъ, свидѣтелей, обвинителей, называлъ однихъ вмѣсто другихъ и проч. въ такомъ же родѣ. Удивлялись, какъ ординарный профессоръ уголовнаго права выказывалъ такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу, столь серьезному, какъ отправленіе правосудія.

Какъ бы тамъ ни было, профессоръ Будзинскій профессорствовалъ и судействовалъ довольно долго. Студенты не могли не считаться съ его предметомъ и потому, все-таки, понимая важность его для будущей дѣятельности, занимались имъ довольно усердно и только нѣкоторые ограничивались жидкими лекціями профессора.

Международное право излагалъ ординарный професоръ, тоже полякъ Б. Онъ по службѣ и по возрасту принадлежалъ къ числу болѣе старыхъ профессоровъ факультета. По характеру это была довольно сухая и педантическая личность; онъ смотрѣлъ на студентовъ почти какъ на учениковъ, которыхъ надо держать въ рукахъ; про него разсказывали, напр., что еще до моего поступленія въ университетъ, встрѣтивъ студента въ зданіи университета курящимъ, Б. не постѣснялся вырвать у него изъ рта папироску. Я самъ на экзаменѣ, гдѣ онъ былъ ассистентомъ, имѣлъ возможность убѣдиться въ его подозрительности по отношенію къ студентамъ. Когда, обдумывая отвѣтъ по финансовому праву, я положилъ передъ собой на окно программу и, облокотившись на то же окно обѣими руками, сталъ ее читать, то Б., подкравшись тихо ко мнѣ сзади, сталъ наблюдать, не читаю ли я конспекта или чего-либо въ такомъ родѣ, и затѣмъ удалился.

Курсъ Б. былъ очень сухъ и скученъ, читалъ онъ въ высшей степени снотворно и незанимательно. На бѣду у него бывали подъ рядъ двѣ лекціи. Высидѣть ихъ, хотя бы съ перерывами между каждой лекціей ¼ часа, представляло своего рода подвигъ; я очень хорошо помню, что въ концѣ второй лекціи мною овладѣвало такое утомленіе и я до того чувствовалъ себя разбитымъ, что едва си-

дѣлъ. Очень часто буквально клонило ко сну. Вотъ что значитъ бездарный профессоръ. Ни у одного изъ остальныхъ профессоровъ я ничего подобнаго не испытывалъ.

Желая вѣроятно разнообразить свои лекціи, профессоръ принимался читать литературу своего предмета. Это было что-то невозможное. Сухой перечень на десяткахъ страницъ сочиненій по международному праву, начиная съ Гуго Гроція и даже раньше, и до нашего времени у всѣхъ народовъ съ обстоятельнымъ указаніемъ года изданія.

Говорятъ, что профессоръ въ прежнее время немилосердно рѣзалъ студентовъ на этой, такъ называемой, литературѣ.

Самый курсъ былъ составленъ педантично, сухо, съ разнаго рода подраздѣленіями, и на экзаменѣ нельзя было пропустить ни одного пункта. Этотъ курсъ въ соединеніи съ личностью профессора въ состояніи были внушить полнѣйшее отвращеніе къ самой наукѣ.

Я сказалъ, что Б. былъ подозрителенъ, сухъ и педантиченъ. Этого мало, онъ былъ золъ и придирчивъ. Могу указать два примѣра. Еще до моего поступленія въ университетъ общеизвѣстенъ фактъ желанія Б. во что бы то ни стало провалить на экзаменѣ студента Р—аго, очень способнаго человѣка, который потомъ въ мин. юстиціи занималъ довольно видную должность по юрисконсультской части. Р—аго отстоялъ, симпатичный Ив. Ив. Иванюковъ, но вызвало это большую сенсацію; собирался другой составъ экзаменаторовъ, и тамъ Р. выдержалъ экзаменъ.

Второй примѣръ былъ у меня на глазахъ. Студетъ Ст—въ, уже заканчивая удовлетворительно свой отвѣтъ Б., на послѣдній вопросъ профессора, читалъ ли онъ какую-то книгу, сказалъ, что не читалъ, но при этомъ имѣлъ неосторожность прибавить, что въ университетской библіотекѣ порядочный безпорядокъ и не всегда можно получить желаемое. Этого оказалось довольно, чтобы разсердить профессора. Какъ, какой-то студентъ-мальчикъ осмѣливается критиковать при профессорѣ университетскіе порядки. Тонъ профессора сразу измѣнился, онъ заявилъ, что г. студентъ слишкомъ рѣзко судитъ, и сталъ за тѣмъ предлагать ему вновь вопросы, несмотря на то, что совсѣмъ было отпустилъ его, очевидно съ цѣлью допечь. Желаніе провалить оказалось для всѣхъ явнымъ и несомнѣннымъ.

Едва-едва бѣдный Ст—въ выкарабкался, получивъ тройку.

За профессоромъ Б. никакихъ особенныхъ трудовъ не числилось, и продолжалъ онъ быть профессоромъ посредственностью долго послѣ оставленія мною университета.

Профессоръ З., въ то время доцентъ, а впослѣдствіи орди-

нарный профессоръ и деканъ, читалъ установленный, кажется, только въ одномъ Варшавскомъ университетѣ предметъ—Исторію славянскихъ законодательствъ. Это была маленькая, худенькая фигурка; несмотря на то, что ему въ мое время не было и 30 лѣтъ, онъ казался совершеннымъ старикомъ, что не мѣшало ему, повидимому, пользоваться хорошимъ здоровьемъ, такъ какъ преподавалъ онъ въ университетѣ послѣ того болѣе 30 лѣтъ и преподаетъ и по нынѣ.

З. отличался удивительно звучнымъ и пріятнымъ голосомъ и читалъ по тетради громко, внятно, внушительно. Читалъ онъ на 3-мъ—4-мъ курсахъ.

Курсъ его былъ очень спеціаленъ и потому могъ быть пригоденъ только для заправскихъ славистовъ или историковъ права; излагалъ онъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ областное и юридическое устройство Чехіи, да еще въ средніе вѣка. Впослѣдствіи онъ читалъ энциклопедію, но съ какимъ успѣхомъ, это сказать не могу, потому что это было далеко уже послѣ моего выхода изъ университета.

Полицейское право на 3-мъ курсѣ и за постояннымъ отсутствіемъ особаго профессора по гражданскому судопроизводству и это послѣднее на 4-мъ курсѣ читалъ профессоръ Окольскій.

Это былъ небольшой желчный человѣкъ среднихъ лѣтъ. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ плоховато, но это однако не мѣшало ему помѣщать въ такомъ солидномъ журналѣ, какъ „Вѣстникъ Европы“, статьи по образованію.

Полицейское право Окольскій читалъ по тетради довольно сносно, да по правдѣ сказать и предметъ-то такого свойства, что не требуетъ особенной учености и обширной затраты умственныхъ силъ и способностей. Курсъ этотъ былъ въ общемъ компилятивный.

Преподаваніе устава гражданскаго судопроизводства оставляло желать довольно многаго. Чувствовалось на каждомъ шагу, что профессоръ не спеціалистъ и не знатокъ своего предмета и читаетъ его потому, что ему поручено его читать. Окольскій излагалъ намъ (на 4-мъ курсѣ) уставъ гражданскаго судопроизводства 1864 года параллельно съ code procedure civil, дѣйствовавшимъ еще въ то время въ предѣлахъ Царства Польскаго, хотя впрочемъ послѣдній годъ. Курсъ судопроизводства былъ очень слабъ; студентамъ онъ давалъ малое представленіе о предметѣ, и несомнѣнно ни одинъ изъ нихъ, приступая къ практической дѣятельности по гражданской части, и не подумалъ заглянуть въ этотъ курсъ, какъ руководство. Окольскій, будучи профессоромъ, одновременно съ этимъ былъ и присяжнымъ повѣреннымъ, но и повѣреннымъ онъ былъ далеко не изъ блестящихъ.

Финансовое право, какъ я уже выше говорилъ, излагалъ до моего перехода на 3 курсъ доцентъ Иванюковъ, а послѣ него я слушалъ курсъ уже извѣстнаго доцента Шиманскаго.

На четвертомъ курсѣ читались: гражданское право, уголовное судоустройство и судопроизводство, продолжался начатый на 3-мъ курсѣ предметъ Исторія славянскихъ законодательствъ, гражданское судоустройство и судопроизводство и судебная медицина и психіатрія.

Гражданское право къ сожалѣнію только въ теченіе одного года читалъ профессоръ В. И. Голевинскій. Это была звѣзда первой величины на горизонтѣ Варшавскаго университета.

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, болѣзненный, обладающій тихимъ голосомъ, онъ читалъ по тетради съ внѣшней стороны довольно однообразно и даже, пожалуй, сухо. Но за то по содержанію курсъ его представлялъ очень много достоинствъ. Онъ былъ систематиченъ, полонъ, замѣчательно ясенъ и вполнѣ наученъ. В. И. Голевинскій читалъ намъ параллельно курсъ гражданскаго права по Кодексу Наполеона, дѣйствовавшему тогда и нынѣ дѣйствующему въ предѣлахъ Царства Польскаго, и курсъ гражданскаго права по X тому. Кодексу онъ удѣлялъ больше мѣста и времени, а X томъ излагался имъ главнымъ образомъ для указаній отличій отъ болѣе совершеннаго законодательства Кодекса Наполеона.

При пяти лекціяхъ въ недѣлю профессоръ Голевинскій успѣлъ намъ прочесть полный курсъ гражданскаго права. Впослѣдствіи курсъ этотъ читался имъ уже въ теченіе 2-хъ лѣтъ, т. е. на 3 и 4 курсахъ, что несомнѣнно принесло не мало пользы студентамъ, благодаря возможности болѣе подробнаго изложенія предмета.

Профессоръ Голевинскій пользовался огромнымъ уваженіемъ профессоровъ и студентовъ и постоянно избирался деканомъ юридическаго факультета. Это былъ типъ профессора въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Всегда ровный, невозмутимый, даже безстрастный, онъ глубоко зналъ свой предметъ и постоянно слѣдилъ за наукой права. Писалъ онъ немного, но то, что имъ написано, должно цѣниться на вѣсъ золота.

Писалъ онъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по дѣйствующему въ Царствѣ Польскомъ праву и „объ обязательствахъ“. Это послѣднее сочиненіе по своей стройности, ясности и разработанности вопроса можетъ быть признано образцовымъ. Оно должно быть для всякаго юриста справочной книгой въ этомъ важномъ отдѣлѣ гражданскаго права и въ дѣйствительности оно на дѣлѣ таковымъ и оказалось. Къ сожалѣнію, на русскомъ языкѣ имѣется только первая половина этого сочиненія „о происхожденіи и дѣленіи обя-

зательствъ". Вторая половина, излагающая дѣйствіе и прекращеніе ихъ, не переведена съ польскаго на русскій, но это однако не мѣшало ею пользоваться. Нужно сказать, что профессоръ Голевинскій одновременно съ профессорскою дѣятельностью несъ и судейскія обязанности. До судебной реформы, будучи профессоромъ, онъ занималъ довольно высокій постъ начальника отдѣленія Правительственной комиссіи юстиціи въ Царствѣ Польскомъ, а по введеніи судебной реформы въ 1876 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго занялъ весьма солидный постъ предсѣдателя гражданскаго департамента Варшавской судебной палаты. На этомъ послѣднемъ посту онъ оставался до 1896 года, когда по причинѣ слабаго здоровья оставилъ совершенно и преподавательскую дѣятельность, и службу по министерству юстиціи.

Съ образованіемъ въ 1882 г. комиссіи для составленія новаго Гражданскаго уложенія В. И. Голевинскій, будучи профессоромъ и предсѣдателемъ департамента судебной палаты, былъ назначенъ членомъ этой комиссіи. Оставивъ однако за собою чтеніе лекцій въ университетѣ, онъ только числился предсѣдателемъ департамента, при чемъ его замѣнялъ старшій членъ судебной палаты, свои же труды по юридической части перенесъ въ комиссію. Вотъ вѣроятно причина, почему онъ такъ мало писалъ. Соединеніе званія профессора, да еще гражданскаго права, съ должностью предсѣдателя гражданскаго департамента палаты требовало немалыхъ знаній и огромнаго труда. Особенно этотъ трудъ долженъ былъ оказаться чувствителенъ на первыхъ порахъ введенія судебной реформы, когда профессору приходилось въ качествѣ предсѣдателя высшаго гражданскаго суда въ краѣ руководить практикой этого суда при малой освѣдомленности съ мѣстными законами русскихъ судей-цивилистовъ.

Въ нравственномъ отношеніи профессоръ Голевинскій являлъ собою типъ безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ мудреца. Зная его нѣсколько и посѣщая на дому по дѣламъ чисто научнаго свойства, я всякій разъ выносилъ чувство удивленія отъ его уравновѣшенности и всепрощенія.

Никогда я не слышалъ отъ него слова осужденія или порицанія. По отношенію къ студентамъ онъ былъ удивительно терпѣливъ и мягокъ. На экзаменахъ онъ никому не ставилъ менѣе 3, и вотъ, если нѣтъ человѣка безъ недостатка, то это былъ едва-ли не единственный недостатокъ профессора Голевинскаго.

Мнѣ случилось присутствовать на засѣданіяхъ судебной палаты подъ его предсѣдательствомъ; удивительное терпѣніе и спокойствіе проявлялъ онъ, несмотря на то, что стороны подчасъ сильно злоупо-

требляли временемъ и терпѣніемъ судей. Это терпѣніе и спокойствіе не покидало профессора и во время экзаменовъ. Студенты отвѣчали подчасъ удивительныя несообразности; онъ только исправлялъ ихъ, но ни разу не возмутился, а было чѣмъ возмутиться.

Профессоръ уголовнаго судоустройства и судопроизводства Микляшевскій началъ съ того, что на первой же лекціи, — это былъ впрочемъ его обычай и повторялся постоянно изъ года въ годъ— загипнотизировалъ насъ важностью и трудностью своего предмета. Онъ объявилъ, что на экзаменахъ будетъ строго требовать основательнаго знанія, и пусть уже студенты не сѣтуютъ на него, если онъ будетъ ихъ проваливать при недостаточномъ знаніи предмета. Удивительно, какъ эта угроза дѣйствовала на студентовъ. Предметъ Микляшевскаго считался у студентовъ самымъ труднымъ, самымъ важнымъ, и носились они съ нимъ, какъ съ яйцомъ. Экзаменъ по уголовному судоустройству и судопроизводству назначался (студентамъ самимъ предоставлялось право распредѣлять экзамены по времени) всегда первымъ, какъ требующій свѣжихъ силъ и по такому предмету, сдавши который, съ болѣе легкимъ сердцемъ можно было приступить къ экзамену по другимъ предметамъ, не столь труднымъ.

Въ сущности, это былъ довольно удачный пріемъ заставить студентовъ серьезно отнестись къ предмету. Уголовное судоустройство и судопроизводство само по себѣ не такой ужъ трудный предметъ, чтобы его бояться такъ, какъ его боялись студенты. Правда, до самаго послѣдняго года студентамъ читался курсъ Австрійскаго и Прусскаго судопроизводства, которое дѣйствовало въ губерніяхъ Царства Польскаго до судебной реформы 1876 г. Судопроизводство это было въ достаточной мѣрѣ сложно и усваивалось гораздо труднѣе, чѣмъ легкіе прозрачно-кристальные уставы 1864 года, но 1875—1876 г. академическій годъ, годъ перехода моего на 4 курсъ, былъ первымъ годомъ, когда отмѣняемое положеніемъ 19 февраля 1875 г. прежде дѣйствовавшее судоустройство и судопроизводство было замѣнено судебными уставами 1864 г., и естественно поэтому, что Микляшевскимъ стали излагаться только начала судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Къ чести профессора надо сказать, что повидимому онъ всецѣло былъ проникнутъ благородными и высокими принципами этихъ уставовъ. Видно было, что онъ приложилъ немало усилій къ изученію совершенно новаго для него законодательства. Изложеніе бывало иногда не строго систематическимъ, съ отклоненіями въ сторону, но все же оно дѣйствовало на слушателей весьма благотворнымъ образомъ. Профессоръ невольно заставлялъ студентовъ проникнуться высокими началами, положенными

въ основу Уставовъ, такъ какъ и самъ очевидно вполнѣ былъ проникнутъ ими. Слушая лекціи Микляшевскаго, я благоговѣлъ передъ высотою судейской миссіи, исключительно почетнымъ положеніемъ въ государствѣ и обществѣ служителей правосудія, положеніемъ, рѣзко отличающимъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ представителей власти и при томъ ясно и точно закрѣпленнымъ закономъ. Судьи отвѣтственны только передъ своею совѣстью, они независимы въ своихъ мнѣніяхъ, они независимы отъ усмотрѣнія начальства, несмѣняемы, не получаютъ никакихъ наградъ подобно другимъ чиновникамъ и удостоиваются ихъ только по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Эти слова звучали для молодежи чѣмъ-то удивительно чарующимъ, они побуждали посвятить всѣ свои силы, знаніе, всего себя на служеніе высокому дѣлу правосудія. На меня лично лекціи Микляшевскаго произвели такое впечатлѣніе, что я на всю свою жизнь остался фанатическимъ поклонникомъ началъ, положенныхъ въ основу Судебныхъ уставовъ. Пусть лекціи М. были лишены краснорѣчія, пусть онѣ не отличались строгой системой, тѣмъ не менѣе онѣ западали въ душу и вліяли высоко въ нравственномъ отношеніи. Микляшевскій былъ полякъ и, казалось бы, подобно многимъ интеллигентнымъ полякамъ не долженъ бы былъ увлекаться порядками въ области отправленія правосудія, вводимыми русскимъ правительствомъ, по русскому образцу съ одновременною отмѣною употреблявшагося въ судахъ польскаго языка и замѣною старыхъ судей, сплошь поляковъ, русскими судьями. Однако это не мѣшало ему отдавать полное преимущество вновь вводимому порядку сравнительно со старымъ. Честь и слава его справедливости и уму.

По странной однако ироніи судьбы, какъ это нерѣдко случается въ жизни, тотъ же самый М. спустя нѣсколько лѣтъ подвергся гоненію извѣстнаго въ свое время попечителя учебнаго округа Апухтина. Послѣдній ставилъ въ вину Микляшевскому его черезчуръ польскій образъ мыслей и стремленіе проводить съ каѳедры польскія тенденціи. Не берусь судить о дѣятельности М. въ то время. Быть можетъ, съ теченіемъ времени образъ его мыслей измѣнился. Жизнь особенно въ послѣднее время представляетъ и не такіе примѣры перехода отъ извѣстныхъ убѣжденій къ діаметрально противоположнымъ.

Запугиванія М—го въ началѣ года имѣли свои благотворныя послѣдствія. По его предмету студенты были подготовлены лучше, чѣмъ по всѣмъ остальнымъ, не исключая и гражданскаго права, которому вообще студенты придавали немало значенія.

Нужно сказать однако, что профессоръ Микляшевскій не поль-

зовался особымъ расположеніемъ студентовъ. По общей молвѣ, переходившей отъ одного курса къ другому послѣдующему, онъ былъ профессоръ мелочной и придирчивый, такъ что увлеченіе духомъ судебныхъ уставовъ и умѣніе заставить проникнуться имъ своихъ слушателей составляло одну только черту преподавательской дѣятельности этого профессора.

Судебная психіатрія и судебная медицина по важности предмета, а главное по способу отношенія къ нимъ студентовъ могли быть названы родными сестрами.

Психіатрія читалась студентамъ 4 курса юридическаго факультета одновременно съ студентами-медиками 5 курса въ больницѣ для умалишенныхъ Ивана Божьяго.

Мрачная это больница, старое зданіе, въ корридорахъ стоялъ холодъ, гуляли сквозные вѣтры.

Профессоръ съ ассистентомъ и студенты располагались въ обширной спальнѣ умалишенныхъ, которая днемъ была совершенно свободна отъ больныхъ. Иногда намъ приводили для демонстраціи того или другого больного, иногда мы толпою во главѣ съ профессоромъ и ассистентомъ въ сопутствіи служителей отправлялись въ общія камеры больныхъ, и здѣсь профессоръ тоже демонстрировалъ то того, то другого больного. Мы всѣ старались держаться въ кучѣ, близко другъ къ другу, потому что наши посѣщенія общихъ камеръ оканчивались иногда или ударомъ кулака со стороны подкравшагося больного или ударомъ колѣнкомъ какого-либо зазѣвавшагося посѣтителя-студента.

Читалъ психіатрію старикъ, докторъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, довольно извѣстный въ Варшавѣ Пленсковскій. Онъ, несмотря на свои старые годы, былъ всего только доцентомъ и таковымъ остался, кажется, до конца жизни. Пленсковскій читалъ по обширному каллиграфически написанному курсу. Курсъ этотъ былъ до-нельзя спеціаленъ и сухъ, и смѣло могу утверждать, что изъ него ничего почти не оставалось въ головѣ слушателей. Зная, что по психіатріи невозможно не выдержать экзамена, такъ какъ никто никогда еще не получалъ по этому предмету неудовлетворительной отмѣтки, студенты даже не записывали лекцій. Привлекало ихъ главнымъ образомъ посѣщеніе больныхъ, т. е. собственно практическія занятія по предмету.

Курьезенъ былъ экзаменъ по психіатріи, который студенты, считая самый предметъ вполнѣ малозначущимъ, отнесли на самый конецъ. Не пріобрѣтя изъ лекцій ровно ничего, не имѣя передъ собою курса, я, взявъ въ руки программу наканунѣ дня экзамена и запасшись какой-то небольшой брошюркой или можетъ быть кон-

спектомъ по психіатріи, внимательно прочелъ ихъ, сопоставляя съ программой. Эта подготовка отняла у меня 3—4 часа времени. На экзаменѣ я отвѣчалъ даже сознательно и получилъ 5, то же самое было и съ остальными. Никто не провалился. Вотъ какъ держатъ иногда экзамены и вотъ какъ иногда бываетъ поставлено цѣлесообразно университетское преподаваніе.

Преподаваніе судебной медицины было поставлено однако солиднѣе.

Читалъ намъ опять-таки совмѣстно съ медиками этотъ предметъ бывшій до того профессоромъ въ Харьковѣ Котелевскій. Профессоръ Котелевскій, излагая свой предметъ довольно сносно, не упускалъ случая подчеркнуть наше невѣжество въ медицинѣ и снисходительно объяснялъ то или другое изъ ея области. Онъ даже курсу своему предпослалъ для дальнѣйшаго руководства юристамъ небольшой очеркъ строенія человѣческаго тѣла и его отправленій. Студенты посѣщали лекціи судебной медицины довольно аккуратно и усердно, во 1-хъ, потому, что профессоръ излагалъ недурно, ясно и немудрствуя подобно Пленсковскому, а во 2-хъ, еще и потому, что самый предметъ по его содержанію далеко не лишенъ занимательности. Нѣкоторые же отдѣлы, касающіеся вопросовъ половой сферы, вызывали у студентовъ особенный интересъ.

Лекціи Котелевскаго разнообразились посѣщеніемъ анатомическаго театра съ цѣлью присутствовать при вскрытіяхъ. Обыкновенно вскрытіе подъ руководствомъ профессора производилъ студентъ, медикъ, а юристы смотрѣли и слушали объясненія профессора. Пробавлялись мы главнымъ образомъ и почти исключительно дѣтскими трупами. Трупъ взрослаго человѣка былъ вскрываемъ передъ нами всего только одинъ разъ.

Судебная медицина считалась легкимъ для изученія предметомъ и усвоивалась она, скажу по собственному опыту, легче другихъ преподаваемыхъ намъ предметовъ. Экзамены по ней сходили всегда благополучно.

Таковъ былъ въ мое время въ 1872—1876 г. составъ профессоровъ юридическаго факультетъ и ихъ преподаваніе.

Для полноты картины не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ профессорахъ на другихъ факультетахъ, хоть это придется мнѣ сдѣлать лишь вскользь, потому что знать всѣхъ профессоровъ остальныхъ факультетовъ я естественно не могъ.

Самымъ выдающимся въ мое время по научному достоинству профессорскаго персонала былъ медицинскій факультетъ. Тамъ были довольно крупныя силы, какъ напр. Бродовскій, читавшій патологію и терапію; это былъ настоящій ученый и практикой

онъ почти не занимался. Гирштовтъ—хирургъ. Этотъ занимался и практикой. Гирштовтъ погибъ отъ руки убійцы, работника типографіи, въ которой печаталась издаваемая имъ медицинская газета по поводу недоразумѣнія относительно уплаты заработныхъ денегъ Бродовскій и Гирштовтъ пользовались большимъ авторитетомъ каждый въ своей спеціальности, особенно Бродовскій. И тотъ и другой были до занятія университетской каѳедры военными врачами. Бродовскій же былъ постоянно избираемъ деканомъ. Оба они, особенно Бродовскій, очень строго относились къ знаніямъ студентовъ, и съ ними считались.

Анатомія читалась въ своемъ родѣ знаменитостью, кажется, изъ Вѣнскаго университета, евреемъ Гиршфельдомъ. Предметомъ, по общимъ отзывамъ, онъ владѣлъ прекрасно, но излагалъ порусски его просто таки невозможно.

Затѣмъ нельзя не упомянуть о профессорѣ-хирургѣ Косинскомъ, самомъ въ теченіе многихъ лѣтъ замѣчательномъ операторѣ въ гор. Варшавѣ.

Были хорошіе профессора, діагносты практики, напр. по внутреннемъ, особенно груднымъ болѣзнямъ, напр. Барановскій. При мнѣ еще гремѣла слава замѣчательнаго польскаго врача Халубинскаго, который недавно оставилъ каѳедру. Халубинскаго, какъ врача, считали чуть ли не медицинскомъ богомъ; это былъ польскій Захарьинъ.

Остальные два факультета: математическій съ его подраздѣленіемъ на отдѣленіе чисто математическое и естественное и историко-филологическій особенно крупныхъ и выдающихся силъ не представляли, хотя и тамъ были почтенные ученые и люди серьезнаго труда.

Между математиками отличались своими познаніями и солидной ученостью: Соснинъ, сначала доцентъ, затѣмъ ординарный профессоръ и академикъ и профессоръ астрономіи Востоковъ, человѣкъ знающій, но очень нервный и раздражительный, устроившій, говорятъ, разъ цѣлое избіеніе студентовъ на экзаменѣ.

Между филологами выдавался по своимъ прежнимъ заслугамъ безсмѣнный почти деканъ факультета, бывшій ректоръ Казанскаго университета, больше оріенталистъ, чѣмъ историкъ, извѣстный уже Ковалевскій. По своимъ прежнимъ заслугамъ по изученію римской литературы былъ извѣстенъ и ректоръ университета Благовѣщенскій, читавшій лекціи по этому же предмету. Профессоръ Павинскій былъ извѣстенъ, какъ польскій историкъ.

Кромѣ нихъ слѣдуетъ упомянуть о Троицкомъ, скоро оставившемъ университетъ, и Струве, о которыхъ я говорилъ подробнѣе выше.

Ректоромъ университета по назначенію отъ правительства (въ Варшавѣ избирались профессорской комиссіей только деканы),— былъ первые полгода моего пребыванія въ университетѣ Петръ Лавровскій, профессоръ-филологъ, а затѣмъ все остальное время и нѣсколько лѣтъ по окончаніи мною университета тоже профессоръ филологъ Благовѣщенскій.

О Лавровскомъ да и о Благовѣщенскомъ я не могу сказать многаго.

Первый изъ нихъ—Лавровскій, кромѣ исполненія обязанностей ректора, читалъ на филологическомъ факультетѣ сравнительную грамматику. Ученый въ своей области онъ былъ извѣстный. Не менѣе его былъ извѣстенъ какъ классикъ Благовѣщенскій; онъ былъ до назначенія его въ началѣ 1873 г. ректоромъ Варшавскаго университета, заслуженнымъ ординардымъ профессоромъ въ Петербургѣ и извѣстенъ, какъ толкователь и переводчикъ Горація. По характеру да и по наружному своему виду Благовѣщенскій рѣзко отличался отъ своего предшественника, Лавровскаго. Это былъ очень толстый, упитанный человѣкъ, довольно добродушный и мягкій.

Онъ былъ женатъ на дочери какого-то не то банкира, не то негоціанта, жена его носила ярко выраженный южный типъ. Благодаря женѣ Благовѣщенскаго, женщинѣ сравнительно молодой и красивой, тихій, заросшій отчасти травою, отчасти покрытый газонами университетскій дворъ, гдѣ помѣщалась между прочимъ въ числѣ многихъ другихъ зданій въ особомъ флигелѣ и квартира ректора, часто оглашался звуками подъѣзжавшихъ пролетокъ и экипажей гвардейской молодежи, которая повидимому охотно посѣщала домъ ректора.

Ректорство Благовѣщенскаго ничѣмъ особеннымъ ознаменовано не было. Рѣдко онъ посѣщалъ лекціи и то главнымъ образомъ являлся тогда, когда въ одной изъ аудиторій предстояло чтеніе первой лекціи вновь назначеннаго профессора.

Въ остальное время студенты могли почти постоянно видѣть ректора гуляющимъ по улицамъ, особенно раннимъ утромъ, когда они спѣшили на лекціи.

Попечителемъ учебнаго округа былъ въ мое время и года три еще послѣ меня сенаторъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте, даже не особенно обрусѣвшій нѣмецъ, старавшійся однако на каждомъ шагу доказать, что онъ вполнѣ русскій человѣкъ. Являясь иногда на лекціи и то, сколько помню, только русскаго языка Берга, онъ говорилъ громко, рѣзко и внушительно и вообще видъ имѣлъ строгій по натурѣ. Некрасивъ онъ былъ замѣчательно. Онъ никогда не былъ ни ученымъ, ни профессоромъ и попалъ на постъ попечителя сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Варшаву изъ инспекторовъ

училища правовѣдѣнія, благодаря покровительству попечителя училища правовѣдѣнія принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Витте старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми сильными міра.

Примѣръ стараній былъ у меня на глазахъ. Медали за написанныя студентами на заданную тему сочиненія раздавались на актѣ, происходившемъ ежегодно 30 августа. Медали раздавалъ студентамъ или генералъ-губернаторъ (съ 1874 г. послѣ смерти графа Берга намѣстничество было замѣнено генералъ-губернаторствомъ) или архіепископъ. Со свойственною ему проницательностью Витте сообразилъ, что студенты, получающіе изъ рукъ архіепископа медали, могутъ не подойти подъ благословеніе, а это доказывало бы, что университетское юношество заражено либерализмомъ, вольномысліемъ, что, конечно, говорило бы не въ пользу руководителя учебной части въ краѣ, да и вообще всего учебнаго персонала, выпускающаго изъ стѣнъ университета молодежь съ подобнымъ направленіемъ.

И вотъ, важный Витте, сенаторъ, украшаемый голубой лентой Бѣлаго Орла, сталъ самымъ заискивающимъ образомъ просить медалистовъ-студентовъ, стискивая имъ руки, чтобы они для него подошли подъ благословеніе архіепископа. Мы обѣщали. Случилось однако, что архіепископъ Леонтій не прибылъ, и медали раздавалъ генералъ-губернаторъ графъ Коцебу, которому слѣдовало только поклониться. Впрочемъ въ общемъ Витте былъ человѣкъ недурной и старавшійся по возможности все улаживать миролюбовно.

Я далекъ отъ мысли дать полную характеристику дѣятельности этихъ лицъ, поставленныхъ во главѣ учебнаго дѣла Царства Польскаго. Это совершенно не входитъ въ предѣлы моей задачи. Здѣсь я описываю только результаты моихъ наблюденій какъ студента, которому многое изъ этой дѣятельности было даже и недоступно.

Низшій университетскій персоналъ, или т. наз. инспекція, состоялъ изъ инспектора и двухъ его помощниковъ. Въ теченіе перваго полугодія моего пребыванія въ университетѣ, инспекторомъ былъ Іосифъ Шершеневичъ, извѣстный переводчикъ Энеиды Виргилія. Но я его даже не видѣлъ. Во все остальное время должность инспектора студентовъ занималъ очень толстый и очень смирный человѣкъ Серно-Соловьевичъ. Его мало знали, онъ студентамъ не надоѣдалъ. Да и то слѣдуетъ сказать, онъ былъ инспекторомъ Варшавскаго, т. е. самаго смирнаго и покойнаго во всемъ государствѣ, университета. Два его помощника постоянно сидѣли только въ канцеляріи и студентовъ тоже не тревожили. Вообще по отношенію

къ инспекціи дѣло обстояло вполнѣ благополучно и сожительство было самое мирное.

Въ настоящее время перейду къ жизни студентовъ.

Обыкновенно съ понятіемъ студенческихъ годовъ въ жизни человѣка соединяютъ представленіе съ самымъ лучшимъ временемъ, кипучею умственною дѣятельностью, товарищескимъ общеніемъ и самымъ веселымъ провожденіемъ времени.

Относительно себя и моихъ ближайшихъ товарищей по университету я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что наша жизнь въ Варшавскомъ университетѣ далеко была лишена тѣхъ захватывающихъ, полныхъ всякаго интереса минутъ, которыми обыкновенно такъ богата жизнь студентовъ другихъ университетовъ. Въ этомъ несомнѣнно повинны не мы, но къ нашему несчастью сложившіяся неблагопріятно условія жизни. Я и мои товарищи, русскіе студенты, а говорю я только о насъ, потому что жизнь внѣуниверситетская остального громаднаго большинства студентовъ поляковъ мнѣ мало извѣстна—силою самыхъ обстоятельствъ были поставлены въ совершенно обособленное положеніе.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ мое время Варшавскій университетъ былъ чисто польскимъ учебнымъ заведеніемъ не въ смыслѣ преподаванія, но въ смыслѣ наличнаго состава его слушателей.

Въ описываемые мною годы въ Варшавскомъ университетѣ числилось до 1000 студентовъ и русскихъ въ немъ было не болѣе нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ; ясно, что эта сравнительно небольшая кучка терялась въ массѣ поляковъ, растворялась ими. Студенты поляки и евреи, которыхъ было не мало въ университетѣ и которые въ качествѣ мѣстныхъ уроженцевъ, воспринявшихъ много отъ поляковъ, считали себя поляками-моисеева закона, подавляя насъ своею громадною численностью, естественно мало или даже совершенно не считались съ нами—русскими. Всюду въ аудиторіяхъ на лекціяхъ, въ корридорахъ, не говоря уже про улицы, въ общественныхъ собраніяхъ, кондитерскихъ и т. под., гдѣ только появлялись студенты, слышалась постоянно польская рѣчь или разговоры о собственныхъ мѣстныхъ интересахъ.

Я могу болѣе подробно говорить о томъ, что приходилось наблюдать во время университетскихъ моихъ лѣтъ въ стѣнахъ самого университета. Жизнь студентовъ внѣ стѣнъ послѣдняго представлялась для меня и моихъ товарищей по причинѣ разъединенія, существующаго между русскими и поляками, мало доступной наблюденію. Съ самаго начала открытія лекцій стало замѣтно, что поляки студенты сами къ себѣ, русскіе опять сами по себѣ.

Русскіе студенты въ громадномъ большинствѣ совершенно не знали ни польскаго языка, ни мѣстныхъ условій, они или выходили изъ первой гимназіи въ Варшавѣ, въ которой обучались исключительно русскіе юноши, родители которыхъ прибыли изъ Россіи на службу, или же изъ пріѣзжихъ изъ Россіи воспитанниковъ семинарій. Впослѣдствіи русскій элементъ въ Варшавскомъ университетѣ сдѣлался нѣсколько болѣе разнообразнымъ. Будучи русскимъ по своему происхожденію, образу жизни, нравамъ, привычкамъ и наконецъ языку, вся русская университетская молодежь чувствовала себя среди подавляющей по своей численности польской молодежи совершенно чуждой. Общаго дѣйствительно кромѣ желанія учиться было мало, или, лучше сказать, совсѣмъ не было.

Несомнѣнно, что, будь то не русскіе или поляки, а русскіе и французы или нѣмцы или поляки и французы,—за сближеніемъ, несмотря на разницу въ національныхъ чертахъ, дѣло бы не стало.

Молодость близко сходится и общится на почвѣ науки и общихъ всѣмъ условій университетской жизни. Но слишкомъ много къ тому времени накопилось національной вражды, слишкомъ были обострены отношенія между побѣдителями и побѣжденными. Не прошло вѣдь и 10 лѣтъ со времени послѣдняго возстанія. Отчужденіе проявилось сразу и продолжалось до самаго окончанія курса. Незнакомцами и нежеланными гостями явились въ университетъ русскіе, нежеланными были во все время пребыванія въ университетѣ и совершенно чуждыми покинули они университетъ.

На трудное и безотрадное положеніе обрекла національная отчужденность русскихъ студентовъ Варшавскаго университета, имѣвшихъ несчастіе обучаться въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Вмѣсто открытыхъ дружескихъ товарищескихъ отношеній, которыми такъ привлекательны университетскіе годы, холодное равнодушіе, подчасъ насмѣшливое и чуть не враждебное отношеніе. Понятно, что ничѣмъ хорошимъ нельзя помянуть эти тяжелые годы.

Въ чемъ же оно заключалось—это отчужденіе? Прежде всего въ томъ, что первоначально ни русскіе студенты, ни студенты-поляки повидимому не обращали другъ на друга вниманія. Русскаго студента сейчасъ можно было отличить по совершенному незнанію польскаго языка да, кромѣ того, поляки отлично всѣ знали другъ друга. Несмотря на видимое игнорированіе русскихъ, поляки проявляли иногда нѣкоторое ироническое къ нимъ отношеніе, хоть дѣлали они это, надо признать, очень осторожно.

Ироническая улыбка и вскользь сказанное тихо другъ другу слово иногда только выдавали ихъ чувства. Особенно возбуждали

ихъ недоумѣніе, смѣшанное съ чувствомъ превосходства, поступавшіе въ число студентовъ воспитанники семинарій.

Семинаристы, какъ то извѣстно вообще, не отличаются свѣтскостью и изящными пріемами, да и одѣты они были далеко не съ такимъ изяществомъ, какъ обыкновенно привыкли одѣваться поляки-варшавяне. Эти ихъ качества и громкій не стѣсняющійся подчасъ разговоръ по-русски другъ съ другомъ вызывали улыбки поляковъ-студентовъ. Отъ рѣшенія всѣхъ общихъ вопросовъ университетской жизни русскіе студенты были молчаливо устранены. Хоть ихъ и не много было, этихъ вопросовъ, но время отъ времени они возникали и рѣшались келейно самими поляками безъ всякаго участія русскихъ. Къ числу такого рода вопросовъ относились, напр., устройство ежегодно огромнаго концерта въ пользу недостаточныхъ студентовъ,— концерта, въ которомъ принимали участіе всѣ лучшія силы польскаго артистическаго міра и дававшаго, благодаря вообще симпатіи польскаго общества къ учащейся польской университетской молодежи, весьма крупный доходъ.

Къ устройству этого концерта были допущены только поляки, деньги распредѣлялись исключительно между ими. Ни одному русскому студенту и въ голову не приходило домогаться принять участіе въ дѣлѣ, которое считалось поляками чисто своимъ, домашнимъ, мѣстнымъ. То же нужно сказать и о балахъ въ пользу студентовъ. Въ рѣдкихъ коллективныхъ сношеніяхъ съ профессорами русскіе студенты тоже участія не принимали.

Несомнѣнно, что въ стѣнахъ университета, при ежедневномъ невольномъ общеніи и сидѣніи бокъ о бокъ на скамьяхъ при слушаніи лекцій съ теченіемъ времени завязывались кой-какія знакомства между русскими и польскими студентами. Иначе и быть не могло, но знакомства эти и отношенія далѣе университетскихъ стѣнъ не проникали и касались только взаимныхъ услугъ по части записыванія и исправленія профессорскихъ лекцій. Въ самомъ уже концѣ университетскаго курса я былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ поляковъ-студентовъ и то съ тѣми, которые старательно посѣщали лекціи. Но дальше простого знакомства и немногихъ словъ въ стѣнахъ университета дѣло не шло.

Что же касается до студентовъ-аристократовъ, которые всегда попадаются во всѣхъ заведеніяхъ или т. наз. пановъ, какъ ихъ называли сами студенты-поляки, то они держались въ сторонѣ не только отъ русскихъ, но и отъ своихъ братьевъ поляковъ, и мы, русскіе, такъ таки до самаго окончанія курса не проговорили къ нимъ ни слова, какъ равно и они къ намъ.

Въ самомъ концѣ университетскаго курса явился родъ попытки

нѣкотораго если не сближенія, то во всякомъ случаѣ общенія. Дѣло шло о снятіи фотографической группы всѣхъ безъ исключенія студентовъ, прослушавшихъ вмѣстѣ 4-хъ лѣтній курсъ юридическаго факультета. Группа предполагалась для преподнесенія декану факультета профессору Голевинскому, а копіи съ нея должны были получить участники.

Поляки относились особенно недружелюбно къ студентамъ, бывшимъ до того уніатами и затѣмъ перешедшимъ въ православіе. Таковыхъ было нѣсколько человѣкъ у насъ на 4 курсѣ, и вотъ двоихъ изъ нихъ они забраковали, заявивъ, что не желаютъ, чтобы они приняли участіе въ группѣ, не объясняя при этомъ причины. Русскіе студенты запротестовали, и тогда я и другой студентъ русскій, мой товарищъ по первой гимназіи, были приглашены въ качествѣ представителей отъ русскихъ студентовъ на общую сходку для рѣшенія этого вопроса. Сходка была назначена на квартирѣ одного студента, жившаго у родителей. Какъ и слѣдовало предвидѣть, ничего изъ нашего протеста не вышло. Поляки въ концѣ концовъ ничего не сказали опредѣленнаго, но сдѣлали по-своему и двоихъ непріятныхъ имъ студентовъ исключили все-таки изъ группы. Результатъ этой сходки сказался собственно въ томъ, что я высказалъ студентамъ полякамъ нѣсколько сильныхъ словъ по поводу того, что они, не имѣя никакого рѣшительнаго основанія, все время игнорировали русскихъ студентовъ и даже чуждались ихъ. Мои однако слова были выслушаны въ совершенномъ молчаніи и ни отъ кого никакого отвѣта, ни возраженія я не получилъ, отношенія же продолжались прежнія.

Затѣмъ послѣ окончанія экзаменовъ русскіе студенты были приглашены на прощальный пикникъ за городомъ, но я, будучи обиженъ выключеніемъ изъ группы 2 русскихъ моихъ сотоварищей и тѣмъ, что въ снятой къ тому времени группѣ отдѣльные медальоны съ фотографіями русскихъ студентовъ были видимо умышленно помѣщены въ такомъ углу группы, что даже сама Ѳемида отвернулась отъ нихъ, при чемъ помѣщены они были отдѣльной группой подъ всѣми остальными студентами-поляками и рядомъ со студентами, непользовавшимися рѣшительно никакимъ авторитетомъ и самыми слабыми въ умственномъ отношеніи, я отказался принять участіе въ пирушкѣ. Не помню, приняли ли въ ней участіе другіе русскіе студенты.

На этомъ всѣ попытки сближенія и кончились.

Были среди русскихъ студентовъ и такіе, которые входили въ болѣе близкія сношенія съ поляками, но ихъ у насъ было два-три

человѣка, и это сближеніе они покупали цѣною уступокъ, т. е. должны были непремѣнно говорить по-польски.

Они, конечно, въ счетъ не идутъ. Масса же студентовъ русскихъ и поляковъ осталась совершенно чуждой другъ другу. Что меня поражало, такъ это то, что въ то время, какъ все русское и сами русскіе студенты подвергались совершенному игнорированію, евреи, напротивъ того, играли между тѣми же поляками-студентами по временамъ даже первенствующую роль. Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ заинтересованы были всѣ студенты, голосъ евреевъ игралъ большую роль и съ ними видимо считались. На самой грушѣ студентовъ, въ которой тѣ были размѣщены видимо по рангамъ и степенямъ того уваженія и авторитета, который пріобрѣлъ каждый среди товарищей, евреи поставлены были высоко и занимали видныя мѣста рядомъ съ самыми авторитетными студентами-поляками.

Для насъ, русскихъ, это обстоятельство казалось очень страннымъ. Вообще нужно сказать, что во многихъ случаяхъ евреи были хозяевами положенія и дѣйствовали при этомъ не стѣсняясь. Случалось, что иногда безцеремонность нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ просто возмущала. Былъ въ числѣ студентовъ еврейчикъ, сынъ не то банкира, не то капиталиста; тотъ позволялъ себѣ покровительственно протягивать нѣкоторымъ для пожатія лѣвую руку и ничего, сходило.

Таковы были отношенія въ стѣнахъ университета.

Относительно того, что дѣлали студенты внѣ университета, сказать много по указаннымъ мною выше причинамъ не могу.

Что касается поляковъ, то въ общемъ въ описываемое мною время было сравнительно спокойно, и потому и студенты не проявляли той лихорадочной дѣятельности, какъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы.

Какъ извѣстно, эпоха 70-хъ годовъ, средины которой касаются мои наблюденія, въ Россіи была эпохой хожденія въ народъ, преклоненія предъ нимъ, стремленія слиться съ народомъ и учиться у него.

Ничего подобнаго въ польскомъ обществѣ не замѣчалось. Ни о какомъ хожденіи въ народъ, ни о сліяніи съ нимъ такъ называемая интеллигенція не думала. Польское общество того времени занимали другіе идеалы. Подъ вліяніемъ литературы и жизни и главнымъ образомъ совершенной неудачи вооруженнаго возстанія за нѣсколько лѣтъ до этого поляки, а въ томъ числѣ и польская университетская молодежь, чутко отзывавшаяся на дѣянія эпохи, поставили себѣ задачей обособленіе и самосовершенствованіе во всѣхъ отрасляхъ жизни, какъ-то: экономическомъ, умственномъ, нравствен-

номъ отношеніяхъ. Работа должна была быть созидательной, но отнюдь не разрушительной. Отсюда стремленіе къ мирному труду во всѣхъ отрасляхъ.

Понятно, что при такихъ идеалахъ, овладѣвшихъ обществомъ, не могло быть мѣста никакимъ активнымъ проявленіямъ неудовольствія. Этимъ и объясняется, что жизнь студентовъ-поляковъ внѣ стѣнъ университета носила характеръ далеко не похожій на тотъ, какой проявился даже въ Варшавскомъ университетѣ въ послѣдніе годы, когда и этотъ университетъ былъ закрытъ. Что же собственно дѣлали студенты внѣ университета?

Да то же или почти то же, что дѣлали вообще студенты въ прежнее время, не столь богатое разнаго рода явленіями политическаго характера.

Нужно сказать, что польская молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по самому своему національному характеру, вообще, а въ описываемое мною время и подавно, далеко не была склонна къ особаго рода излишествамъ и проявленіямъ буйства. О какихъ-либо грандіозныхъ попойкахъ, скандалахъ, нарушеніяхъ общественной тишины со стороны студентовъ не было слышно. Не было въ Варшавскомъ университетѣ традиціоннаго празднованія дня открытія университета подобно осужденному гр. Толстымъ Татьянину дню въ Москвѣ. Студенты даже не интересовались днемъ открытія университета, т. е. собственно преобразованія его въ 1869 году изъ такъ называнной польской главной школы въ университетъ.

Университетскій судъ собирался рѣдко. Карцеръ пустовалъ, да сказать по правдѣ, я ничего о немъ за всѣ четыре года моего пребыванія въ университетѣ не слыхалъ. Несомнѣнно, что студенты общились между собою, но общеніе это носило мирный характеръ. Особенно развита была жизнь въ кондитерскихъ, которыя студенты посѣщали часто и охотно. Верхи театральные всегда имѣли своихъ завсегдатаевъ изъ студентовъ.

Вотъ все, что могу сказать о жизни большинства тогдашнихъ студентовъ внѣ стѣнъ университета. Русскихъ студентовъ было, какъ я уже сказалъ, лишь нѣсколько десятковъ и, несмотря на ихъ сравнительную малочисленность, они общились между собою только по факультетамъ.

Юристовъ русскихъ было нѣсколько человѣкъ на первомъ курсѣ, переходившихъ за тѣмъ дальше и при моемъ поступленіи на высшихъ курсахъ, кажется, всего навсего три человѣка. Мы, поступившіе позже, не имѣли ничего общаго даже съ этими тремячетырьмя старшими по курсу студентами. Просто не пришлось по-

знакомиться, да и знакомствъ не искали. Поступившіе со мною на первый курсъ русскіе лишь немногіе бывали другъ у друга. Знакомство ограничивалось чаще всего университетомъ. Ни о какихъ сходкахъ, общихъ бесѣдахъ не было и рѣчи. Почему не было близкаго общенія между русскими юристами, я отвѣчать не берусь. Или народъ былъ больно замкнутый въ себѣ или мало было вообще иниціативы. Вѣроятно и то и другое вмѣстѣ. Что касается студентовъ русскихъ на другихъ факультетахъ, то я не могу сказать, сходились ли они ближе, чѣмъ юристы.

Да, собственно говоря, ихъ было не много; больше всего было русскихъ на историко-филологическомъ факультетѣ, наплывъ которыхъ въ Варшавскій университетъ изъ году въ годъ усиливался.

Уроженцевъ Россіи привлекали въ Варшавскій университетъ установленныя нарочно и спеціально съ этою цѣлью стипендіи по 350 р. въ годъ, всего въ количествѣ 30. Во время моего поступленія въ университетъ оставалась незамѣщенной только одна стипендія, впослѣдствіи же времени этихъ стипендій уже не хватало и надо было ожидать, пока онѣ откроются. Университетскія стипендіи, установленныя первоначально въ изобиліи только для русскихъ студентовъ, не могли не составлять предмета нѣкоторой зависти для поляковъ, которые хотя и пользовались пособіями и стипендіями изъ другихъ источниковъ, но несомнѣнно въ меньшемъ размѣрѣ.

Обращаясь къ умственной жизни студентовъ Варшавскаго университета въ описываемое время, слѣдуетъ вообще сказать, что ничего выдающагося она не представляла собою.

Несомнѣнно, что студенты посѣщали лекціи значительно аккуратнѣе и усерднѣе, чѣмъ теперь.

Нынѣ этому частому абсентеизму студентовъ на лекціяхъ способствуетъ много такихъ обстоятельствъ, какихъ въ мое время не было на-лицо.

Теперь, помимо прочихъ условій, имѣются, напр., почти по каждому предмету литографированныя и даже печатныя записки. Не то было раньше. Я даже не могу припомнить предмета, по которому можно было бы найти литографированныя записки, о печатныхъ же никто не имѣлъ и понятія. Попадались изрѣдка писанные курсы лекцій за прежніе годы, но они въ большинствѣ случаевъ оказывались, какъ я имѣлъ возможность лично убѣдиться, пріобрѣтя два-три изъ нихъ, или мало, или даже совершенно непригодными для пользованія. И въ самомъ дѣлѣ попробуйте, какъ сдѣлалъ это я, пріобрѣсти курсъ лекцій по энциклопедіи права, когда на другой годъ профессоръ излагаетъ далеко не то, что въ прошломъ году

Отсутствіе литографированныхъ и печатныхъ курсовъ волей не-

волей заставляло студентовъ посѣщать лекціи и записывать ихъ, такъ какъ иначе готовиться къ экзамену не было по чемъ.

Правда, что были студенты, которые рѣдко посѣщали лекціи, но ихъ было очень мало и имъ приходилось во время экзамена пристраиваться къ своимъ товарищамъ, которые вели записки. Было два-три человѣка, совершенно не ходившихъ на лекціи, такъ какъ они занимались въ другихъ мѣстахъ и учрежденіяхъ съ цѣлью заработка; ихъ было очень и очень мало. Только лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ довольно исправно пропускались многими студентами, но это были именно тѣ профессора, въ родѣ Ковалевскаго или Пленсковскаго, по предмету которыхъ можно было отвѣчать и не читая ихъ курса непремѣнно, но какое-либо руководство.

Необходимость посѣщать лекціи съ цѣлью записыванія послѣднихъ и приготовленія научнаго матеріала для изученія предмета и прежде всего для выдержанія экзамена имѣла свою хорошую сторону, которая заключалась въ томъ, что невольно заставляла студентовъ вникать въ лекціи профессора, но одновременно съ этимъ эта же система имѣла тотъ крупный недостатокъ, что, записывая за профессоромъ, слушатели невольно больше слѣдили за тѣмъ, чтобы уловить слова, чѣмъ общій смыслъ читаемаго. И это было неизбѣжно.

Ежедневный опытъ показывалъ, что студенты, особенно изъ ретивыхъ, дорожа каждымъ словомъ профессора, гонялись часто скорѣе за буквою, чѣмъ за смысломъ.

Несомнѣнно, что самый раціональный способъ заключается въ томъ, чтобы, посѣщая аккуратно лекціи, внимательно выслушивать ихъ и затѣмъ уже дома, на досугѣ прочитывать ихъ. Но это, повторяю, было невозможно за отсутствіемъ печатныхъ и литографированныхъ курсовъ. Послѣдніе можно было завести съ согласія профессора, но въ мое время студенты до этого не додумались; вѣроятно не хватило иниціативы. Можно было бы, выслушавъ внимательно лекцію, записать затѣмъ ея содержаніе дома, и это было бы наиболѣе полезно, но подобный способъ требовалъ много времени и еще больше труда, а потому охотниковъ продѣлывать все это не находилось.

Какъ никакъ, посѣщеніе лекцій хоть и при записываніи ихъ во всякомъ случаѣ приносило больше пользы, чѣмъ отсутствіе на лекціяхъ, и потомъ спѣшная и нелѣпая подготовка въ теченіе нѣсколькихъ дней къ экзаменамъ.

Подобная подготовка вносила въ головы студентовъ хаосъ, все спѣшно нахватанное во время ея оставалось въ головѣ совершенно не претвореннымъ лишь до дня экзамена, а затѣмъ безслѣдно испарялось.

Даже записывая аккуратно лекціи, студенты, не прочитывавшіе ихъ затѣмъ въ теченіе года, бывали въ затруднительномъ положеніи во время подготовки къ экзаменамъ, такъ какъ, записывая, не въ надлежащей мѣрѣ усваивали смыслъ читаемаго и многое для нихъ оказывалось новымъ и неяснымъ. Что же говорить послѣ того о тѣхъ студентахъ, которые лекціи посѣщали мало и въ первый разъ знакомились съ предметами по дурно и нечетко записаннымъ лекціямъ товарищей, разобраться въ которыхъ постороннему составляло подчасъ поистинѣ каторжный трудъ.

Каковъ же былъ уровень знаній студентовъ и степень ихъ развитія?

На этотъ вопросъ могу чистосердечно отвѣтить, что какъ то, такъ и другое, по моему мнѣнію, оставляло въ общемъ ожидать бо̀льшаго.

Какъ бы тамъ ни было, университетъ наполнялся далеко еще не зрѣлыми юношами.

Трудно было ожидать, чтобы всѣ они сразу прониклись необходимостью строго относиться къ своимъ обязанностямъ. Ихъ прежде всего не научила этому средняя школа, которую они только-что покинули.

Попадая въ университетъ, они пріобрѣтали сразу полную свободу и возможность учиться или ничего не дѣлать и, конечно, мало окрѣпшіе въ умственной, да и нравственной дисциплинѣ юноши—почти дѣти, т. к. гимназію въ мое время кончали сравнительно гораздо раньше, чѣмъ теперь въ среднемъ въ 18, 19, а то случалось и въ 17 лѣтъ, скорѣе слѣдовали второму побужденію. Юношей серьезныхъ-ригористовъ было между нами очень мало. Большинство состояло изъ жизнерадостной молодежи, весьма довольной тѣмъ, что она покинула, наконецъ, гимназическую скамью и жизнь по указкѣ.

Вотъ тутъ-то и слѣдовало университету въ лицѣ его профессоровъ и разныхъ преподавателей принять этихъ юношей подъ свое покровительство, съ тѣмъ чтобы любящей и заботливой рукой вести ихъ дальше по пути университетскаго и нравственнаго совершенствованія путемъ разумнаго воздѣйствія на неокрѣпшія еще молодыя силы.

Къ сожалѣнію, однако высшая школа проявила себя въ этомъ отношеніи безразличной.

Профессора являлись въ университетъ, читали лекціи, экзаменовали и только. Какъ они читали лекціи, я уже указалъ выше. Экзаменовали же они такъ, что давали студентамъ полную возможность почти ничего не дѣлать въ теченіе учебнаго года и, не-

смотря на то, получить удовлетворительную отмѣтку на экзаменахъ, т. е. оффиціальное удостовѣреніе въ томъ, что данный студентъ удовлетворительно изучилъ данную науку, въ то время какъ онъ этой науки не только не изучилъ, но даже и не пытался изучать, а употреблялъ только всякаго рода усилія заставить и себя и профессора думать, что онъ что-то изучалъ и что-то знаетъ.

Я уже указывалъ на то, что тѣ профессора, которые предупреждали въ началѣ года студентовъ о необходимости посѣщать ихъ лекціи и о томъ, что будутъ требовать на экзаменѣ основательныхъ знаній, всегда достигали того, что студенты къ ихъ предмету относились серьезнѣе, изучали его добросовѣстнѣе и несомнѣнно знали лучше, чѣмъ предметы профессоровъ, въ этомъ отношеніи мало требовательныхъ.

Слѣдовательно, сама практика жизни, повидимому, совершенно ясная и простая, подсказывала, какъ слѣдовало относиться профессорамъ къ своимъ слушателямъ. Слѣдовало требовать неуклоннаго посѣщенія лекцій, слѣдовало заботиться о томъ, чтобы студенты больше слушали преподаваніе, чѣмъ записывали лекціи со словъ профессора, для чего надлежало озаботиться доставленіемъ матерьяла для изученія предмета въ теченіе года главнымъ образомъ дома, а затѣмъ къ экзамену и наконецъ, главнымъ образомъ, слѣдовало производить экзаменъ такимъ образомъ, чтобы мало свѣдущіе и малоразвитые студенты получали на экзаменахъ такую оцѣнку, которую они заслуживали.

Все это заставило бы студентовъ волей-неволей добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ и по мѣрѣ возможности изучать серьезно извѣстный предметъ и въ концѣ концовъ знать его, а не усваивать какія-то верхушки знанія, его кусочки и отрывки только для экзамена съ тѣмъ, чтобы послѣ него основательно все выпустить изъ головы.

Я говорю только объ отношеніи къ своимъ слушателямъ профессоровъ на юридическомъ факультетѣ. На медицинскомъ, напр., и историко-филологическомъ при практическихъ занятіяхъ и постоянномъ близкомъ общеніи профессоровъ со студентами подобное отношеніе врядъ ли возможно.

Каковы же были результаты подобной системы преподаванія?

Довольно неутѣшительные. Многіе студенты кончали напр. юридическій факультетъ, очень мало вынося по части знаній по многимъ предметамъ.

Профессора, относясь безразлично къ знаніямъ слушателей на экзаменѣ, мало общаясь съ ними даже въ университетѣ, къ чтенію студентами помимо лекцій, сочиненій и книгъ относились подоб-

нымъ же образомъ. Читалъ научныя сочиненія только тотъ, кто хотѣлъ, или тотъ, кто писалъ сочиненія на заданную факультетомъ тему для полученія медали. Но такихъ студентовъ было мало, очень мало. Большинство же рѣшительно ничего не читало, ограничиваясь лишь подзубриваніемъ лекцій къ экзамену.

Понятно, что уровень развитія огромнаго большинства студентовъ-юристовъ оставлялъ ожидать многаго.

Я не разъ, присутствуя на экзаменахъ уже на 3 и 4 курсахъ, поражался тѣмъ незнаніемъ, малымъ пониманіемъ и чуть ли не ученическимъ развитіемъ, которое проявляли студенты. Говорились иногда такія вещи, что казалось невозможнымъ, какъ будущій гражданинъ, имѣющій удостовѣреніе въ окончаніи высшаго учебнаго заведенія, слѣдовательно, и дѣятель на разнаго рода поприщахъ жизни, могъ проявлять столь удивительное невѣжество. Однако факты были на-лицо и ничего, — все сходило благополучно. Профессоръ поморщится, сдѣлаетъ иногда ироническое замѣчаніе, но все-таки въ концѣ концовъ приложитъ оффиціальный штемпель въ видѣ удовлетворительной отмѣтки, долженствующій удостовѣрить всѣмъ и каждому, что данное лицо изучило извѣстную науку, и знаетъ ее и что, слѣдовательно, обладаетъ всѣми качествами для занятія хотя бы самаго высшаго положенія въ государствѣ и въ обществѣ. Случалось, что кончавшіе курсъ студенты выказывали до того поразительное мальчишество, чтобы не сказать больше, что, сидя на стулѣ и обдумывая отвѣтъ, позволяли себѣ держа подъ полузастегнутымъ мундиромъ тетрадь съ записками, читать по ней.

А что сказать, напримѣръ, о выпрашиваніяхъ подчасъ у профессоровъ высшаго балла?

Легкимъ отношеніемъ профессоровъ къ знаніямъ студентовъ объясняется, между прочимъ, то повторяющееся очень часто въ жизни явленіе, что лицо, окончившее высшее образованіе, оказывалось ниже и по знаніямъ, и по развитію лицъ, гораздо меньше учившихся, но имѣвшихъ кой-какой опытъ и смѣкалку. Про студентовъ-юристовъ Варшавскаго университета моего времени могу сказать, что многіе изъ нихъ являли собою примѣры подобнаго рода.

Несомнѣнно, что, какъ это бываетъ всегда и вездѣ, среди студентовъ оказывались дѣльные впослѣдствіи люди, но дѣлала ихъ такими не система преподаванія, но они сами выходили дѣльными и знающими, несмотря на эту систему.

Принято, особенно въ послѣднее время считать Варшавскій университетъ самымъ слабымъ въ Россіи по составу профессоровъ и вообще научнымъ его силамъ. Быть можетъ, въ настоящее время это и правда, но мнѣ кажется, что въ мое время было не то.

Хотя нѣкоторые изъ профессоровъ (я говорю о юристахъ) и не стояли вполнѣ на уровнѣ требованій, предъявляемыхъ къ людямъ науки и профессорамъ, тѣмъ не менѣе однако все-таки большинство отвѣчало этимъ требованіямъ, а нѣкоторые такъ даже и превышали эти требованія.

Главный ихъ недостатокъ заключался въ отсутствіи педагогическихъ пріемовъ. Въ свои руки въ лицѣ новичковъ-студентовъ они получали сырой матерьялъ, изъ котораго можно было выработать сознательно относящихся къ наукѣ людей. Они же предоставляли эту молодежь самой себѣ, своимъ собственнымъ слабымъ силамъ.

И при такомъ, однако, составѣ, всякій, желавшій учиться и что либо знать, всегда могъ вынести изъ университета эти знанія, и, я увѣренъ, нисколько не уступалъ бы въ развитіи и знаніи студентамъ другихъ болѣе прославленныхъ по своему составу профессоровъ университетовъ Петербургскаго и Московскаго. О студентахъ же медикахъ и говорить нечего. Профессорскій персоналъ здѣсь не уступалъ нисколько другимъ университетамъ, а, пожалуй, даже и превосходилъ его.

Профессора, надо сказать къ ихъ чести, охотно шли навстрѣчу тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые проявляли стремленіе къ научнымъ знаніямъ. Такіе студенты всегда могли разсчитывать на всякаго рода содѣйствіе профессора, выражавшееся въ бесѣдахъ на дому, снабженіи источниками и совѣтами.

Относительно себя лично могу сказать, что Варшавскій университетъ далъ мнѣ то, что я былъ въ правѣ ожидать отъ него, какъ высшаго учебнаго заведенія, и увѣренъ, что, окончивъ не этотъ, но одинъ изъ перворазрядныхъ университетовъ, Петербургскій или Московскій, я не получилъ бы больше знаній и любви къ наукѣ, чѣмъ въ считающемся захудалымъ Варшавскомъ.

К. Н. Туръ.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. [1]).

(Окончаніе).

Отрядъ мой заходилъ на короткое время въ городъ Оршу, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ съ частію конницы Мюратъ, король Неаполитанскій, и я поспѣшилъ соединиться съ атаманомъ. Онъ согласился подтвердить донесеніе мое фельдмаршалу, что повелѣніе его, дождаться авангарда въ мѣстечкѣ Толочинѣ, я получилъ, пройдя уже его (хотя я находился за одинъ еще переходъ), и представилъ, съ своей стороны, что, вступая въ огромные лѣса Минской губерніи, ему необходима пѣхота, почему и предложилъ онъ мнѣ слѣдовать съ собою, или сколько можно ближе. Мы находили въ разныхъ мѣстахъ оставленную артиллерію, и даже сброшенную въ воду съ такою торопливостію, что не доставало времени скрыть ее отъ глазъ! Потеря въ людяхъ несравненно превосходила всѣ другія. Тысячи были умершихъ и замерзающихъ людей. Нигдѣ не было пристанища; мѣстечки и селенія обращены въ пепелъ и, умножавшіеся плѣнные, все больные и раненые, большое число чиновниковъ (non combattans), должны были ожидать неизбѣжной смерти. Ежеминутное зрѣлище страждущаго человѣчества истощало состраданіе и самое чувство сожалѣнія притупляло. Каждый изъ сихъ несчастныхъ, въ глазахъ подобныхъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Претерпѣваемыя страданія были общія, бѣдствія свыше всякаго воображенія! Не имѣя средствъ подать помощь, мы видѣли въ нихъ жертвы, обреченныя на смерть.

Атаману Платову сообщено къ свѣдѣнію данное мнѣ приказаніе, содѣйствуя ему исполнять, по возможности, его требованія.

---

[1] См. „Русск. Старину“ августъ 1912 г.

Обращенный къ городу Могилеву съ отрядомъ, графъ Ожаровскій занялъ Могилевъ, взялъ немногихъ оставшихся поляковъ и гошпитали. Генералъ Бороздинъ съ отрядомъ наблюдалъ дороги въ окрестностяхъ, гдѣ непріятеля уже не было! [1]) Назначеніемъ своимъ Бороздинъ обязанъ покровительству дежурнаго генерала Коновницына, котораго не отказывалъ онъ человѣку, умѣющему способность льстить ему ловкимъ образомъ. Дарованіямъ всякаго другого имѣлъ онъ снисхожденіе способствовать не быть на видномъ мѣстѣ.

Наполеонъ отступилъ съ невѣроятною поспѣшностію, опасаясь быть настигнутъ нашею арміею прежде перехода за рѣку Березину. Но опасенія эти были напрасны, и, хотя точныя были свѣдѣнія о непріятельской арміи, фельдмаршалъ не трогался съ мѣста, правдоподобно, съ тѣмъ разсчетомъ, что далекій путь, усиливающаяся зима, свирѣпствующій голодъ и предстоящая борьба при Березинѣ, безъ содѣйствія главной арміи, приведутъ французское войско въ состояніе близкое къ разрушенію.

Если бы атаманъ Платовъ изъ главной квартиры имѣлъ во-время извѣщеніе о выходѣ трехъ тысячъ человѣкъ польскихъ войскъ изъ Могилева, они были бы въ рукахъ нашихъ; ибо въ слѣдъ за нимъ шелъ весь отрядъ мой. Непонятно ему было равнодушіе, съ которымъ смотрѣли на важнѣйшій тогда предметъ соединенія съ арміею адмирала Чичагова и необходимость усилить ея средства.

Поздно вечеромъ, окончивши переходъ, 15 числа ноября расположился я на ночлегъ у селенія Лошницы, послѣдней почтовой станціи къ городу Борисову. Здѣсь явился ко мнѣ адъютантъ адмирала Чичагова, поручикъ Лисаневичъ, съ предложеніемъ присоединиться къ нему въ городѣ Борисовѣ съ моимъ отрядомъ, о слѣдованіи котораго узналъ онъ отъ атамана Платова.

Адъютантъ разсказалъ мнѣ подробно, что атаманъ, приблизившись къ Борисову, имѣлъ впереди храбраго партизана Сеславина, который, не замѣченный въ темнотѣ, ворвался въ городъ. Внезапность происшествія, тысячи появившихся казаковъ произвели общее смятеніе. Слабая дивизія французской пѣхоты генерала Партуно поспѣшно удалилась, въ надеждѣ пройти къ войскамъ, стоявшимъ у переправы, но пресѣкли ей путь войска графа Витгенштейна, и

---

[1]) Задолго прежде вышла изъ Могилева дивизія польскихъ войскъ генерала Домбровскаго, равномѣрно и послѣдніе отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ разныхъ частей войскъ выступили весьма недавно. Бороздинъ донесенія свои отправлялъ непосредственно въ главную квартиру. Если бы Бороздинъ не былъ прежде флигель-адъютантомъ, князь Кутузовъ, со всею проницательностію своею, затруднился бы найти назначеніе, въ которомъ могъ онъ быть на что-нибудь годнымъ. Пѣвецъ искусный и пріятный!

она, равно какъ два кавалерійскіе полка рейнской конфедераціи, принуждены были сдаться плѣнными, и городъ остался во власти нашей и возстановлено сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ рѣки.

Отправивъ обратно адъютанта, я представилъ чрезъ него строевой рапортъ адмиралу, и просилъ доложить ему, что войска, только-что сдѣлавшія переходъ, готовы охотно совершить новый, что я, находя нужнымъ дать время на свареніе каши, поправленіе обуви и отдыхъ, всего не болѣе четырехъ часовъ, выступлю непремѣнно.

Быстро шли войска, желающія боя, и задолго предъ полуднемъ вошли въ Борисовъ, не сдѣлавъ на маршѣ привала, и тотчасъ приступили къ работамъ при переправѣ.

На переходѣ моемъ отъ Лошницы въ ночное время слѣдовавшіе позади коши трехъ казачьихъ моихъ полковъ частію захвачены были скрывавшимся въ лѣсу непріятелемъ, многія толпы котораго въ добровольной сдачѣ находили разсчетъ не умереть съ голоду.

Прибывши въ Борисовъ предъ полуднемъ, явился я къ атаману, который сообщилъ мнѣ желаніе адмирала, чтобы я поспѣшилъ присоединиться къ нему, и я приступилъ немедленно къ устроенію переправы. Черезъ рѣку Березину и ея протоки сдѣланы были временные на козлахъ мосты, постланы соломою, поливаемы водою, скрѣпляемою морозомъ. Безъ затрудненія перешла пѣхота, артиллерія и зарядные ящики перевезены не безъ опасности. Особенная способность и ловкость казаковъ отвратили всѣ прочія препятствія; отысканы броды, два кирасирскіе полка переправились безъ потери времени.

Доходившіе до насъ смутные и тревожные слухи объяснились по прибытіи въ Борисовъ. Городъ весьма недавно занятъ былъ адмираломъ съ значительными силами, высланъ авангардъ по направленію на Лошницу подъ командою генерала графа Палена (родного брата знаменитаго Петра Петровича). Непріятель, пользующійся лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, кавалерію нашу, шедшую впереди, опрокинулъ съ уономъ; она смяла не вдалекѣ подкрѣплявшую ее пѣхоту и, не предваря о происшедшемъ, авангардъ въ величайшемъ разстройствѣ явился у Борисова, и за нимъ преслѣдующій непріятель ворвался въ городъ. Адмиралъ отступилъ съ войскомъ за мостъ и, по его приказанію, онъ сожженъ. Потеряны обозы съ лошадьми, вмѣстѣ и экипажи адмирала со всѣмъ имуществомъ, дорогими вещами и серебрянымъ сервизомъ на столѣ, готовомъ для обѣда. Прервано наблюденіе на лѣвомъ берегу Березины.

При переходѣ Наполеона чрезъ мѣстечко Бобръ, къ нему присоединились: свѣжій корпусъ маршала Виктора, всѣ войска маршала Удино, защищавшія Полоцкъ (исключая Баварскаго корпуса, съ которымъ генералъ князь Вреде прямо изъ Полоцка отправился въ Литву), равно и войска польскія генерала Домбровскаго.

Въ Борисовѣ былъ генералъ графъ Витгенштейнъ съ его главною квартирою. Главныя силы его корпуса были въ близкомъ разстояніи; при немъ находилась часть ихъ, не допускаемая до переправы арріергардомъ маршала Виктора, а съ нимъ войска всѣ на правомъ уже берегу рѣки Березины.

Графъ Витгенштейнъ, по давнему знакомству [1]), принялъ меня съ особеннымъ вниманіемъ, и я нашелъ тѣ же свойства рыцаря и ни малѣйшей гордости, хотя легко могла она выказаться при разсказѣ о соображеніяхъ и планахъ, имъ исполненныхъ, о многихъ выигранныхъ генеральныхъ сраженіяхъ, о мужествѣ войскъ, которымъ ничто противостать не можетъ. Онъ говорилъ мнѣ, что адмиралъ Чичаговъ, имѣя средства возбранить переправу, или нанести арміи Наполеона сильное пораженіе, но, оставя слабый отрядъ генерала Чаплица, со всѣми войсками отдалился на большое разстояніе. Графу отвѣчалъ я, что мнѣ извѣстенъ сообщенный ему общій планъ дѣйствій, Государемъ Императоромъ начертанный, который доставленъ фельдмаршалу флигель-адъютантомъ полковникомъ Чернышевымъ въ селеніе Красная Пахра, въ шестой день по занятіи Наполеономъ Москвы, когда армія наша, правымъ берегомъ Москвы рѣки, совершила достопамятное фланговое движеніе до города Подольска и перешла на Калужскую дорогу. Никто предполагать не могъ, что, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, Наполеонъ найдется въ необходимости предпринять отступленіе, и по тому большую еще основательность имѣло соображеніе Государя направить значительныя силы на линію непріятельскихъ коммуникацій, гдѣ находились склады огромныхъ заготовленій, расположены рекрутскія депо, проходили къ арміи отряды и разнаго рода снабженія. Исполненіе сего возлагалъ фельдмаршалъ на адмирала Чичагова, разсчитывая, что къ тому приступитъ онъ не менѣе, какъ съ шестидесятью тысячами человѣкъ. Предписаніе получено имъ, когда находился онъ противъ генерала князя Шварценберга, начальствующаго австрійскими войсками, и корпуса саксонцевъ подъ командою французскаго генерала Ренье, ревностнаго исполнителя повелѣній Наполеона, требовавшаго съ настойчивостію отъ князя Шварценберга болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Адмиралъ, для удержанія ихъ, оставивши генералъ-лейтенанта барона Остенъ-Сакена съ двадцатью шестью тысячами человѣкъ, съ прочими войсками

[1]) 1794 года состояли мы при генералъ-аншефѣ князѣ Репнинѣ, главнокомандующемъ арміею, расположенною въ Литвѣ. 1796 года въ армію, подъ начальствомъ генералъ-аншефа графа Зубова, дѣйствовавшую противъ Аги-Магметъ-Шаха, присланъ былъ курьеромъ полковникъ графъ Витгенштейнъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Императрицы Екатерины II.

взялъ направленіе, чрезъ городъ Минскъ, на Борисовъ, главную операціонную линію непріятеля. Въ обязанности его было стараться войти въ сношеніе съ войсками подъ городомъ Полоцкомъ, сопротивленіе котораго не полагалось продолжительнымъ, когда прибудутъ дружины С.-Петербургскаго и Новгородскаго ополченій, отрядъ генералъ-адъютанта Кутузова и значительныя подкрѣпленія генералъ-лейтенанта Штейнгеля, призваннаго изъ Финляндіи. Итакъ въ тылу арміи Наполеона, у котораго нельзя было подозрѣвать намѣренія скораго отступленія, могли составиться силы, угрожающія гибельными послѣдствіями. Графу Витгенштейну извѣстно уже было, что причиною отдаленія адмирала къ городу Игумену былъ фельдмаршалъ, имѣвшій неосновательныя свѣдѣнія, что Наполеонъ найдетъ тамъ удобнѣйшую переправу. Сообщивши графу, что сего дня (16 числа ноября) атаманъ Платовъ со всѣми казаками и моимъ отрядомъ, въ теченіе ночи, присоединится къ арміи адмирала, я съ нимъ разстался [1]).

Въ позднее время ночи, на 17 число ноября, атаманъ съ войсками присоединился къ арміи адмирала. Здѣсь узнали мы, что въ слѣдованіи въ своемъ чрезъ городъ Минскъ, адмиралъ овладѣлъ огромными въ немъ складами провіантскихъ запасовъ, коммиссаріатскихъ, госпитальныхъ и аптекарскихъ вещей, для охраненія которыхъ оставленъ небольшой отрядъ войскъ. Далѣе на пути авангардъ его, подъ начальствомъ храбраго генералъ-адъютанта графа Ламберта, нашелъ предъ городомъ Борисовымъ занятое непріятелемъ мостовое укрѣпленіе, нами прежде устроенное для прикрытія моста, длиною немного менѣе версты, чрезъ болота, прорѣзанныя рѣкою Березиною и ея протоками. Графъ Ламбертъ далъ приказаніе пѣхотѣ сомкнуться въ колонны, немедленно атаковалъ укрѣпленіе и взялъ его штурмомъ. Упорна была защита, великъ непріятеля уронъ. Генералъ Домбровскій отступилъ за рѣку и въ городѣ не остановился.

---

[1]) Въ главной его квартирѣ, въ должности дежурнаго генерала нашелъ я артиллеріи генералъ-маіора Бѣгичева (Ивана Матвѣевича). При взятіи Суворовымъ, въ 1794 году, штурмомъ Варшавскаго укрѣпленія Праги, онъ служилъ капитаномъ, старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ въ его арміи и командовалъ артиллеріею. Многіе изъ насъ, въ равномъ съ нимъ чинѣ, имѣли въ немъ начальника строгаго и взыскательнаго. На вопросъ мой: „Что дѣлаете вы здѣсь хорошаго“? вотъ точный его отвѣтъ: „Ведемъ себя, какъ ребятишки, которыхъ надобно сѣчь розгами. Знаемъ, что авангардъ близко; первая и вторая линіи ходятъ особенно каждая, и скоро ли придутъ, не знаемъ! Главные дѣятели у насъ: артиллеріи генералъ-лейтенантъ князь Яшвиль и квартирмейстерской части генералъ-маіоръ баронъ Дибичъ“. Я не могъ ихъ дождаться, и мы разстались въ генераломъ Бѣгичевымъ.

Досталось побѣдителямъ шесть пушекъ и до двухъ тысячъ плѣнныхъ [1]). Адмиралъ пришелъ къ рѣкѣ Березинѣ, имѣя менѣе тридцати тысячъ человѣкъ, слѣдовательно, не съ половиною предполагаемаго фельдмаршаломъ количества. Онъ не имѣлъ свѣдѣнія о нашихъ войскахъ; еще менѣе, гдѣ и съ какими силами Наполеонъ. На лѣвомъ берегу Березины, въ городѣ Борисовѣ, находился непріятель, гдѣ, по твердому сопротивленію и хорошему состоянію войскъ генерала Домбровскаго, заключилъ онъ, что и прочія части арміи въ равномъ устройствѣ.

Ноября 17-го числа, съ разсвѣтомъ, явился я къ адмиралу. Благосклонно принявъ меня, онъ говорилъ, что, бывши извѣщенъ о появившейся непріятельской кавалеріи на лѣвомъ берегу Березины, въ 23 верстахъ ниже Борисова, онъ, оставивши съ генераломъ Чаплицемъ отрядъ прикрытія Зембинскаго дефиле, прошелъ мимо Борисова и далѣе по направленію на Игуменъ. но возвратился съ возможною поспѣшностію, извѣщенный, что въ селеніе Вытча прибылъ непріятель въ большихъ силахъ, занялъ возвышенный лѣвый берегъ Березины огромными батареями, обстрѣливающими противолежащую низменность, устроилъ мосты, и уже значительная часть пѣхоты перешла съ пушками. Генералъ-маіоръ Чаплицъ, не имѣя средствъ удерживать ихъ, принужденъ истребить мостъ чрезъ рѣчку Гойну, открыть Зембинское дефиле и отступить въ лѣсъ, котораго за нимъ въ слѣдъ большое пространство захватилъ непріятель. Атаману Платову предложено адмираломъ послать отрядъ казаковъ вверхъ по рѣчкѣ Гойнѣ, для того, чтобы, перейдя чрезъ нее, разрушить мосты и гати въ Зембинскомъ дефиле. Я осмѣлился представить адмиралу мои мысли: что, „если бы Наполеонъ встрѣтилъ невозможность идти на мѣстечко Зембинъ, ему оставалось единственное средство овладѣть дорогою на Минскъ, гдѣ при изобильныхъ всякаго рода запасахъ (которыми снабжается армія ваша и всѣ прочія войска), доставить своей арміи отдохновеніе, призвать изъ Литвы подкрѣпленія и возстановить въ ней порядокъ“, адмиралъ отвѣчалъ мнѣ, что, защищая Зембинскую дорогу, онъ исполнялъ въ точности повелѣніе фельдмаршала.

Въ званіи моемъ Начальника Главнаго Штаба 1-й арміи, мнѣ извѣстны предположенія Его Свѣтлости, князя Кутузова. Вы теперь изволите видѣть, сколько не сходствуютъ съ ними настоящія обстоятельства, и сколько велика разность средствъ, состоящихъ въ распоряженіи вашемъ, когда съ Наполеономъ соединились корпусъ

---

[1]) Графъ Ламбертъ получилъ тяжелую рану, и въ арміи адмирала не стало одного изъ отличнѣйшихъ и распорядительнаго генерала.

маршала Виктора и войска маршала Удино, вышедшія изъ Полоцка. Изъ нихъ были плѣнные, взятые еще вчерашній день, слѣдовательно, графъ Витгенштейнъ не воспрепятствовалъ имъ присоединиться [1]).

Рано утромъ 17 числа въ лѣсу загорѣлась перестрѣлка и усиливалась чрезвычайно. Пѣхотою нашею, разсыпанною въ стрѣлкахъ, распоряжался храбрый и отличныхъ способностей генералъ-лейтенантъ Сабанѣевъ, начальникъ главнаго штаба арміи адмирала.

Не всѣ еще собраны были войска арміи. Составляющіе резервъ ея гренадерскіе, отличные баталіоны были на возвратномъ маршѣ отъ Игумена. Кавалерія, въ совершенномъ порядкѣ сбереженная, по причинѣ лѣсистаго мѣстоположенія, была безполезною, и артиллеріи часть ничтожная была употреблена, расположенная въ просѣкѣ лѣса, на почтовой дорогѣ: впереди легкія орудія въ равномъ количествѣ съ непріятельскими; сзади батарейныя, стрѣлявшія навѣсно на столпившуюся въ просѣкѣ пѣхоту. Войска моего отряда составляли резервъ арміи [2]). Замѣчено было, что число непріятеля умножилось; онъ замѣнялъ утомленныя войска свѣжими, тѣснилъ наши. Атаки возобновлялись часто и усиленныя. Не было въ лѣсу поляны, гдѣ бы небольшіе отряды кирасиръ не разстроивали нашей пѣхоты, даже нанося уронъ. Причину ожесточеннаго боя объяснили намъ схваченные плѣнные, извѣстивъ, что Наполеонъ переправился чрезъ Березину и находится при войскахъ.

На лѣвомъ берегу бывшая пѣхота переходила по мостамъ, оставались во множествѣ тяжелыя орудія, военные обозы и частные экипажи, заграждавшіе доступъ къ рѣкѣ. Не прежде десяти часовъ утра появились передовыя войска графа Витгенштейна и ограничились перестрѣлкою изъ орудій. Въ первомъ часу по полудни соединился весь его корпусъ; недолго противостоялъ непріятель гу-

---

[1]) Расположенному въ окрестностяхъ города Мозыря, генералъ-лейтенанту Эртелю съ отрядомъ изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ, благовременно предписано было прибыть къ арміи адмирала; но въ ожиданіи разрѣшеній на безсмысленные свои вопросы, потерявъ время, онъ остался на своемъ мѣстѣ. Генералъ Эртель отличался особенными расторопностію и ловкостію; низкою угодливостію, въ должности московскаго оберъ-полицеймейстера, пріобрѣлъ онъ извѣстность. Дежурный генералъ Коновницынъ, зная враждебное расположеніе князя Кутузова къ адмиралу, изыскалъ способъ генерала Эртеля избавиться отвѣтственности за ослушаніе, и тѣмъ не раздражилъ фельдмаршала!

[2]) Появленіе гвардейскихъ полковъ егерскаго и финляндскаго, гвардейской артиллеріи, лейбъ-кирасирскихъ полковъ Его и Ея Величествъ произвело на духъ войскъ арміи адмирала полезное дѣйствіе. Кто бы не подумалъ, что и фельдмаршалъ съ арміею находится въ близкомъ разстояніи!

бительнымъ его батареямъ; разметавъ препятствія, занимали онѣ возвышенности лѣваго берега рѣки, производя ужасное пораженіе въ отступающихъ войскахъ по низменности праваго берега. Все пришло въ отчаяніе, смятеніе было общее. Всѣ вдругъ бросились на мосты, тысячи безоружныхъ людей открывали себѣ путь, сбрасывая повозки въ воду. Мосты, не выдержавши напора, обрушились.

Въ десять часовъ утра, того же 17 числа, Наполеонъ вступилъ въ Зембинское дефиле. Стремительно бросилась за нимъ пѣхота его, съ большимъ урономъ изгоняемая изъ лѣсу войсками адмирала, и между плѣнными взяты многіе чиновные офицеры [1]). Тогда уже замѣченъ былъ большой безпорядокъ на мостахъ, отъ опасенія впасть въ наши руки, когда берегъ занятъ будетъ нашими, овладѣвшими имъ, войсками.

Атаманъ Платовъ доложилъ адмиралу Чичагову о возвращеніи партіи, посыланной имъ для истребленія мостовъ и гатей по дорогѣ на Зембинъ. Надобно было перейти рѣчку Гойну не замерзшую, хотя повсюду не глубокую, но невозможно было ближе тридцати и болѣе саженей подойти къ ней, по причинѣ непроходимыхъ болотъ, въ которыхъ увязаютъ лошади на всемъ разстояніи до самаго ея берега.

Итакъ непріятельская армія въ полномъ и рѣшительномъ отступленіи. Кончены на рѣкѣ Березинѣ всѣ трудныя и сложныя соображенія и разсчеты!

Князь Кутузовъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о гибельномъ положеніи непріятельской арміи; со свойственной ему прозорливостію предусмотрѣлъ неотвратимыя бѣдствія, непрерывно возрастающія и грозящія ей впослѣдствіи. Ей предлежалъ далекій путь до границъ нашихъ, зима наставала лютая и необходимость быстраго отступленія, при совершенномъ изнуреніи отъ голода и стужи. Ощутительно было, судя по тысячамъ труповъ, застилающихъ дорогу, что она не избѣгнетъ состоянія, близкаго къ разрушенію. Напротивъ, наша армія, безъ пожертвованій, будетъ, сколько возможно, сбережена!

Постоянна была мысль князя Кутузова о томъ, на что можетъ рѣшиться Наполеонъ въ крайности, въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, и что не существуетъ опаснаго и отчаяннаго предпріятія, на ко-

---

[1]) Плѣнный французскій офицеръ, старый, весьма израненный командиръ полка легкой пѣхоты, жившій у меня до выступленія нашего за границу, сказывалъ, что въ сраженіи и при переправѣ погибло не менѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ собственно военнаго званія и множество людей разныхъ націй, состояній и ремеслъ.

торое не вызвались бы приверженцы Наполеона, его гвардія и самая армія, когда онъ предводительствуетъ ими и единственное остается средство спасти его для славы Франціи, и надежда увидѣть отечество!

Цѣль достигнута! Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ болѣе, и если бы даже нѣкоторые изъ маршаловъ, не увеличили бы славы и торжества русскихъ!

Не могла слабая армія адмирала удержать Наполеона. Ему выгоднѣе было направленіе на Минскъ, но болѣе необходимъ былъ кратчайшій путь; ибо могъ ли онъ не полагать, что вся наша армія въ самомъ близкомъ разстояніи и, соединясь съ арміею адмирала для преслѣдованія, могла его уничтожить? Оставивши не мало плѣнныхъ, всѣхъ вообще не имѣвшихъ оружія и больныхъ, Наполеонъ отправился на Зембинъ. За нимъ вскорѣ посланъ генералъ-маіоръ Чаплицъ; но какъ слабъ былъ составъ командуемаго имъ авангарда, адмиралъ предложилъ мнѣ подкрѣпить его моимъ отрядомъ. Я охотно исполнилъ приказаніе, предоставляя генералу Чаплицу, хотя младшему чиномъ, полное распоряженіе. Непріятель, по возможности, старался препятствовать скорости нашего движенія, разрушалъ мосты на протокахъ и оврагахъ, сожигалъ селенія. Не разъ пушечные выстрѣлы наши разгоняли толпы ихъ. Занявши мѣстечко Молодечно, мы захватили офицерскую одежду, которую не успѣли взять съ собою спасавшіеся бѣгствомъ. Здѣсь адмиралъ позволилъ мнѣ остановить отрядъ, дать людямъ отдыхъ и далѣе идти по собственному усмотрѣнію. Невдалекѣ за авангардомъ двигалась вся его армія.

Не позволяю себѣ оставить безъ описанія о происходившемъ на рѣкѣ Березинѣ, когда мы оставляли ее, и чего я былъ очевидный свидѣтель. На мостахъ, частями обрушившихся, бывшія пушки, разныя тяжести, упали въ рѣку; толпы людей, сходившихъ на ледъ, между которыми не малое количество было женщинъ съ дѣтьми и грудными ребятами. Никто не избѣгъ лютости мороза! Никогда не случится видѣть столько ужаснаго зрѣлища! Счастливы окончившіе бѣдствія свои вмѣстѣ съ жизнію. Они оставили завидующихъ ихъ участи! Несчастнѣе несравненно были сохранившіе жизнь для того, чтобы лишиться ея отъ жестокости холода, въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Судьба, отмщевающая за насъ, представила намъ всѣ роды отчаянія, всѣ виды смерти. Рѣка покрыта была льдомъ прозрачнымъ, какъ стекло: подъ нимъ видно было, во всю широту рѣки, множество погибшихъ. Непріятель оставилъ огромное число артиллеріи и обозовъ. Не перешли Березины богатства ограбленной Москвы! Непріятель понесъ срамъ бѣгства, и ограниченъ срокъ существованія разрушающихся остатковъ его арміи.

Атаманъ Платовъ дѣйствовалъ отдѣльно, истребляя на пути непріятеля средства, которыми могъ бы онъ воспользоваться.

Графъ Витгенштейнъ не пошелъ вмѣстѣ съ адмираломъ Чичаговымъ, который, въ качествѣ главнокомандующаго арміею, могъ подчинить его своимъ распоряженіямъ; онъ отправился вправо, поставляя на видъ намѣреніе преслѣдовать генерала Вреде, начальствующаго баварскими войсками Рейнской конфедераціи. Вскорѣ по оставленіи Полоцка они отошли въ Литву и, вѣроятно, находятся уже далеко.

Свидѣтель происшествія при Березинѣ, безъ малѣйшаго въ нихъ участія, безпристрастно излагаю я мои замѣчанія.

Нѣтъ побуждающихъ причинъ говорить не въ пользу графа Витгенштейна, извѣстнаго рыцарскими свойствами, предпріимчиваго на все полезное! Не соотвѣтствующія этому случайности могли принадлежать постороннему внушенію.

Адмиралъ Чичаговъ, при первомъ разговорѣ со мною, выказался превосходнаго ума, и я чувствую съ негодованіемъ, насколько безсильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него обвиненій.

Проходя съ отрядомъ моимъ по большой дорогѣ на Вильну, на ночлегъ пріѣхалъ неожиданно князь Кутузовъ и расположился отдохнуть. Немедленно явился я къ нему, и продолжительны были разспросы его о сраженіи при Березинѣ. Я успѣлъ объяснить ему, что адмиралъ Чичаговъ не столько виноватъ, какъ многіе представить его не желаютъ. Не извинялъ я сдѣланной ошибки движеніемъ къ Игумену; не скрылъ равномѣрно и графу Витгенштейну принадлежащихъ. Легко могъ я замѣтить, до какой степени простиралось неблагорасположеніе его къ адмиралу. Не нравилось ему, что я смѣлъ оправдывать его. Но въ званіи моемъ не ловко было рѣшительно пренебречь моими показаніями, и князь Кутузовъ не предпринялъ склонить меня понимать иначе то, что я видѣлъ собственными глазами. Онъ принялъ на себя видъ чрезвычайно довольнаго тѣмъ, что узналъ истину, и увѣрялъ (хотя не увѣрилъ), что совсѣмъ другими глазами будетъ смотрѣть на адмирала, но что доселѣ готовъ былъ встрѣтиться съ нимъ непріятнымъ образомъ. Онъ приказалъ мнѣ представить послѣ записку о дѣйствіяхъ при Березинѣ, но чтобы никто не зналъ о томъ.

Недалеко отъ уѣзднаго города Ошмянъ (49 верстъ отъ губернскаго города Вильны), атаманъ Платовъ обошелъ авангардъ арміи адмирала и, не остановясь, продолжалъ движеніе въ ночное время. Независимо отъ распоряженій его, шелъ впереди отрядъ партизана Сеславина [1]): проводникомъ его былъ схваченный еврей, житель го-

[1]) Сеславинъ не встрѣтилъ препятствій. Арріергардъ французскій (какъ показали взятые изъ него плѣнные) пошелъ противъ передовыхъ войскъ арміи адмирала, и въ главной квартирѣ Наполеона не было о томъ извѣстія . такъ что посланный офицеръ съ повелѣніями не засталъ уже его, и взятый

рода, знавшій о пребываніи въ немъ самого Наполеона, и ничего о томъ, какой домъ онъ занимаетъ. Еврей провелъ отрядъ чрезъ лежащія въ сторонѣ мельницы, по тропинкѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ, едва примѣтной. Въ городѣ было спокойно и въ совершенной безпечности.

Сеславинъ обратился къ дому, отличающемуся наружностію: на обширномъ дворѣ его были толпы военныхъ людей. Внезапное появленіе казаковъ произвело бльшое смятеніе, многіе спасались бѣгствомъ, и до того слабо было сопротивленіе, что казаки безнаказанно наносили пораженіе. Отовсюду, на призывъ тревоги, стекались пробужденные огромными толпами и казаки понуждены были удалиться. Домъ, на который ударилъ Сеславинъ, по количеству при немъ войскъ, принятъ былъ за квартиру Наполеона, но въ немъ расположенъ былъ комендантъ города и отряды разныхъ частей войскъ, поспѣшно отправляемые въ Вильну. Въ отдаленномъ концѣ города была квартира Наполеона, и онъ, съ конвоемъ своей гвардіи, не теряя минутъ, отправился въ Вильну, гдѣ, никѣмъ невидимый, проѣхалъ за границу. Посланная изъ Вильны къ отступающей французской арміи дивизія изъ десяти тысячъ свѣжей пѣхоты не могла служить ей подкрѣпленіемъ, когда въ виду уже были авангардъ арміи адмирала и атаманъ Платовъ со всѣми казаками. Дивизія изъ резервныхъ, вновь набранныхъ конскриптовъ, не вынесла труда, и на разстояніи между городомъ Ошмянами и Вильною была жертвою лютости мороза; малое число спасшихся возвратились въ Вильну. Всѣ большими толпами разбросанные пополю, близко отъ дороги, лежали замерзшіе. Разметаны кости съѣденныхъ лошадей, оставлена новая артиллерія, не бывшая въ употребленіи, обнаружены были трупы, одежда отобрана имѣвшими силы идти далѣе.

Первый вошелъ съ отрядомъ въ Вильну партизанъ Сеславинъ, но долженъ былъ уступить превосходству непріятеля. Пришли атаманъ Платовъ и авангардъ генерала Чаплица, и непріятель съ поспѣшностію оставилъ городъ. Не замедлила прибыть армія адмирала и за нею вскорѣ фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ. Ноября 29 числа (термометръ означалъ 27 градусовъ) вступилъ я съ моимъ отрядомъ въ Вильну и тотчасъ явился къ фельдмаршалу. Имъ дано мнѣ приказаніе на всѣхъ въѣздахъ поставить караулы, къ провіантскимъ магазинамъ, складамъ аммуничныхъ вещей и разнаго рода запасовъ [1]).

казаками представленъ атаману. Онъ подтвердилъ, что Наполеонъ точно въ Ошмянахъ.

[1]) Въ чрезвычайныхъ размѣрахъ были заготовленія всякихъ для арміи потребностей. Ничто не упущено изъ виду и ничто не истреблено непріятелемъ. Цѣнность казеннаго имущества можетъ восходить до огромнаго числа милліоновъ. Остались и частные богатые магазины.

Въ городѣ нашелъ я адмирала Чичагова, но армія его отправлена была къ границамъ Пруссіи и въ ней подъ ружьемъ было не много болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ, почему и приказано всѣмъ отдѣльнымъ отъ нея частямъ поспѣшнѣе соединиться съ нею.

Графъ Витгенштейнъ, съ корпусомъ начавшій отъ рѣки Березины вымышленное имъ преслѣдованіе войскъ короля Баварскаго и не видѣвши ихъ, дошелъ до мѣстечка Нѣменчина, недалеко отъ Вильны, откуда послалъ съ отрядомъ партизана Теттенборна [1]), чтобы показать содѣйствіе при занятіи города, и онъ расположился въ одномъ изъ предмѣстій.

Предъ проѣздомъ и можно сказать бѣгствомъ Наполеона мимо Вильны, бдительная французская полиція, скрывая пораженія, распускала молву о его побѣдахъ. Торжества были о взятіи Риги и покореніи Кіева. Блистательно освѣщенъ городъ, выставлены великолѣпныя картины, на площадяхъ гремѣла музыка, хвалебные возглашались хоры, произносились рѣчи, изумляющія наглою дерзостію. 1805 года, послѣ сраженія при Аустерлицѣ, генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ назначенъ былъ литовскимъ военнымъ губернаторомъ, и только два баталіона внутренней стражи были въ его распоряженіи. Общество высшаго разряда очаровано было его привлекательнымъ и особенно вѣжливымъ обхожденіемъ. Женщины польскія, обладающія даромъ плѣнять любезностію и ловкостію, играли при немъ немаловажную роль.

Теперь свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій явился фельдмаршаломъ, побѣдителемъ Наполеона, изгнаннаго имъ изъ предѣловъ отечества нашего [2]).

У фельдмаршала нашелъ я адмирала Чичагова и графа Витгенштейна, который разсказывалъ ему о нѣсколькихъ, выигранныхъ имъ, генеральныхъ сраженіяхъ и въ такомъ тонѣ, что на долю главной арміи оставались легкія, не весьма значительныя дѣйствія. Неуловимая тонкость князя Кутузова не могла однако жъ скрыть совершенно его негодованія, и онъ далъ чувствовать его, обращаясь съ отличнымъ вниманіемъ къ адмиралу, довольный соблюдаемою имъ почтительною наружностію. До отъѣзда его въ армію,

[1]) Предъ нынѣшнею войною австрійскій генералъ князь Шварценбергъ, бывши посломъ при Россійскомъ дворѣ, имѣлъ при себѣ адъютантомъ Теттенборна, который, принятъ будучи въ нашу службу, далъ замѣтить себя, какъ офицеръ отлично храбрый и столько же способный, оказывалъ въ разныхъ случаяхъ достойныя уваженія заслуги.

[2]) Нѣсколько предъ симъ дней разговоръ князя Кутузова со мною въ точныхъ его выраженіяхъ: „Голубчикъ! Если бы кто два, или три года назадъ сказалъ мнѣ, что меня изберетъ судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившаго всю Европу, я право плюнулъ бы тому въ рожу!“

взаимныя ихъ отношенія были благовидны, что, впрочемъ, не препятствовало князю Кутузову дѣлать вредъ адмиралу, многими замѣченный впослѣдствіи. Онъ относилъ на счетъ его намѣреніе похитить славу заключенія съ Портою мира, послѣ знаменитой побѣды его надъ великимъ визиремъ при Рущукѣ.

Графъ Витгенштейнъ часто, но всегда довольно неловко, давалъ чувствовать, что Петербургъ ему обязанъ спасеніемъ и путь въ Литву проложенъ его побѣдами. Служа въ арміи Кутузова во время славной ретирады изъ Баваріи 1805 года генералъ-маіоромъ, извѣстенъ онъ былъ главнокомандующему блистательной храбрости шефомъ гусарскаго полка. Теперь, находя его на первомъ планѣ дѣйствующихъ лицъ, онъ признавалъ необходимымъ имѣть основательное свѣдѣніе о способности и познаніяхъ, требуемыхъ отъ начальника, которому ввѣряется обширное и нерѣдко трудное командованіе. Разсуждая о разныхъ происшествіяхъ, сопровождавшихъ непредвидѣнный и скорый оборотъ обстоятельствъ, о предстоящихъ дѣйствіяхъ по выступленіи за границу, далъ онъ поводъ графу Витгенштейну высказать его о томъ мнѣніе. Проницательному князю Кутузову достаточно было четверти часа познать его совершенно [1]).

Превозносимый, похвалами многихъ несмысленныхъ почитателей его, спасителемъ Петербурга, я увѣренъ, что онъ не былъ до той степени упоенъ лестію, чтобы мечталъ сравнивать себя съ княземъ Кутузовымъ, который не нашелъ бы въ немъ даже помощника.

Чрезъ нѣсколько дней пришла въ окрестности Вильны главная наша армія. Ей назначенъ нужный отдыхъ.

Фельдмаршалъ покоился на пожатыхъ лаврахъ, готовый продолжить бездѣйствіе. Собрались генералы въ Главную квартиру, гдѣ, послѣ многотрудной кампаніи, пріятно было найти удобства и удовольствія, устраняя служебныя занятія.

Доставлены фельдмаршалу, по сдѣланнымъ имъ представленіямъ, назначенныя награды за сраженія, между прочими за битву Бородинскую. Медленно послѣдовало утвержденіе ихъ по той причинѣ, что многіе весьма изъ частныхъ начальниковъ 2-й Западной арміи были убиты и ранены, и временно заступившіе мѣста ихъ присылали представленія порознь, и надобно было, разсматривая достоинство оказанныхъ отличій, соразмѣрять вознагражденія [2]).

---

[1]) Трудъ разсуждать не всегда принимаетъ онъ на себя, часто предоставляя другимъ эту черную работу. Служащіе при немъ близко имѣютъ сильное на него вліяніе, и весьма часто не принадлежа къ числу людей достойныхъ.

[2]) Главнокомандующій военный министръ Барклай-де-Толли, отъѣзжая изъ арміи въ сентябрѣ мѣсяцѣ, поручилъ директору министерской своей

Непріятель продолжалъ оставлять предѣлы наши. Австрійскій корпусъ генерала князя Шварценберга выходилъ изъ Гродненской губерніи. Генералъ Ренье съ корпусомъ Саксонскимъ удалился по направленію къ рѣкѣ Нареву. Войска польскія герцогства Варшавскаго отправились къ Варшавѣ. Корпусъ маршала Макдональда и съ нимъ прусскія войска слѣдовали изъ Курляндіи къ Тильзиту. Остатки большой Наполеоновской арміи (la grande armée), близкой къ разрушенію [1]), и съ нею отрывки войскъ прочихъ союзниковъ, направились на Пруссію. Итакъ почти не было уже непріятеля на землѣ русской!

Расположеніе армій нашихъ было слѣдующее: армія адмирала Чичагова была у мѣстечка Ездна, на рѣкѣ Нѣманѣ. Туда послѣдовалъ, отряженный отъ нея, сильный корпусъ генерала барона Остенъ-Сакена, возбранявшій австрійскимъ и саксонскимъ войскамъ захватывать обширнѣйшее пространство всѣмъ изобилующей страны. I-й пѣхотный корпусъ графа Витгенштейна, безпрепятственно достигая Нѣмана, въ окрестности города Ковна, наблюдалъ отступающаго маршала Макдональда.

Князь Кутузовъ наслаждался полнымъ покоемъ. Ничто до слуха его допускаемо не было, кромѣ рабственныхъ похвалъ льстецовъ, непремѣнныхъ спутниковъ могущества! О войнѣ вспоминалъ намъ одинъ самовластно господствующій повсюду безпорядокъ, котораго, какъ видно, не менѣе было у самихъ непріятелей нашихъ.

Въ Вильнѣ всѣ удобныя зданія, самыя рефекторіи монастырей, заняты были французскими гошпиталями. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, несмотря на жестокую зиму, не было для печей дровъ; нѣсколько вязанокъ разбросанной соломы замѣняли постели. Малому числу больныхъ дана одежда, необходимой посуды никакой. Провожавшій меня изъ старшихъ медиковъ показалъ мнѣ огромную больницу, дверь которой оттокнувши ногою, мы были встрѣчены удушливымъ

канцеляріи, флигель-адъютанту, полковнику Закревскому, показать мнѣ собственноручный рапортъ его фельдмаршалу, которымъ просилъ представить меня къ наградѣ орденомъ Св. Георгія 2-го класса. Конечно, не приличествовало назначить мнѣ награду, къ которой представленъ самъ главнокомандующій; но столько же несправедливо просить Анненскую ленту наравнѣ съ бригадными командирами и шефами полковъ, награду, получаемую за смотры войскъ и парады.

[1]) Когда Наполеонъ съ неимовѣрною скоростію поспѣшилъ къ переправѣ чрезъ рѣку Березину, къ нему присоединился въ мѣстечкѣ Бобрѣ свѣжій корпусъ маршала Виктора въ отличномъ порядкѣ, изъ котораго одна только дивизія имѣла участіе въ сраженіи при Чашникахъ. Также и войска маршала Удино, защищавшія Полоцкъ, были довольно въ хорошемъ состояніи. Съ ужасомъ смотрѣли они на бѣдственное положеніе арміи и войскъ союзныхъ Рейнской конфедераціи, не узнавали блистательной гвардіи, которой видна была гибель неотвратимая!

смрадомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что есть больницы, совсѣмъ оставленныя врачами, ибо не существуетъ средствъ спасти больныхъ и сообщеніе съ ними угрожало неизбѣжною заразою. По мнѣнію его, надлежало въ продолженіе сильныхъ морозовъ, не допускающихъ совершеннаго разложенія тѣлъ, очистить городъ, вывезти трупы безъ всякой опасности. Многія тысячи труповъ вывезены за городъ, часть ихъ сожжена, прочіе опущены во рвы и засыпаны известью. Фельдмаршалъ приказалъ привесть это въ исполненіе.

Въ Вильнѣ хранились огромные запасы всякаго рода предметовъ собственно для продовольствія войскъ, по распоряженію фельдмаршала неприкосновенныхъ до прибытія генералъ-интенданта Канкрина. Столько же огромные склады аммуничныхъ вещей, для гошпиталей одежды, бѣлья и посуды, для аптекъ медикаментовъ дорогой цѣны и во множествѣ лучшіе хирургическіе инструменты. Много бочекъ, наполненныхъ хиною, камфорою и проч.

Великій Князь Константинъ Павловичъ испросилъ позволеніе выбрать изъ запасовъ аммуничныхъ вещей необходимо нужныя для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса, и приказано гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-маіору барону Розену, по исполненіи порученія, представить подробный обо всемъ отчетъ [1]).

Въ Вильнѣ нашлись также частныхъ продавцовъ богатые магазины офицерскихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя присвоены себѣ разными лицами [2]).

Распространился слухъ о прибытіи Государя. Надобно было заняться распоряженіями о приготовленіи встрѣчи, и роскошный покой фельдмаршала прикрытъ былъ наружностію необыкновенной дѣятельности.

Пріѣхалъ Государь и, въ ознаменованіе признательности своей за великія услуги свѣтлѣйшаго князя Кутузова, возложилъ на него орденъ Святаго Георгія 1-го класса [3]). Во множествѣ разсыпаны награды по его представленіямъ, не всегда безпристрастнымъ, весьма часто безъ малѣйшаго разбора. Вскорѣ составился Дворъ, и съ нимъ не-

---

[1]) Я былъ свидѣтелемъ разговора, и мнѣ легко было замѣтить, сколько пріятно было фельдмаршалу, что Его Высочество съ равною настойчивостію не коснулся никакихъ другихъ предметовъ. Предполагать должно, что было въ видахъ сбереженіе казеннаго интереса, сколько возможно въ большемъ размѣрѣ.

[2]) Не чужды Главной квартирѣ и безъ всякой осторожности. При сихъ обстоятельствахъ, многимъ извѣстныхъ, дѣйствія генераловъ Коновницына и Толя соотвѣтствующи достоинству званія.

[3]) Орденъ этотъ уничтоженъ Императоромъ Павломъ I, возстановленъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, и въ царствованіе его до настоящаго времени князь Кутузовъ наименованъ первый кавалеромъ сего ордена 1-го класса.

разлучныя интриги; поле обширное, на которомъ извѣстный хитростію Кутузовъ, всегда первенствующій, непреодолимый ратоборецъ!

Между важными событіями упомяну о недавнемъ происшествіи, маловажномъ по себѣ, оригинальномъ по окончанію. Австрійскій корпусъ, вышедшій уже изъ границъ нашихъ, малымъ числомъ послѣднихъ войскъ своихъ занималъ еще городъ Гродно. Генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій явился съ отрядомъ, предложилъ о сдачѣ и получилъ отказъ. Съ отрядомъ казаковъ гораздо слабѣйшимъ, партизанъ Давыдовъ, безъ чванныхъ рѣчей придворнаго человѣка, не вдаваясь въ политику, приблизился къ передовой непріятельской стражѣ, угрожая, если не будетъ сданъ городъ, атаковать идущимъ за нимъ войскомъ. Раздался звукъ стакановъ между венгерскими гусарами и, при хвалѣ отечественному ихъ напитку, рука въ руку, въ знакъ пріязни. Съ начальникомъ ихъ сдѣлано условіе, и городъ нашъ [1])! Въ одно время дошли до фельдмаршала рапорты: графа Ожаровскаго, что австріецъ не сдаетъ города, и партизана Давыдова, что городъ имъ занятъ!

Государь, по прибытіи своемъ, изъявилъ намѣреніе двинуть за границу армію.

Оказывая постоянно высокое уваженіе фельдмаршалу, изъ совѣщаній съ нимъ онъ замѣтилъ, что лѣта его, тяжелыя чрезвычайно раны, труды и заботы послѣдней кампаніи, ослабили въ немъ способности. Государь, желая продолжить его успокоеніе, оставилъ при немъ громкое наименованіе главнокомандующаго и наружный блескъ нѣкоторой власти. Въ распоряженіе арміями входилъ самъ; о состояніи ихъ, о средствахъ снабженія всѣми потребностями, нужныя свѣдѣнія поручилъ собрать находившимся при его особѣ лицамъ, удостоеннымъ особенной довѣренности.

Князю Кутузову полезно было представить главнѣйшими своими сотрудниками дежурнаго генерала Коновницына и генералъ-квартирмейстера 1-й арміи Толя, съ особенными о нихъ похвалами.

Предъ началомъ войны Государь 3-ю пѣхотную дивизію генерала Коновницына, по устройству ея и знанію фронтовой части называлъ примѣрною, нижнимъ чинамъ дана денежная награда небывалая! Государь принялъ его съ особенною благосклонностію, благодарилъ его за усердіе, во многихъ случаяхъ оказанное мужество. Неизвѣстно, удовлетворилъ ли онъ его знаніемъ военнаго

---

[1]) Штабъ-офицеру предоставлено возвратиться къ своимъ войскамъ. Въ городѣ и окрестностяхъ водворены спокойствіе и порядокъ. Отрядъ партизана Давыдова ожидаетъ повелѣній!

дѣла, если въ разговорахъ съ нимъ испытывалъ мнѣніе его относительно предстоящей кампаніи [1]).

Генералъ графъ Аракчеевъ, въ сношеніяхъ съ Коновницынымъ, не получилъ отъ него обстоятельныхъ объясненій на многіе изъ предложенныхъ предметовъ.

Не болѣе пользы извлекъ генералъ-адъютантъ князь Волконскій изъ совѣщаній съ Коновницынымъ, и въ соображеніи удобнѣйшихъ способовъ къ соединенію частей войскъ, соотвѣтственно предначертанному плану, руководствовался онъ непосредственно знаніемъ и трудами генерала Толя, о чемъ докладывалъ Государю, который обративъ на него вниманіе, замѣтилъ хорошія его способности.

Генералъ Коновницынъ имѣлъ надобность, по домашнимъ обстоятельствамъ, быть нѣкоторое время въ своемъ семействѣ. Государь, съ изъявленіемъ лестнаго вниманія, предоставилъ ему отпускъ, въ видѣ полезнаго послѣ трудовъ, имъ понесенныхъ, отдохновенія. Отсутствіе его изъ арміи мало чувствуемо было, а вскорѣ даже не упоминаемо о немъ.

Генералъ-адъютантъ князь Волконскій наименованъ начальникомъ Главнаго Штаба всѣхъ армій при фельдмаршалѣ [2]). Съ этого времени отъ самого Государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ. При особѣ Его Величества состоялъ генералъ баронъ Беннигсенъ, и къ его извѣданной опытности и познаніямъ обращался Государь во всѣхъ случаяхъ, когда важность обстоятельствъ могла требовать точнѣйшихъ соображеній.

Прежде прибытія Государя представилъ я фельдмаршалу, по приказанію его, чтобы никому о томъ извѣстно не было, записку о дѣйствіяхъ адмирала Чичагова, при рѣкѣ Березинѣ [3]). Онъ говорилъ

---

[1]) Въ царствованіе Императрицы Екатерины II Коновницынъ былъ полковникомъ, командовалъ пѣхотнымъ полкомъ. Отецъ его, значительный сановникъ, по важности занимаемыхъ имъ должностей, въ связи со многими могущественными особами, разными путями, съ необыкновенною скоростію, проводилъ сына въ чины. При трудныхъ въ тогдашнее время средствахъ образованія молодыхъ людей, если не поступали они въ учебныя заведенія, родители принимали въ дома иностранцевъ, которые сообщали дѣтямъ познанія поверхностныя, безъ всякой системы (методы) въ основаніи. Утративши въ продолжительной отставкѣ прежній практически пріобрѣтенный навыкъ, Коновницынъ возвратился въ службу, и совершенно не оказывались военныя его знанія. Блистательна была неустрашимость его, но не могла замѣнить недостатка ихъ.

[2]) Государю надобенъ былъ человѣкъ, давно къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно и, конечно, не легко было бы замѣнить его другимъ.

[3]) Точная копія этой записки, окруженной такою тайною, находится между „Приложеній въ концѣ описанія войны 1812 года“.

Записки этой не оказалось въ бумагахъ А. П. (примѣч. изд.).

мнѣ, что готовъ встрѣтить его съ изъявленіемъ пріязненныхъ чувствъ. По мнѣнію многихъ, вина Чичагова, въ отношеніи къ князю Кутузову, заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ постигнуть его совершенно!

Не могъ фельдмаршалъ оставить безъ вниманія записку мою (начальника Главнаго штаба 1-ой арміи), въ которой показывалъ я себя очевиднымъ свидѣтелемъ, не участвовавшимъ въ пріобрѣтенныхъ успѣхахъ, и что даже пришедшія со мною войска, составляя резервъ, не сдѣлали почти выстрѣла [1]).

Адмиралъ Чичаговъ былъ на маршѣ съ арміею къ границамъ, когда прибылъ Государь, и едва-ли возможно усомниться, что князь Кутузовъ не объяснилъ ему дѣйствій Чичагова при Березинѣ, но только защитилъ его отъ обвиненій неосновательныхъ. Не извѣстно мнѣ, видѣлъ ли его Государь, но вскорѣ оставилъ онъ командованіе арміею и удалился. Не касалось это непосредственно выгодъ князя Кутузова, и понятно равнодушіе его!

Выступленіе арміи за границу опредѣлено 1-го числа января 1813 года. Общій планъ дѣйствій хранился въ тайнѣ.

Предварительное расположеніе войскъ слѣдующее:

Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ въ Гроднѣ и къ сторонѣ Бѣлостока. Адмиралъ Чичаговъ въ мѣстечкѣ Езднѣ и къ сторонѣ Олиты. Отдѣленный отъ его арміи корпусъ генерала барона Остенъ-Сакена, наблюдая отступленіе австрійскихъ и саксонскихъ войскъ, остановился на границѣ. Генералъ Дохтуровъ съ VI пѣхотнымъ корпусомъ и другими отрядами расположенъ также у самой границы. Генералъ Тормасовъ со всею гвардіею и ея кавалеріею, 1-ю гренадерскою дивизіею и сильною артиллеріею, занималъ мѣстечко Меречъ и окрестности. Здѣсь назначена главная квартира Государя и фельдмаршала. Графъ Витгенштейнъ съ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ недалеко отъ Ковна наблюдалъ отступленіе отъ города Риги прусскихъ войскъ [2]).

Атаманъ Платовъ съ большею частію полковъ войска Донского приближенъ былъ къ мѣстечку Меречъ; прочіе всѣ готовы были къ выступленію за границу.

---

[1]) Фельдмаршалъ не желалъ удержать при себѣ генерала Беннигсена, часто весьма противнаго съ нимъ мнѣнія. Генералъ Толь ловкимъ образомъ пользовался всякимъ случаемъ возжигать между ними несогласіе, съ вѣрнымъ разсчетомъ упрочить вліяніе свое на Кутузова.

[2]) Командующій прусскими войсками генералъ Іоркъ есть одинъ изъ отличнѣйшихъ начальниковъ. Онъ, прекративъ военныя дѣйствія, вошелъ въ переговоры, согласно съ желаніемъ войскъ, особенно ему преданныхъ. Въ крѣпостяхъ Пруссіи были французскіе гарнизоны, и король не могъ одобрить явнаго нарушенія союза съ Наполеономъ.

Генералъ-адъютанту барону Винценгероде предположено составить особенный отрядъ [1]).

По упраздненіи Главнаго штаба 1-й арміи, я назначенъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій. Я обратился къ фельдмаршалу, прося исходатайствовать отмѣну назначенія моего, но онъ сказалъ, чтобы я самъ объяснилъ о томъ Государю. Намѣреніе его было, какъ тогда сдѣлалось извѣстнымъ, мѣсто это доставить артиллеріи генералъ-маіору Рѣзвому.

Послѣ лестной должности, неожиданно и не по чину мнѣ назначенной, когда, въ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ нашихъ, Государю неблагоугодно было предложить ее никому другому, мнѣ дано приказаніе, и оставался долгъ повиновенія!

Теперь новая должность моя объемлетъ часть обширную, но есть и недостатки въ ней, требующіе скораго исправленія, при средствахъ, дѣятельною кампаніею истощенныхъ, въ отдаленіи отъ удоб-

---

[1]) Наблюдательный его отрядъ находился недалеко отъ Москвы, около села Всесвятскаго. Баронъ Винценгероде зналъ зналъ отъ жителей, что Наполеонъ выступилъ съ арміею, и въ городѣ осталось очень мало войскъ. Схваченные плѣнные подтверждали, что оставленному съ малочисленнымъ отрядомъ маршалу Мортье приказано, взорвавъ Кремлевскія башни, оставить Москву и слѣдовать за арміею. Съ малымъ конвоемъ и немногими изъ свиты своей, генералъ Винценгероде подъѣхалъ къ заставѣ города, конечно, не для обозрѣнія, но правдоподобнѣе, съ намѣреніемъ, устрашивъ непріятеля готовностію къ бою, склонить къ сдачѣ Москвы. Сопровождавшій его слабый конвой былъ опрокинутъ и, не предвидя, по принятому всѣми вообще порядку, не подавши знака, что присланъ для переговоровъ (en parlementaire), хотя и настоятельно убѣждалъ въ томъ, но всѣ противъ него были обстоятельства, и онъ взятъ подъ стражу. Слабый конвой жандармовъ препровождалъ его плѣннаго, дорогами отдаленными, и уже по ту сторону рѣки Березины, внезапно освобожденъ онъ разъѣздомъ казаковъ изъ отряда флигель-адъютанта полковника Чернышева, который отправленъ былъ изъ С.-Петербурга въ Главную квартиру фельдмаршала и далѣе съ повелѣніями Государя адмиралу Чичагову. Чернышевъ изумленъ былъ появленіемъ передъ нимъ Винценгероде, ничего не зная о происшедшемъ съ нимъ. Теперь объяснилось, что судьба лишила его славы быть освободителемъ древней столицы. Взаимна была горесть, и нѣтъ сомнѣнія, что, изъ двухъ этихъ знаменитостей, каждая освобожденіе оставленной непріятелемъ Москвы весьма охотно внесла бы въ смѣту своихъ подвиговъ. Москва занята вскорѣ потомъ войска Донского генералъ-маіоромъ Иловайскимъ 4-мъ. Примѣчательно описаніе Чернышева, нелѣпое и нагло хвастливое, трудно преодолѣнной имъ мѣстности, переплытыхъ имъ рѣкъ и пр., хотя въ то время рѣки скованы были морозами жестокой зимы. Винценгероде прежде всѣхъ зналъ о выступленіи Наполеона изъ Москвы, но о томъ не извѣстилъ фельдмаршала, вкушавшаго невозмутимый покой въ позиціи при Тарутинѣ, послѣ развитія и прогнанія авангарда подъ командою Неаполитанскаго короля Мюрата.

нѣйшихъ способовъ снабженія всѣми потребностями. Болѣе прежняго извѣстный Государю, я признался простосердечно, что меня устрашаютъ трудности и неотвратимыя препятствія, чтобы поставить себя въ готовность къ скорѣйшему исполненію требованій. До сего времени въ каждой изъ армій были отдѣльные начальники артиллеріи и у каждаго свой взглядъ на порядокъ управленія дѣлами. Теперь подчиняются они общему надъ ними начальнику. Государь, благосклонно выслушавши меня, изволилъ утвердить мое назначеніе.

Въ облегченіе изложенныхъ мною затрудненій и ускоряя распоряженія артиллерійскаго департамента, Государь приказалъ мнѣ, составляя вѣдомости о всѣхъ, необходимо надобныхъ предметахъ, доставлять ихъ графу Аракчееву, который, для немедленнаго удовлетворенія требованій, будетъ объявлять волю его инспектору всей артиллеріи, барону Меллеру-Закомельскому. Мѣра эта тѣмъ необходимѣе была, что на укомплектованіе назначеной за границу артиллеріи взято большое число офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей. Оставлены въ Вильнѣ и по близости шестьсотъ орудій (600) и готовые кадры для сформированія пятидесяти конныхъ и пѣшихъ ротъ, которыя, по мѣрѣ приведенія въ надлежащій составъ, должны слѣдовать за арміею. Ротамъ, не участвовавшимъ въ дѣйствіяхъ, предписано прійти въ Вильну.

Государь прибылъ въ мѣстечко Меречъ; въ то же время и фельдмаршалъ.

Первый день 1813 года ознаменованъ выступленіемъ за границу всѣхъ нашихъ армій.

Итакъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, потерявши не менѣе восьми губерній, впавшихъ во власть непріятеля, лишившись древней столицы, обращенной въ пепелъ, имѣя въ сердцѣ своемъ болѣе пяти сотъ тысячъ враждебныхъ полчищъ, грозившихъ истребленіемъ, Россія восторжествовала! Императоръ примѣромъ непоколебимой твердости оживилъ въ каждомъ надежду спасенія отечества. Никто не щадилъ пожертвованій, призваны въ пособіе всѣ средства, всѣ возможныя усилія. Исполненныя самоотверженія, двинулись храбрыя ополченія Россіи; ударилъ часъ освобожденія, и Богъ поборникъ правыхъ, низложилъ горделивые замыслы враговъ, и уже нѣтъ ихъ на землѣ любезнаго отечества нашего!

Изложивъ извѣстныя мнѣ происшествія въ продолженіи отечественной войны и въ преслѣдованіи до границъ нашихъ спасающагося бѣгствомъ непріятеля, прекращаю я описаніе.

А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути. Томъ первый. Изъ записокъ судебнаго дѣятеля.—Житейскія встрѣчи. С.-Петербургъ. 1912 г.

Несомнѣнно, что изъ всѣхъ воспоминаній, появившихся у насъ въ XX столѣтіи, самое выдающееся мѣсто занимаютъ воспоминанія А. Ѳ. Кони.

Огромный житейскій опытъ, тонкая наблюдательность и высокій художественный талантъ ставятъ эти воспоминанія на особую высоту.

Почти весь первый томъ „жизненнаго пути“ посвященъ запискамъ судебнаго дѣятеля, и лишь меньшая часть его отводится житейскимъ встрѣчамъ.

Могучими штрихами набрасываетъ высокоталантливый авторъ идеалы и дѣятельность предсѣдателей суда, прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей, даетъ дивныя картины выдающихся судебныхъ процессовъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, съ глубокимъ анализомъ психолога разбираетъ душевное состояніе и дѣятельность обвиняемыхъ, свидѣтелей, свѣдущихъ людей, экспертовъ, попутно касаясь душевно-больныхъ и нѣкоторыхъ инославныхъ вопросовъ.

Охватывая своимъ громаднымъ умомъ почти весь судебный міръ, авторъ дѣлаетъ свой трудъ настольной книгой каждаго судебнаго дѣятеля.

Нарисовавъ со свойственнымъ только ему одному особымъ талантомъ образы князя А. И. Урусова, А. Л. Боровиковскаго и Н. Н. Мясоѣдова, авторъ переходитъ къ житейскимъ встрѣчамъ со Скобелевымъ, Аксаковымъ и др., не забывая рельефно выставить и своихъ домочадцевъ.

Каждый образованный человѣкъ прочтетъ съ захватывающимъ интересомъ прекрасныя страницы „На жизненномъ пути“, изложенныя несравненнымъ языкомъ нашего современнаго златоуста.

В. П.

Военная галлерея 1812 года. С.-Петербургъ 1812 года.

На первой страницѣ начертано рукой Государя Императора: „Достойнымъ потомкамъ доблестныхъ предковъ. Николай".

Августѣйшій редакторъ изданія—Великій князь Николай Михаиловичъ пишетъ въ началѣ своего предисловія:

„Настоящее изданіе, напечатанное, по повелѣнію Государя Императора, подъ моей редакціей, къ столѣтней годовщинѣ Отечественной войны, представляетъ собой собраніе тѣхъ портретовъ героевъ этой славной и достопамятной эпохи въ исторіи Россіи, которые находятся въ „Военной галлереѣ 1812 года" въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

Здѣсь помѣщены 329 портретовъ одного размѣра (16×14) въ алфавитномъ порядкѣ фамилій изображенныхъ лицъ. Кромѣ того, помѣщены еще 4 большихъ, во весь ростъ, портрета, находящихся въ той же галлереѣ, а именно: Императора Александра I на конѣ, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, князя М. Б. Барклая-де-Толли и князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Послѣдніе портреты воспроизведены геліогравюрой по одному на листѣ (таблицы I—IV), остальные же 329 портретовъ помѣщены по 4 на каждой таблицѣ и исполнены фототипіей. Чтобы дать представленіе о „Военной галлереѣ 1812 года" въ Зимнемъ дворцѣ, въ изданіи воспроизводятся два общихъ вида этой галлереи (таблицы V и VI)".

Далѣе въ предисловіи указано, что портретъ Императора Александра I принадлежитъ кисти Крюгера, а остальные написаны извѣстнымъ портретистомъ Георгомъ Дау (Dawe).

Во второй половинѣ книги помѣщены сокращенные послужные списки всѣхъ изображенныхъ лицъ, и эта кропотливая работа исполнена секретаремъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Голомбіевскимъ.

Изъ всѣхъ юбилейныхъ, художественныхъ, изданій „Военная галлерея 1812 года“ занимаетъ первое мѣсто какъ по самому замыслу изданія, такъ и по истинно-художественному исполненію.

Теперь эта галлерея сдѣлалась общимъ достояніемъ, и къ этому изданію можно примѣнить чудные стихи Пушкина, для Военной галлереи 1812 года:

Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни (1870—1875 г.). В. С. Чиважевскаго . . . . . 127—133

II. Изъ воспоминаній стараго кадета о Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. М. М. Рота. 239—249

III. Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за 65 лѣтъ (Изъ записокъ стараго помѣщика) . . . . . 250—257

IV. Изъ записокъ Н. А. Скалонъ. Собщ. П. Скалонъ. . . . . 373—374

V. Студенческіе годы (Воспоминанія о Варшавскомъ университетѣ). К. Н. Тура . . . . . 404—442

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

I. 1812-й годъ. Избраніе Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, пріѣздъ его въ армію и первые дни дѣятельности. М. Б. Колюбакина . . . . . 3—32, 258—281

II. Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ. Л. Бѣльковича . . . . . 33—70

III. Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву. В. . . . . 71—85

IV. Порядокъ провоза иноземцевъ отъ Архангельска къ Вологдѣ (1613 г.). Сообщилъ Ив. Суворовъ. . . . . 86—87

V. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1806 г. Сообщилъ Н. А. Вилламовъ. . . . . 88—94, 213—217, 295—300

		стран.
VI.	Къ бою 7 іюля 1812 года при Гр.-Эккау. Сообщ. Ка-Эль.	95— 96
VII.	„День Субботній". Д. Перскаго	97—103
VIII.	По поводу воспоминаній И. И. Янжула. S.	104—107
IX.	По поводу ст. „Встрѣчи и столкновенія", Р. Сементковскаго.	108—109
X.	Посѣщеніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной, 1 мая 1818 г., и Императоромъ Александромъ I, 23 августа 1853 года. Н. Лашкова	110—117
XI.	Къ характеристикѣ патріарха Гермогена (къ 300-лѣтію его кончины). А. Круковскаго.	118—125
XII.	Отцу бить сына плетью (1680 г.). Сообщилъ Ив. Суворовъ	126
XIII.	Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Одеталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. 134—144, 165—171,	288—293
XIV.	Кто управлялъ русскими войсками въ іюнѣ 1812 г. послѣ переправы арміи Наполеона черезъ Нѣманъ. П. Н. Воронова	145—163
XV.	Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. В. В—на 172—207,	300—331
XVI.	Въ Румыніи передъ войною 1877 г. Г. И. Бобрикова 208—212,	332—342
XVII.	Бѣжаницкое народное училище. И.	218—231
XVIII.	Наказаніе монахини (1690 г.). Сообщилъ Ив. С—въ	232—233
XIX.	Взятіе русскими Ганджи (Елизаветполя) (По архивнымъ даннымъ). С. Фарфоровскаго.	234—238
XX.	Матеріалы для біографіи князя М. И. Голенищева-Кутузова. К. Волховского.	283—288
XXI.	Замѣчательный указъ 25 января 1808 года. Сообщ. П. В. Федоровъ.	294
XXII.	Древнія русскія монеты X—XVI в. Н. Я. Кипріановича.	343—356
XXIII.	Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій. А. В. Кубинцева.	357—371
XXIV.	Обмануть Наполеона. Сообщ. Н. Л.	372
XXV.	Замѣтки о поѣздкахъ по С.-В. Персіи. П. Гладышева.	375—393
XXVI.	Новгородское ополченіе 1812 г. и памятникъ ему въ Новгородѣ. Н. Лашкова	394—401

Приложенія:

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 года, іюль, стр. 16—44, августъ, стр. 45—120, сентябрь, стр. 121—140.

I. Портретъ князя Петра Ивановича Багратіона (при VII-ой книгѣ).

II. Портретъ Барклая-де-Толли (при VIII-ой книгѣ).

III. Бой 24 августа 1812 г. у Шевардина (рисун.) (тамъ же).

IV. Бородинское сраженіе 26 августа 1812 г. (рисун.) (тамъ же).

V. Планъ Бородинскаго сраженія (тамъ же).

VI. Портретъ князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова (при IX-ой книгѣ).

VII. Карта войны 1812 г. (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. Книги вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4-го по 18-ое августа 1911 г. (на оберткѣ іюльской книги).

2. Списокъ книгъ, касающихся отечественной войны, присланныхъ въ редакцію для рецензіи. Матеріалы Военно-ученаго Архива Генеральнаго Штаба. Т. Т. XIV, XV, XVI и XVIII; Нашествіе Наполеона и Отечественная война 1812 г.; Къ столѣтію Отечественной войны 1812 г.; Акты, издаваемые Виленской Комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXVII; Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г.; Полоцко-Витебская Старина, ч. I; Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Н. П. Муратова; Бородино, по новымъ даннымъ; Россія и Наполеонъ; 1812 г. Первое „Утро“, посвященное Отечественной войнѣ; Походъ въ Москву; Пожаръ Москвы) (на оберткѣ августовской книги).

3. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18-го августа по 25-ое августа 1911 г. (тамъ же).

4. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 25-го августа по 15-ое сентября 1911 г. (на оберткѣ сентябрьской книги).

5. А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути. Томъ первый. Изъ записокъ судебнаго дѣятеля.—Житейскія встрѣчи. С.-Петербургъ 1912 г. (въ текстѣ стр. 1).

6. Военная галлерея 1812 года (въ текстѣ стр. 2—3).

Московской обл. библиотеки

Краткое пособіе къ лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка, читаемымъ на Высшихъ Женскихъ Курсовъ проф. В. К. Поржезинскимъ. Введеніе и фонетика. М. 1911. Тип. Т-ва И. Н. Кушперевъ и К° (Пименовск., соб. д.). 8° (19×26). 79 стр. Скл.: кн. маг. Спиридонова и Михайлова (уг. Моховой и Тверской, д. Націон. Гостиницы). Ц. 90 к. Вѣсъ 11 л. 1.200 экз.

Кругликовъ-Гречаный, Л. П. Княгиня Ольга. Научно-популярный очеркъ. Кіевъ. 1911. Изд. Автора (Мар.-Благовѣщенская, 103). Тип. И. И. Чоколова (Фундуклеевская, 22). 8° (15×23). 38 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Купринъ, А. Разсказы. Т. I. Собраніе сочиненій. М. 1911. Изд. Москов. книг. Изд. 4-е. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 8°. 336+16 пен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 5.200 экз.

Купринъ, А. Разсказы. Т. VI. Собраніе сочиненій. М. 1911. Изд. Моск. Книгоизд. (Мясницкая, 24), 3-е. Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудн. п., с. д.). 8° (15×21). 304+16 пен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 5.000 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. № 9. М. 1911. Изд. к-ства „Образованіе“ (Камергерскій пер., д. 4). Тип. „Русскаго товарищества“ (Чистые пруды, св. д.). 4° (25×33). 107 стр.+20 л. рис. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 4.000 экз.

Народная Война. 1812 годъ. Спб. 1911. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8°. (13×19). 97 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 11.000 экз.

Поликарповъ, Н. П., полк. Къ исторіи Отечественной войны 1812 года. (По первоисточникамъ). Забытыя и неописанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26 августа 1812 г. при селѣ Бородинѣ. Вып. 1. М. 1911. Изд. Л. Лукьянова. Тип. Русская Печатня (Садовая-Тріумфальная, 170). 8° (15×22). 55 стр.+1 карта. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 1.200 экз.

Пушкинъ, А. С. Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1911. Изд. и тип. Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный, 6). 8° (20×28). 552+LXXIV стр. Съ рис. Вѣсъ 5 ф. 2 л. 15.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Всѣ баллады и легенды. Спб. 1911. Изд. 5-е, Ф. Павленкова. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 16° (10×16). 92 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 5.100 экз.

Рождественъ, А. С. Бѣлинскій-критикъ-художникъ. Къ столѣтію дня рожденія 1 іюня 1811—1 іюня 1911 г. Казань. 1911. Тип. Университета. 8° (17×25). 20 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Розановъ, И. и Сидоровъ, Н. Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. (Универсальная библіотека № 508—9). М. 1911. Изд. книгоизд. Польза, В. Антикъ и К° (Козицк., 2). Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудн., с. д.). 16° (9×14). 207 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 5.200 экз.

Романовскій, В. Е. Наполеонъ I и Александръ I до и послѣ войны 1812 года. М. 1912. Изд. к-ва К. И. Тихомирова (Кузнецкій м., д. Захарьина). Тип. Н. П. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ (М. Златоустовскій пер., д. Хвощинскаго). 8° (15×22). 106 стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 5.000 экз.

Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ. Сочиненія. Томъ четвертый. Крестьянское дѣло съ 1 іюня 1859 по апрѣль 1864 года. М. 1911. Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевскій, 5). 8° (18×27). LVI+559+2 пен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 600 экз.

Сидоровъ, А. И. Конспектъ русской исторіи. М. 1911. Тип. Русск. Тов. (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (15×21). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Смирновъ, Петръ, прот. Исторія христіанской православной церкви. Спб. 1911. Изд. 25-е. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×23). 280 стр. Съ 5 картинами. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 20.000 экз.

Троицкій, Д. И. Двѣнадцатый годъ. Очерки и разсказы изъ исторіи Отечественной войны. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (17 × 25). 305 + +II стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 5.000 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 11-й. Спб. 1911. Изд. І. Кнебель—Москва. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 209—312 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 15.000 экз.

Ефименко, А. Я., проф. Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова и К°. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (16 × 23). VI + +176 стр. Съ 44 рис. и 5 раскращ. карт. Ц. 75 к. Вѣсъ 28 л. 7.500 экз.

Ефремъ, архим. Иргень—мѣсто святое (Миссіонерскій станъ на озерѣ Иргень въ Забайкальской области). Чита. 1911. Тип. Забайкальск. Т-ва печ. дѣла. 8° (16×22). 27 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 2.400 экз.

Ивановъ, Е. Историческій Архивъ. Харьковъ. 1911. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещ., 3). 8° (17×26). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Кабановъ, А. Грамота Патріарха Гермогена въ Нижній-Новгородъ. (Начало нижегородскаго ополченія). 1611—1911 25 августа. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегор. губ. учен. архив. комисс. Тип. З. А. Остафьевой. f° (34 × 45). 1 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 30.000 экз.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.**